

Запутанное Лечение

Карен Аманда Хуппер

Яра Джонс не верит в морских чудовищ, пока не становится одним из них. Когда ураган уничтожает ее дом на острове, и она просыпается с плавниками, Яра оказывается впутанной в тайный подводный мир водяных и селки. Обе стороны считают, что Яра может спасти их, разорвав договор и открыв запечатанные ворота во владения, но они не знают как это сделать. Селки хотят забрать ее жизни. Водяные хотят нечто гораздо более ценное.

Трейган, водяной с карими глазами, который превратил Яру в русалку, не остановится ни перед чем и пожертвует всем, чтобы защитить свой народ, пока не встречает Яру. В запутанных течениях Яра борется, чтобы спасти себя, сотни морских существ и водяного, который покорила ее сердце. В процессе она может потерять душу, открыв ворота для любви, более глубокой, чем океан.

Оригинальное название: Tangled Tides

Автор: Карен Аманда Хупер / Karen Amanda Hooper

Серия: Мемуары морского монстра #1 / The Sea Monster Memoirs #1

Переводчики: Sneshka, AnnA_Sme, nasya29

Редактор: Евгения Волкова

ШТОРМ

Мне нужно было выбрать между ангелом и русалкой.

— Что ж, дамы, которая из вас готова пожертвовать собой? — спросила я.

Губы ангела выглядели серьезными. У русалки же была озорная улыбка.

Дядя Ллойд любил свои настенные панели с мистическими существами ручной работы, но шестифутовые прямоугольные плиты из тика были единственными, достаточно большими и крепкими, вещами, которые могли защитить окно в гостиной.

Мы использовали всю имеющуюся фанеру, как ставни, во время последнего урагана.

Мой дядя сказал, что заменит её, но он, должно быть, забыл. Посейдон был моим первым выбором.

Он выглядел строгим, держал трезубец высоко над головой, но морской ангел и русалка были ближе к входной двери.

Ветер завыл снаружи. Я ещё раз помолилась о том, чтобы дядя был в безопасности.

Он застрял на материке, но, по крайней мере, у него было убежище в больнице, и, надеюсь, они сделали ему диализ...

Я посмотрела в окно, чтобы убедиться, что маяк все еще ярко светит.

Если каких-то лодочников застал врасплох этот внезапный шторм, они увидят устойчивый луч света и укроются здесь, пока он не пройдет. Они были моими любимыми посетителями.

Люди, живущие в море, всегда рассказывали такие интересные и захватывающие истории.

Мать-природа поторопила меня сделать выбор между настенными панелями, бросив пальмовую ветку в окно.

Шлепок ветки по стеклу заставил меня подпрыгнуть.

Ливень звучал подобно галечнику, падающему на крышу и веранду. Оставалось сделать только одно.

Я выбрала русалку.

Она должна будет отдуваться одна за всю команду, пока ангел охраняет меня и дом.

После некоторых серьезных усилий я отодвинула тяжелую панель из древесины от стены. Она упала с глухим стуком на пол всего лишь на волосок от пальцев ног. Я вцепилась в её край и начала толкать вдоль по кафельному полу.

— Черт возьми, ты тяжелая, — проворчала я.

Мне нужно было вынести русалку наружу, чтобы заблокировать окно, но, когда я открыла парадную дверь, меня сбил ветер.

Густые, низко-нависшие облака двигались быстро, разделяясь, затем скручиваясь вместе, формируя постоянно меняющиеся чернильные пятна в небе.

Ровнан был где-то там снаружи, и надеюсь, в безопасности в Кейс.

Часть меня хотела, чтобы мы встретили этот ураган вместе, слушая ветер и дождь, прижимаясь друг к другу на диване при свете свечей.

Однако, не время витать в облаках. Мне надо было защитить дом. Я протащила деревянную панель ещё на несколько сантиметров, затем остановилась, когда та зацепилась о дверной порог.

— Давай же, — простонала я, опираясь на нее всем своим весом.

Мои шлепанцы пронзительно заскрежетали по влажной плитке.

Ноги шли на месте, пока я толкала, но русалка не двигалась с места. Между моими стопами и завываниями ветра я услышала голос снаружи и подумала, что мне это показалось — пока не услышала его снова.

— Ты была бы рада помощи?

Я подняла голову, чтобы увидеть стоящего на крыльце парня, одетого только в шорты, ветер взбивал его длинные, тёмные волосы вокруг лица.

— Кто ты? Где ты... заходи внутрь! — настояла я, как только дом снова сотрясли раскаты грома.

Он протиснулся между дверью и русалочьей панелью, взглянув на неё, как только пригладил назад свои мокрые волосы.

Я не видела ни одной прибывшей лодки. Разве я не правильно прочитала журнал бронирования?

Разве мой дядя сдал в аренду один из его коттеджей на эти выходные?

— Ты гость? — спросила я.

Его кобальтовые глаза впервые встретились с моими. Он выглядел знакомо, но я не могла понять, почему. Возможно, его семья отдыхала здесь раньше. Он выглядел лет на двадцать, не намного старше меня.

— Гость? — переспросил он.

— Ты отдыхаешь на острове, верно?

— Нет. Это не так, — он кивнул в сторону деревянной панели рядом со мной. — Есть ли какая-то причина, почему ты занимаешься этим во время урагана?

— Мне нужно перетащить ее на крыльцо, чтобы прикрыть его, — я указала на окно гостиной. — Намного важнее: кто ты, и почему ты здесь?

Он подошел ко мне ближе, а я отступила к стене, думая, что он собирается прикоснуться ко мне. Вместо этого, он схватил верхнюю часть панели и повернул одним из углов вверх.

Его мокрые плечи, бицепсы и мышцы спины напряглись и согнулись, пока он ловко пронёс панель над порогом и вытолкнул на крыльцо.

Я не знаю, почему стояла там и смотрела, как беспомощная немая.

Возможно, это просто был шок от того, что я увидела кого-то ещё на острове, в доме моего дяди, не менее.

Шорты парня были мокрыми и висели опасно низко на бедрах.

Ровнан не одобрил бы такого моего взгляда. К тому времени, когда я очнулась от размышлений, мистер Таинственный Незнакомец поместил панель перед окном, погружая гостиную в темноту.

Он прошел через открытый дверной проем, озаренный грозowymi тучами.

— Меня зовут Трейган. Тебе нужна еще какая-либо помощь?

Как этот парень оказался в Эденс Хаммок во время урагана?

Должна ли я бояться его? Если бы он хотел навредить мне или обокрасть моего дядю, он не стал бы сначала помогать мне с моей незадачей, верно?

— Нет, это всё, — ответила я. — Все заколочено. — Мы просто стояли там, смотря друг на друга, пока я не заметила лужу, образовывавшуюся у его ног. — Сейчас вернусь.

Я оставила его, промокшего, у входа, тогда как сама побежала в ванную и схватила полотенце.

— Разве ты не слышал о штормовом предупреждении?

Я крикнула через плечо и помчалась назад с полотенцем, но когда дошла до него — поскользнулась на мокрых плитках.

Он поймал меня за руку, и я зарделась. Я попыталась скрыть свое смущение, протянув ему полотенце, но он просто держал его, не вытершись или накинув на себя, как я ожидала. Он молча стоял.

— Э-э, ты будешь здесь в безопасности, если тебе нужно место, чтобы укрыться во время шторма, — я огляделась вокруг, собирая свои мокрые волосы в конский хвост и пытаясь не смотреть на его полуобнаженное тело. — Если хочешь, можешь занять какую-то одежду моего...

— Яра, — он спокойно перебил.

Я напряглась. Я могла поклясться, что его голубые глаза потемнели, и вокруг его зрачков мелькнула бирюзовая молния.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Мне нужно, что бы ты доверилась мне, — его голос был подобен утихающему рокоту грома. — Позволь мне увести тебя в безопасное место.

И снова бирюзовая молния стволom с прожилками пронеслась по его зрачкам. Я не могла прекратить смотреть на них. Моя голова казалась туманной и отделённой от шеи, но я кивнула.

Он взял мои руки в свои, и я не сопротивлялась. Должна была, но не могла.

Его слова простирались по пространству между нами, подобно теплой ириске:

— Если ты хочешь, чтобы я отвёл тебя в безопасное место, ты должна сказать, что ты этого желаешь.

У меня не было контроля над словами, которые сорвались с моих губ. Мои губы казались вялыми, когда я произнесла:

— Я хочу, чтобы ты отвёл меня в безопасное место.

Невидимая лента, похожая на бархат, обвилась вокруг нас, стягивая и связывая нас вместе.

Дом и все, что в нем, пропали из виду. Мы начали блуждать сквозь гипнотизирующий серебряный туман.

Мы танцевали? Мы скользили и кружили в различных направлениях.

Стойкое биение его сердца стучало против моего. Запах меда, смешанный с соленым океанским воздухом, слегка коснулся моего носа, вызывая спутанные воспоминания из моего детства.

Капли дождя зашевелили мою кожу, как только звук завывающего ветра и грохот волн стали громче, но все же, более мелодично. Я крепко держала Трейгана, не желая, чтобы это, без разницы что это было, закончилось.

Вода ласкала мои ноги, как будто я погружалась в теплую, манящую ванную. Я чувствовала себя спокойной, мирной и находящейся в безопасности. Тихий голос Трейгана эхом донесся до меня сквозь облако эйфории.

— Сделай глубокий вдох, — он прошептал мне на ухо.

Так я и сделала.

ДЕНЬ 1

Я не понимала, где находилась. Когда открыла глаза, то увидела аквамариновое море, и поняла, что вокруг меня вода. Я была под водой, но не тонула.

Дыхание было нормальным. Это определенно сон.

Каменная плита, на которой я лежала, упиралась мне в спину.

Два дельфина кружились друг за другом в нескольких метрах надо мной, взбалтывая воду. Пряди моих волос, цвета желтой рыбы Тан, плавали вокруг моего лица.

Пузырьки воздуха проплыли мимо меня, когда я приподнялась и села.

Осознав, что была голой по пояс, я скрестила руки на груди и посмотрела вниз.

Что за черт? Моя грудь все еще была месте — не то, чтобы у меня были большие округлости, которыми можно было похвастаться — но моя кожа была покрыта блестящими рисунками замысловатых, скрученных виноградных лоз и символов, которые выглядели словно светящиеся татуировки.

Медные листья обрамляли мои руки, будто рукава, соединяясь с лабиринтом произведений искусств, которые простирались по моей груди и заканчивались чуть ниже моего живота.

Золотой хвост лежал, вытянувшись, передо мной в том самом месте, где должны были быть мои ноги.

Я вцепилась в него пальцами, ожидая боли, которая пробудит меня ото сна, но вместо этого почувствовала, как скользкие чешуйки вонзились мне под ногти.

Я коснулась живота и предплечий, но моя золотая кожа, если ее до сих пор можно было называть «кожей», больше не была похожа на человеческую — она была слишком шелковистой, слишком скользкой. Это напомнило мне то время, когда мы с дядей гладили скатов в аквариуме.

Я взмахнула головой назад, потом вперед пытаюсь понять, что создало мое воображение.

Я посмотрела вверх, вниз, из стороны в сторону, но вода заставляла меня двигаться в замедленном темпе.

Недостаток солнечного света давал понять, что я находилась глубоко на дне океана, но по каким-то причинам я могла все отчетливо видеть.

Растения, окрашенные в яркие оттенки фиолетового, зеленого и желтого, раскачивались взад и вперед. Кораллы в неоновых оттенках розового, оранжевого и синего вытягивались, словно скрюченные пальцы, ловя рыбу, проплывающую вокруг них.

Призрачно-бледный русал, с иссиня-черными волосами и того же цвета хвостом, подплывал ко мне. Он скользил по воде, словно грозный змей, остановившись в нескольких сантиметрах от места, где я сидела.

«Знаешь ли ты, где находишься?»

Его слова были ясны, но губы не двигались.

«Я только что слышала его мысли?» — удивилась я.

«Да, именно так мы общаемся.»

Снова его рот оставался неподвижным. Голос был в моей голове. Такое могло происходить только во сне.

«Ты знаешь, где находишься?»

Мои желтые волосы снова всплыли вокруг моего лица. Я оттолкнула пряди прочь.

«Да, я в безумном — хотя и немного прикольном — сне.»

«Сне?»

«Это.» Я указала на все вокруг нас. «Придуманый подводный мир, где люди — наполовину рыбы.»

Он несколько раз моргнул, затем бледные губы расплылись в полуулыбке.

«Уверяю тебя, ты не спишь. Это...» он развел руки в стороны, «...твой новый дом.

Воспоминания о шторме нахлынули на меня: перетаскивание русалочьей панели по

дому; незнакомец в низко висящих шортах, ощущение пребывания в трансе; мистер Таинственный Незнакомец говорит, что отведет меня в безопасное место.

Мои руки задрожали. Дыхание участилось так, что у меня началась гипервентиляция¹ — за исключением того, что я дышала водой, что должно было быть невозможным. Я почувствовала легкое головокружение, словно меня могло унести течением.

Вода, окружавшая меня, казалось, пульсировала в такт каждому удару моего сердца. Я вцепилась в камень, находящийся подо мной, пытаюсь ухватиться за что-то твердое, что-то реальное.

— Нет! — закричала я, ударяя руками по скале. Но мои вопли звучали лишь, как приглушенное мяуканье, а попытки разогнать воду не имели такого же эффекта, как на суше.

Мой парень рассказывал мне ужасные истории о русалочьем народе.

Он говорил, что они похищают людей и стирают их воспоминания, затем используют их как игрушки. За прошедшую неделю он несколько раз заострял на этом тему, предупреждая меня, держаться от них подальше.

Я думала, таков был его способ насмеяться над навязчивой коллекцией искусства моего дяди. Русалочьего народа не могло существовать. Люди не живут под водой!

Я сделала несколько глубоких вдохов, проверяя, действительно ли могу дышать под водой. Это был не сон.

Это происходило на самом деле. Но принять это — было бы безумием. Я сошла с ума? Могло ли это послужить объяснением?

По словам Ровнана, русалочий народ был коварным и подлым.

Парень, плавающий передо мной, действительно подходил по описанию. Меня и вправду похитили и превратили в монстра? Если так, то я не сдамся без боя.

«Ты нормально себя чувствуешь?» — спросил Жуткий Парень.

«Конечно, нет! Я русалка, а ты водяной, который меня похитил.»

Его глаза расширились. Возможно, он думал, что заслуживает большего уважения, но, как и моя мама, я не умела контролировать свой характер.

«Что такое водяной?» — спросил он.

«Козёл, но изготовленный по специальному заказу.»

Он покачал головой:

«В этом нет даже анатомического смысла.»

«Неважно. Это имеет смысл для меня.»

Стая оранжевых рыб проплыла над нами. Я заинтересовалась тем, что могла слышать их гудение в высокой тональности, но подозревала, что в этом мире было ещё много странных вещей — в мире, в который меня привели против моей воли. Я проигнорировала рыб и переключила внимание на Жуткого Парня.

С его почти черными глазами, трупного вида кожей и угловатым подбородком, он выглядел как Морской Дьявол Смерти.

Я не знаю, какая из эмоций больше контролировала меня сейчас: страх быть наедине с этим омерзительным, в два раза большим меня по размеру, парнем или шок от того, что я находилась глубоко в океане, с хвостом, разговаривая с помощью мысли.

Жуткий Парень взглянул на восток. Что за...? Откуда я знала, где был восток?

В любом направлении, куда бы я ни посмотрела, я видела только бирюзовую воду, цветные кораллы, растения и снова воду. Ничто не указывало на конкретное направление, но я чувствовала это, будто у меня был встроенный компас.

«Твой опекун появиться через мгновение. До тех пор предлагаю воздержаться от общения.» Он уплыл от меня прочь.

«Мне восемнадцать. Мне не нужен опекун.»

Я высказала мысль с твёрдой позицией, но он не вздрогнул и не ответил. Я не позволю какому-то готического вида уроду игнорировать меня или передать какому-то опекуну.

«Скажи, как мне вернуться на остров!»

Все еще никакого ответа. Я поплыла к нему, собираясь толкнуть в плечо, но порывы воды закружились вокруг нас и один из них оттолкнул меня назад. Когда пузырьки прошли, напротив него плавал второй русал.

У приплывшего были голубые волосы, цвет которых походил на окружающую нас воду. Его омерзительный хвост и плавники были на тон светлее и переливчатыми. По сравнению с другим парнем, он выглядел красочней.

Я поплыла вперед, проплывая мимо них, но ни один не обернулся посмотреть на меня.

Символы, завитки и рисунки, похожие на мои, покрывали их опаловую кожу в оттенках серебристого, черного и голубого цветов. Я несколько раз моргнула, стараясь понять, была ли это иллюзия созданная водой, или рисунки действительно мерцали.

Несмотря на это, они выглядели как уроды. И я тоже стала уродиной. Мой дядя не должен был увидеть меня такой.

Дядя. Боже мой, что я ему скажу? Что дядя Ллойд подумает, когда вернется домой, а меня не будет? Он сойдет с ума! Как долго я пробыла под водой? Часы? Дни? Недели?

Стресс был последним, чего ему не хватало в его состоянии. Я должна найти дорогу домой.

Подняв глаза, я увидела, как русал цвета индиго уплывает прочь. Его темные хвост и волосы извивались змеей вниз и вверх, пока он не исчез вдаль. Другой монстр уставился на меня. Это был тот парень из дома — Трейган.

«Здравствуй, Яра.»

Его глаза были такими же, как волосы цвета смурфа.

Я скрестила руки на груди с растительным мотивом. Почему я доверилась какому-то незнакомцу, появившемуся из ниоткуда? Только потому, что он помог и был привлекательным? Как я могла быть настолько глупой? Я чувствовала, что плачу, если это вообще было возможно — плакать под водой.

Этот парень, или кто бы он там ни был, не был достоин слез. Я успокоилась и снова встретила с ним взглядом.

«Ты сделал со мной это. Я доверилась тебе, пригласила в дом своего дяди, а ты ввел меня в какой-то транс и похитил.»

Его голова медленно повернулась из стороны в сторону. Я не могла сказать, было ли это намеренно или из-за воды. Все вокруг меня, казалось, было в постоянном движении.

«Я не похищал тебя. Я спас тебя.»

Я ударила его, не в силах сдержаться. Но пощечина получилась не лучше, чем хлопок. Я всего лишь задела его щеку. Он выглядел позабавленным. Я разочаровано повернулась к нему спиной.

«Это должна была быть пощечина!» — мысленно выкрикнула я.

«Как ты посмел привести меня сюда? Я не соглашалась на это. У меня есть близкие, которые нуждаются во мне.»

«Они будут волноваться. Ты не можешь просто так забрать кого-то из дома и...»

Его рука коснулась моего плеча.

Я повернулась к нему лицом.

«Не трогай меня.»

Он прищурился, но не отвел взгляд.

«Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке.»

«Ты что глухой? Я же только что сказала, что ненавижу тебя за то, что ты привёл меня сюда. Ты не имел права это делать.»

Что-то на его груди привлекло мое внимание. Его татуировки двигались и меняли цвет? Я уставилась на них, ожидая увидеть это снова, но он помахал рукой перед моими глазами, мешая сосредоточиться.

«Я не могу слышать твои мысли, когда не вижу твои глаза. Если ты думала о чём-то, пока была повернута ко мне спиной, то да, я был глух.»

«О, я не знала.»

Я закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями без того, чтобы их подслушал мой новый худший враг. Он спас меня от шторма? Я бы лучше утонула или пострадала от смертельной травмы головы, нанесённой обломками — всё что угодно, но только не быть забранной из дома и превращенной в рыбу.

Мой парень не шутил. Злобные морские монстры, о которых он меня предупреждал, были реальны. Почему я не послушала его?

Где был Ровнан? Все ли с ним в порядке? Что если ураган достиг его города?

Мы должны были провести вместе отпуск, чтобы отпраздновать мое день рождения, но теперь я буду ему противна. Мои глаза широко распахнулись. Мне нужно найти моего парня.

«Твоего парня? Я не знал, что у тебя есть парень.»

«Ты ничего обо мне не знаешь!»

Он наполовину отвернулся, но потом вновь повернулся ко мне.

«Этот твой парень, как его зовут?»

«Не твое дело.»

Его руки сжались в кулаки.

«Как же ты хочешь, чтобы я помог тебе найти его, если не знаю его имени?»

«Если я скажу тебе, обещаешь ли ты вернуть меня обратно в Эденс Хаммок? Он наверняка там и обеспокоен до смерти.»

«Я обещаю отвести тебя домой.»

«Отлично. Его имя Ровнан.»

Это снова произошло, и на этот раз я это отчетливо увидела. Кожа вокруг его тату изменилась с жемчужно-белой до темно-серебристой.

«Ровнан претендовал на звание твоего парня?»

Мое сердце затрепетало.

«Мы много раз спорили об этом. Но он против ярлыков.»

«Конечно же, против», — усмехнулся Трейган.

«Ты не знаешь его. Держи свои чванливые замечания при себе.»

«У него колючие темные волосы и такого же цвета борода?»

Я подняла подбородок.

«У него бородка, а не борода.»

«Он носит длинное белое пальто?»

Я посмотрела в сторону. Пальто Ровнана. Я никогда не видела его без него, и никогда не

видела ничего, или никого, более великолепного. У него был такой классный стиль. Это была одна из миллиона привлекательных вещей в нем.

«Да. Откуда ты его знаешь?»

Вся грудь Трейгана покрылась серым металиком, и племенная веревка вокруг каменного якоря его татуировки определенно задвигалась.

«Ровнан — лживый, коварный мошенник, который, по случайности, является моим сводным братом.»

Яра повторяла слова «Он врет» с разными интонациями: уверенно, с сомнением, вопросительно и снова уверенно. Чем скорее она обучится нашему способу общения, тем будет лучше для нас обоих.

«Русалочий народ не врет», — спокойно возразил я.

«Ха! Это ложь, чтобы скрыть ваше прочее вранье! Русалочий народ известен своими злобными трюками.»

Дельмар думал, что стер все ее знания о морских существах. Тем не менее, она, похоже, все еще помнила то, чему ее учили — неправильно учили — о нашем виде.

Займет много времени, чтобы распутать этот клубок лжи, созданный Ровнаном, поэтому я устроился поудобней на ближайшем валуне. Когда я посмотрел вверх, Яра суетилась.

«Не может быть, чтобы этот парень имел отношение к Ровнану. Да ни за что. Ему действительно нужно постричься. Как он может сидеть под водой? Этот глупый способ жизни не имеет никакого смысла...»

«Сидеть легко,» — перебил я, показывая на большой камень. — «Почему бы тебе не попробовать?»

«Что? Эй, я не... некоторые из моих мыслей не предназначены для твоих ушей. Держись подальше от моей головы.»

«Отворачивайся, когда не обращаешься ко мне. Это не сложно.»

Я не мог скрыть свое раздражение. Трансформация и обучение людей было сложной и никогда не заканчивающейся задачей, а у меня не было времени на это.

Она осмотрела меня с головы до плавников, и ее хмурый взгляд немного смягчился.

«Как ты можешь жить под водой и не быть сморщенным, как чернослив?»

«Это особенность морских существ: минимальное воздействие гравитации, отличная гидрация, ограниченное подвержение людскому загрязнению и другие факторы, которые можно сравнить с источником молодости.»

Она уставилась на меня, в ее мозгу перемешались бессвязные мысли. На краткое мгновение, ее глаза напомнили мне осеннее солнце. Ее длинные ресницы, закрученные наружу, походили на янтарные лучи света. Затем она прищурилась и продолжила сердиться.

«Сколько тебе лет? Двадцать?»

«С тех пор, как я родился, прошло несколько десятилетий.»

«Несколько десятилетий — тебе должно быть тридцать. Это треть пути к старости.»

«Старость.» Она понятия не имела, что такое старость. «Не в нашем мире. Многие из нас живут триста лет или около того.»

«Триста! Зачем кому-то захотелось бы так долго жить?»

«Мы не считаемся старыми аж до двухсот пятидесяти. Мы стареем иначе, чем люди.»

Я обещал Виолетте не вмешиваться в обучение Яры без предварительного разговора с ее учителем, но я хотел влезть в голову этой девушки и показывать ей правду до тех пор, пока ее притязательные мозги не взорвутся.

«Ты должна многое узнать о подводном образе жизни.»

Видимо, я слишком мало знал о человеческом преобразовании. Ее желтые волосы и золотые зрачки озадачивали.

Она должна была сначала стать Красной. Дельмар заверил меня, что этому должно быть объяснение. Он уплыл рассказать об этом старейшинами, и скоро у нас будут ответы.

Яра продолжала суетиться.

«Я не хочу узнавать об этом нелепом образе жизни. Я хочу снова стать человеком. Верни меня обратно на мой остров,» — она замахала руками над головой. — «Это не мой дом, и никогда им не станет.»

Злюка... думаю, это жаргонное словечко лучше всего описывает ее поведение. Эта сторона Яры была той, которую я не часто видел на протяжении многих лет.

«Меня это совсем не заботит. Если человеческая жизнь настолько великолепна, почему ты тогда проводила столько времени сидя на пляже, плача часами и глядя на океан?»

Она вдохнула глоток воды.

«Ты шпионил за мной?»

«Не льсти себе. Я избегаю выходить на сушу всякий раз, когда это возможно, и у меня есть дела поважнее, чем шпионить за человеческим ребёнком.»

«Я не ребенок! Мне завтра будет восемнадцать!»

Мое внимание устремилось в сторону черепахи проплывавшей вдалеке. Яра не знала, что ее настоящий день рождения был сегодня. Ее мать была гораздо умнее, чем я думал.

Это напомнило мне, что осталось только восемнадцать закатов, пока проходы в наше королевство могли быть открыты. Награда была достаточно хороша, чтобы вытерпеть эти детские капризы.

Я сделаю все, чтобы вернуть моих людей в безопасное место, в том числе и довести до конца эту нелепую сделку.

Наши глаза снова встретились.

«Яра, я хорошо осведомлен о твоём возрасте. Докладчики были приставлены к тебе на протяжении достаточно долгого времени.»

«Докладчики? За мной следили множество морских уродов?»

«Еще раз назовешь моих людей уродами, и я покажу тебе, насколько жестоким могу быть.»

Я поплыл вперед до тех пор, пока наши лица не оказались на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга.

«Если ты думаешь, что ненавидишь меня сейчас, дождись, когда увидишь меня сердитым.»

Я хотел сразу же отказаться от своих слов. Она сглотнула, когда увидела, что мои отличительные признаки закружились по коже. Почему я позволил этой девушке так

взбесить себя?

Яра потеряла глаза.

«Твои татуировки и вправду двигаются, или у меня галлюцинации из-за воды?

Я заставил свои мысли принять более спокойный тон.

«Они называются — отличительными признаками. Они отражают наше наследие и индивидуальные черты характера. Они также подстраиваются под наши эмоции.»

Она посмотрела вниз на свои собственные символы и покачала головой.

«Вернемся к моему вопросу. Кто следил за мной?»

«Пойдем, встретимся с остальными, в том числе и с русалками, которые докладывали мне о твоём местонахождении.»

Грубые мысли продолжали литься из нее фонтаном. Гражданские разговоры может и не были вариантом, но, возможно, поможет юмор.

«Мне позвать морских коньков для долгого путешествия?»

Она помолчала, смотря на рыб и растения вокруг нас.

«Вы ездите на морских коньках?»

Я рассмеялся в ответ.

«Если ты веришь в это...» — я кивком указал на отличительные признаки в виде листков, покрывающих ее грудь, — «...то, должно быть, веришь и в то, что женщины носят лифчики из морских ракушек.»

Она скрестила руки на груди и отплыла от меня.

«У нас был уговор. Ты сказал, что поможешь мне найти Ровнана. Или это была очередная ложь русалочьего народа?»

Если бы я мог привязать ее к тонущему кораблю и оставить там, я бы так и сделал. Кто бы мог подумать, что она превратится в такого сварливого ребенка?

«Хорошо. Сначала мы найдем Ровнана.»

А после этого найдем Каролин. Она с треском провалила задание.

Как мы могли не знать, что Ровнан общается с Ярой? Мой отличительный знак в виде змеи скользнул вниз по моей спине. Ее серебряные глаза загорелись на моей коже.

«Да, пойдем, найдем Ровнана. Мой старший брат будет удивлен, увидев меня.»

Дом Яры выглядел устрашающе. Часть крыши отсутствовала, кусочки наружной обшивки оторвались, а украшения газона были разбросаны по случайным местам.

Садовый гном, торчащий из сарая красными сапогами наружу, заставил меня хихикнуть. Я постучал в переднюю дверь и обнаружил, что та была не заперта.

— Яра? — ответа не было.

После осмотра дома и не обнаружения никаких ее следов, я вышел на прилегающую веранду.

Ураган устроил чертовский погром. Подобрал валик от перил, мне пришло в голову, что сыграть в мистера Починку будет для меня отличным оправданием, чтобы торчать здесь и

присматривать за ней. Больше нет необходимости в афере «отпуск на день рождение».

Я посмотрел вниз на грязную дорожку, ведущую прочь от ее дома.

Скорее всего, она пошла к Ллойд. Я никогда не пойму, за что она любит этого старика.

Они даже не были кровными родственниками.

— Ровнан, — голос Никси испугал меня.

— Никс, что ты здесь делаешь?

Она сверкнула своей озорной улыбкой и облокотилась о перила, выставляя напоказ декольте. Не то, чтобы я не обратил внимания — я предан своей девушке, но и не слепой.

— Эта буря — моих рук дело, — промурлыкала Никси. — Я хотела представить плоды своего тяжелого труда.

Даже с ее невыносимой сексуальностью, Никси знала, что я никогда не поддамся на ее заигрывания, но она не могла не попытаться. Сирены были созданы для соблазнения.

У меня была слабость к рыжеволосым, поэтому Никси была моей любимой усладой для глаз.

— Твоих рук дело, хм? — я сдул малиновое перо с ее шеи. В ее глазах светилось удовлетворение от шалости, и мы оба улыбнулись. Тогда на меня нахлынуло понимание, и я отошел назад.

— Почему ты выбрала именно этот захолустный остров, чтобы разрушить его бурей?

Пожав плечами, она смахнула перо, задержавшееся на ее обнаженном плече.

— О, не знаю, некий красивый морской жеребец мог попросить меня об одолжении.

Моя кровь заледенела. Я усилил хватку на валике в моей руке.

— Никси, нет. Только не Трейган.

Она заправила прядь волос за ухо.

— Что тут такого? Дельмар жаловался на какого-то островитянина, и Трейган попросил напугать его.

— Проклятье, Никси! Большое тебе царское спасибо!

Я швырнул перила в сторону дома и начал ходить туда-сюда. Это не могло происходить на самом деле. Он использовал шторм, как прикрытие, и забрал ее. Да помогут мне боги, чтобы я не поотрывал ему плавники!

— Милый, — проворковала Никси. — Это был всего лишь небольшой ураган. Второй категории. Даже не лучшая из моих работ.

Я схватил ее за плечи, борясь с желанием встряхнуть ее.

— Ты кое-что упустила. Он заставил тебя создать бурю, чтобы он мог забрать Яру.

Она вздрогнула и смахнула мои руки с плеч.

— Яра? Нет, он сказал...

— Меня не волнует, что он сказал! Завтра у нее восемнадцатый день рождения. Он воспользовался тобой, чтобы похитить ее.

Она попыталась рассмеяться, но в рубиновых глазах мелькнуло сомнение.

— Нет. Он бы не стал... он бы сказал мне... мы просто...

— Оххх, Никс, когда же ты, наконец-то, поймешь, что он манипулятор?

Ее крылья опустились вниз.

— Трейган не стал бы врать мне.

— Он искажает правду. Это ничуть не лучше, чем ложь.

Пришло время Никси расхаживать туда-сюда. Она ходила так быстро, что ее высокие каблуки не успевали погружаться в грязь. Ее одержимость Трейганом стоило мне Яры.

Каждый мой вдох чувствовался так, будто я вдыхал сухой лед. Я снова и снова потрескивал своими лодыжками, пытаюсь сдерживать свои руки от того, чтобы не сделать чего-то, о чём потом пожалею. Если бы я не боялся гнева неменяемых сестер Никси, я бы, возможно, задушил ее до смерти.

Трейган заплатит за то, что забрал Яру. Я пока не знаю как, но обязательно что-нибудь придумаю.

Никси завизжала — верный признак того, что сирена разозлилась — и наши глаза встретились.

Она выглядела такой же разъяренной, как и я. Ее крылья расправились ввысь и вширь позади нее.

— Этот ублюдок. Неужели он думает, что может провести меня без того, чтобы быть наказанным? Подожди, пока я расскажу об этом Отабии и Маризе.

Отлично. Пусть Трейган побудет в эпицентре ярости сирен некоторое время. Мне надо было повидать людей и воплотить план в жизнь — очень быстро. Я перепрыгнул через перила и протиснулся мимо нее.

— Передай от меня Отабии и Маризе горячий привет.

Она схватила меня за руку железной хваткой, и я стиснул зубы. Сирены были невероятно сильны. Я уже чувствовал, как появлялся синяк.

— Ровнан, что ты собираешься делать?

— Попробую догнать Трейгана и забрать у него Яру. Они не могут быть далеко. Яра будет волноваться о Ллоиде. Она захочет вернуться, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке.

Никси отпустила мою руку, как только ее малиновые крылья резко захлопали, поднимая ее ввысь. Она кивнула мне напоследок и улетела прочь.

Я кинулся к воде. Каждая минута была дорога. Они не могли превратить Яру, пока ей не исполнилось восемнадцать. Мне нужно найти ее и увести подальше от всего русалочьего народа прежде, чем завтра настанет ее день рождения.

Если я напортачу, мы все погибнем.

Как только я увидела лучи маяка, пронзающие бесконечно синюю гладь океана, я почувствовала облегчение. Эденс Хаммок был лишь немного впереди в вышине. Дом еще никогда не казался настолько желанным.

Пока мы плыли, я продолжала держать лицо под водой и дышать. Она была освежающей и на вкус чистой, как лимон. Вдыхание воды улучшало мое самочувствие, что немного возмущало меня.

С тех пор, как меня превратили в уродину природы, мир на поверхности казался другим. Воздух был влажным и имел знакомый запах соленой воды, но чувствовался загрязненным. Цвета выглядели блекло.

Мое плавание замедлилось, как только мы достигли дока... вернее того, что от него

осталось.

Трейган придерживал лестницу одной рукой.

— Дамы вперед.

— Я пока не могу выйти. Мой хвост исчезнет, и я стану голой, верно?

Его пресыщенное выражение лица не изменилось:

— Да.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе увидеть себя голой, то ты явно потерял остатки своего заболоченного разума.

Он снова опустил руку в воду.

— Почему люди так стыдятся своей наготы? Вы такими родились.

Одна лишь мысль о том, что Трейган увидит меня голой, заставила мои щеки зардеться.

— Мм, эй? Ты когда-нибудь слышал о скромности или о непристойном обнажении?

Он проплыл под доком и, казалось, искал что-то.

— Это ты настояла на том, чтобы мы вышли на сушу. Что ты предлагаешь нам делать? — он уставился на меня.

— Найди мне одежду!

— Ее нету, — сказал он сквозь зубы. — Мы обычно прячем запас одежды под причалом, но шторм, должно быть, унес ее прочь.

Одежда, спрятанная под причалом? Он должно быть шутит.

— Этого не может быть. Я много раз проплывала вокруг острова и под причалом. Я никогда и нигде не видела никакой одежды.

— Русалочий народ обладает некоторыми способностями, которые позволяют нам скрывать многие вещи от людей.

Я подплыла ближе к нему.

— Ты имеешь ввиду, что можешь делать вещи невидимыми?

Он склонил голову набок и подмигнул, что, как я предположила, означало дерзкое «да», но я не поверила ему. Ровнан предупреждал меня о вранье морских уродов, и я не попадусь на это.

— Итак, что мы будем делать? — спросила я с нескрываемым сарказмом. — Бродить по острову гольшом?

Мы поплыли в молчании, оглядываясь вокруг и вверх на небо, будто одежда могла упасть с туч. Бьюсь об заклад, что его глупая магия не смогла бы сделать этого.

Трейган медленно произнес:

— Мы не должны быть здесь. Ты должна быть со своим учителем, чтобы научиться выживать, как русалка.

— Как же это отличается от человеческого бытия? Я имею ввиду, кроме очевидных вещей.

— Это не моя задача — обучать тебя.

— Не твоя задача? Ты превратил меня в рыбу. Я бы сказала, что это твоя задача — ответить на все мои вопросы.

Его равнодушный тон не дрогнул:

— Ты не рыба, и не я превращал тебя. Это сделал Дельмар.

— Дельмар? Страшный парень-гот?

Он выстрелил в меня безразличным взглядом и пробормотал под нос что-то об интерпретации.

— Ты сказал, что «спас» меня от урагана и увёл под воду.

— Так что, ты не смог справиться с этим сам? Ты должен был попросить другого парня, чтобы он закончил за тебя работу?

Он откинулся назад и закрыл глаза, плавая в воде в полном расслаблении:

— У меня нет способности превращать кого-то.

Я ненавидела себя за то, что была достаточно заинтригованной, чтобы задавать все больше и больше вопросов, но ничего не могла с собой поделаться:

— Что ты имеешь ввиду?

— Такие важные вещи, как трансформация человека делегируются по рангу. Только Индиго могут выполнить эту процедуру без того, чтобы убить человека, которого превращают.

Ровнан упоминал о цветной ранжировке в морском мире. Он говорил, что это устанавливает порядок, но он никогда не упоминал, что цвета дают им особые способности.

— Разве твой порядок начался не с красного?

Он встрепенулся от удивления и продолжил «топтаться на одном месте» в воде.

— Да. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, индиго и фиолетовый.

— Радуга? Seriously? — я хотела засунуть кляп в эту тошнотворную цветастость. — Значит, ты голубой?

Он кивнул и пригладил свои мокрые волосы. Этого не было, пока я не заметила, что его цвет снова изменился.

— Твои волосы потемнели. Они стали синевато-черными. Ты выглядишь так же, как и во время шторма.

— Мы находимся на поверхности воды, на человеческой территории. Я должен выглядеть «нормально», — он показал пальцами воздушные кавычки. — Разве ты когда-нибудь встречала человека с ярко-голубыми волосами?

— Люди красят волосы в безумные цвета, — отрезала я. — Ты вполне мог бы сойти за панка. Особенно со своими длинными волосами и татуировками... э-э, отличительными знаками.

Он поднял руку над водой. Также быстро, как вода стекала с его пальцев, также быстро исчезали с них и отличительные признаки. Его кожа потеряла свой жемчужный оттенок. Он действительно выглядел «нормально». Если бы он не был морским монстром, я бы могла считать его привлекательным, может даже граничащим с горячим. Может быть.

— Ох. Это очень странно, — пробормотала я, пожимая плечами над поверхностью воды.

Мои завитки в виде листьев исчезли, и моя кожа снова выглядела как обычно, но сквозь воду я могла видеть расплывчатые отличительные знаки, покрывающие мою мерцающую грудь.

С другой стороны, мои волосы не стали прежними. Я всегда была брюнеткой, как мои родители. Было странно видеть блондинистые волосы плавающие вокруг меня.

— Почему мои волосы посветлели, и почему они были желтые под водой?

Снова вопросы. Почему я не могла притвориться, что все это мне безразлично?

— Я тоже задавался этим вопросом. Ты должна была стать красной, как и любой другой новичок. Ты загадочная Ямабуки.

— Как ты меня назвал?

— Загадочная.

— Нет, слово, начинающееся на «Яма...»

На его лице появилась дерзкая улыбка. Мне хотелось стереть ее прочь.

— Ямабуки.

— Что это такое?

— Разузнай сама.

Что за ничтожество. Почему привлекательные парни всегда такие сложные?

— Если собираешься оскорблять меня, то, хотя бы, используй слова, которые я понимаю.

— Почему ты так защищаешься?

— Это не так.

Он прищурился, изучая меня, будто пытался прочесть мои мысли, так что я отвернулась.

— Что бы это ни было. Это, вероятно, какое то слово водяного. Меня не волнует, что оно значит. Я найду способ быть человеком снова, даже если погибну при этом.

— Есть ли у тебя идеи, как это осуществить? — судя по его гневному голосу, он хотел меня убить. — Ты оскорбляешь наш образ жизни, даже ничего не зная о нас.

— Я знаю многое о вас.

— Ты знаешь только то, что тебе рассказал Ровнан. Он не водяной, поэтому не знает всех наших секретов. Скажи мне, что ты думаешь о своем мире? Его мир соответствует тебе?

— Его мир, это мой мир. Мы не живем под водой. У нас есть ноги и нормальная кожа. Мы не общаемся с помощью мысли, — мой голос стал громче, но я не могла его контролировать. — Мы живем в домах, носим одежду, слушаем музыку, читаем книги и плаваем на лодках. Ты не знаешь человеческой жизни!

Трейган поморщил лоб и открыл рот, но так и не смог ничего сказать. Неужели ему нечего сказать. Он, вероятно, не знал, что существуют фильмы и книги.

Я отсутствовала меньше суток, но уже пропустила дела по дому. Смогу ли я снова помогать дяде Ллойд в саду? Будем ли мы когда-нибудь снова играть в Эрудит?

Прошли ли те дни, когда мы с Ровнаном обнимались на диване? Сможет ли он когда-нибудь снова поцеловать меня, зная, что я русалка?

— Ровнан заботится обо мне, — сказала я. — Он любит меня такой, какая я есть. Он не позволит моему виду русалки, испортить наши отношения.

Трейган приподнял бровь:

— Кого ты пытаешься убедить, меня или себя?

Я не могла ничего ответить. Мои мысли случайно появились в голове, и я поняла, что сказала глупость. Боже, Яра, держи рот на замке.

Трейган смотрел на меня так пристально, что я думала, он еще может слышать мои мысли. Хотя, возможно, он смотрел сквозь меня, как обычно это любила делать моя мама.

— Я больше не могу слышать твои мысли.

Его глаза даже не мерцали:

— Мы не под водой.

— Только в этом случае, оно работает?

— Да.

По крайней мере, мои мысли снова были скрыты. К счастью, он не слышал о том, что я считаю его горячим.

Он приподнял широкий подбородок, когда я задала вопрос, сжимая переносицу, словно

чувствуя головную боль.

— У тебя широкий нос, — пробормотала я.

— А у тебя узкий мозг, — огрызнулся он.

— Ну, тебе действительно пошла бы стрижка.

Он закрыл глаза и сказал:

— Если ты улучшишь свое поведение, я подстригу волосы.

— Почему ты так озабочен моим поведением?

— Почему ты так озабочена моей внешностью?

Я открыла было рот, чтобы отрицать, что меня волнует его дерьмовая внешность, сказать ему, что я не считаю его несколько привлекательным, но слова так и застряли в горле.

Наконец-то, тишина. Я думал, что она никогда не заткнется.

Как можно быть настолько бездушной? В прежние времена было проще: Яра прошла бы через ворота и, увидев наш мир, она никогда бы не захотела возвращаться к человеческой жизни. Но опять же, если бы ворота были открыты, нам не нужна была бы Яра.

Я поплыл к доку, ожидая прибытия Ровнана и делая все, чтобы можно было вернуться к своей миссии. Если все пройдет хорошо, нам не придется выходить на берег. Яра будет в ярости, она станет умолять меня увести ее от Ровнана.

— Что же нам теперь делать? — ныла она. — Плавать здесь целый день и ждать, пока одежда появится волшебным образом?

Ее вопрос привел меня в раздражение. Сарказм был искусством, которое Яра никогда не сможет изучить.

— Ровнан появится здесь в ближайшее время.

Ее глаза потемнели, как черная рыбка-мавр.

— Что?

Я не стал вдаваться в подробности. Возможно, если я перестану отвечать на ее вопросы, он перестанет их задавать.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что Ровнан будет здесь? Как он узнает, где мы находимся? Он не должен видеть меня такой.

Я услышал приближение своего сводного брата прежде, чем увидел его. Лучше игнорировать его до последней секунды.

— Он не увидит тебя голой, если ты не выйдешь из воды.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я чертова русалка.

Сапоги Ровнана спускающегося по склону отвлекли меня. Я задавался вопросом, насколько хорошо она его знала. И насколько больше о нем знаю я?

— Яра, детка! — закричал он.

Детка. Как противно.

— О, боже мой, — простонала она себе под нос. Ее глаза метнулись по воде. — Ровнан

это не то, чем кажется на первый взгляд.

— Я так беспокоился о тебе, — перебил он.

Неохотно, я повернул голову, чтобы посмотреть на своего сводного брата, сидевшего на корточках у края склона. Наши глаза встретились впервые за несколько десятилетий. Моя челюсть напряглась, как и его.

Он потянулся к Яре:

— Давай, я отведу тебя домой.

— Буря... нечто ужасное произошло, — сказала она, не поднимая рук.

— Все нормально. Не беспокойся, — заверил он спокойным тоном, что заставило мои символы двигаться по коже.

Она держала одну руку на груди, а другой разрезала воду, но бросила на меня испепеляющий взгляд.

— Он похитил меня. Я превратилась в русалку.

Ровнан шокировано посмотрел на меня, изображая панику. Только глупая полукровка, как он, мог не заметить изменение цвета волос Яры, или ее символов и хвоста, мерцающего под водой. Он по-прежнему считал, что ее день рожденья завтра. Водяные умеют скрывать тайны.

Яра, застенчиво бормоча, прервала наши братские взгляды:

— У меня нет одежды.

Ровнан снял пальто, держа его развернутым на ветру.

— Я не буду на тебя смотреть, пока ты не оденешься. Сэр, вы не могли бы отвернуться, пока моя девушка не выйдет из воды?

Сэр? В самом деле? Яра взглянула на меня и отвернулась, пока ее рыцарь делал вид, что спасает ее. После нескольких брызг и вдохов Яры, я повернулся обратно.

— Это произошло мгновенно, — она перевела взгляд с меня на Ровнана. — Мои ноги, руки. Я снова чувствую себя нормально.

Ровнан обнял ее, скрывая от меня ее лицо и глумясь надо мной. Они выглядели совершенно неправильно. Яра, облаченная в белое рядом с Ровнаном, одетым в черные брюки и футболку. Инь и янь, темное и светлое, холодное и теплое. Мистер Полный Лжец и миссис Пустые Воспоминания.

Я откашлялся достаточно громко, чтобы прервать их фальшивый сентиментальный момент, и вышел из воды.

— Что ты делаешь! — Яра вскрикнула и прикрыла глаза.

Я смахнул воду с рук, туловища и бедер.

— Ты можешь быть трусливой и застенчивой, но это не значит, что и я должен быть таким.

— Ровнан, заставь его прикрыться, — приказала она, стоя ко мне спиной.

— К сожалению, — прорычал Ровнан. — Я не могу заставить его что-либо сделать.

— Я не буду говорить ни с одним из вас, пока он не прикроется. Я не хочу видеть его таким, думаю, ты понимаешь.

— Есть некоторые манеры приличия Трейган. Встань за дерево, что ли.

Яра опустила руки от лица и подошла ближе к нему:

— Ты знаешь этого парня?

Ровнан не дрогнул:

— Да, детка, мы знаем друг друга. Я удивлен, что он тебе этого не сказал.

Чтобы избавить нас от еще больших криков Яры, я положил руки ниже талии.

Она осторожно взглянула на меня, а потом расслабилась, удивив, что нижняя часть моего тела скрыта от глаз:

— Он говорил, что вы братья, но я думала, он лжет.

— Мы братья, — сказал Ровнан, — но, очевидно, не по собственному желанию. Что он еще сказал?

Ровнан казался спокойным и собранным, но я не мог себе даже представить, какие мысли в панике роились в его голове. Как бы я смог нанести удар? Как бы я скрыл, что сегодня настоящий день рожденья Яры? Если бы я доверился ему? Если бы я рассказал ему свой план, свои секреты?

Не отвечай ему Яра.

К сожалению, мы не были в воде, поэтому она не могла слышать мои мысли.

— Он рассказал мне многое, — ответила она. — Большею части я не верю.

Ох, фантастический ответ! Я хотел бы ее похвалить, но вместо этого я пожал плечами, заставляя Ровнана чувствовать себя еще хуже.

Он гладил ее по щеке, плохо изображая влюбленного человека:

— Мы можем обсудить это позже, после того как отведу тебя домой.

Я мог бы повести себя как неандерталец и затащить Яру обратно в воду, но я знал, что если достаточно долго подожду, Ровнан сам выкопает себе могилу. Скоро все изменится.

Он повернулся ко мне блеснув темными глазами:

— Трейган, Никс уже в пути с одеждой для тебя, так что ты должен оставаться на месте.

Мои мышцы напряглись:

— Никс?

Почему она придет?

Ему не удавалось сдерживать улыбку:

— Мы болтали ранее. Она хочет обсудить с тобой бурю.

Сукин сын, в буквальном смысле. Он хорошо играл.

— Отлично, — сказал я беззаботно насколько мог. — Вы идите вперед. А я подойду позже.

Я ожидал своевольных замечаний от Яры, но вместо этого она провела рукой по спине Ровнана, и они пошли прочь, не сказав больше ни слова.

Мысли о Никс вызвали капельки пота на лбу. Это будет трудно уладить. Никс знала о моем грандиозном плане, но я не уточнял некоторые детали. Сирены ненавидели, когда им врут.

Я не лгал. Никс должна знать. Делмар действительно сердился на один из островов, но, на самом деле, я использовал Никс в других целях, и она не оставит это безнаказанно. Буду надеяться, она не рассказала сестрам о том, что я сделал.

— Трейган, ты красивый ублюдок! — крикнула Никс сквозь шорох крыльев.

— Никс, моя любимая гранатовая богиня!

— Не пытайся льстить мне. Я знаю, что ты... — ее красные глаза разглядывали меня сверху вниз, остановившись на моей промежности. Она приземлилась прямо передо мной почти впритык. — Ммм, я люблю, когда ты в человеческом облике, особенно в голем человеческом облике.

Я вежливо поклонился:

— Ходят слухи, что ты принесла мне одежду.

Она облизала губы и прижалась ко мне. Ее крылья сложенные назад, закрывали рюкзак на спине.

— Одежда? У меня нет никакой одежды, — невинно ответила она. — Но я могу одолжить тебе свою, если ты хочешь, — ее тонкие пальцы проскользнули по застежке корсета.

— Никс, передай сумку, пожалуйста.

Она схватила меня за руку и подтянула к себе, шепча в шею:

— Что ты хочешь? Снять его с меня.

— Я не могу. Твои крылья мешают.

Громкий щелчок раздался позади нее, и крылья исчезли. Порыв воздуха бросил пряди ее волос мне в лицо. Я наклонился и взял рюкзак за ремень, пока она оценивала меня красно-коричневыми глазами. Они были немного пугающими в человеческом обличье.

— Ты обманул меня, Трейган.

— Я не обманывал тебя. Дельмар действительно был зол на этих людей. Он и я благодарим тебя за бурю. Ты сделала отличную работу.

Раскрыв сумку, я нашел пару пляжных шорт со множеством карманов, которые вряд ли могли понадобиться одному человеку. Я достал синюю футболку с красными и желтыми треугольниками на груди.

Письмо с печатью С было разорвано и валялось на дне сумки.

— Кто такой С?

— Мешок с мусором, — она застегнула молнию на моих шортах. — Все как всегда, ты знаешь. Обычно я кого-то раздеваю.

Я натянул футболку через голову:

— Спасибо, Никс, за все. Ты спасла мне жизнь.

Она накрутила прядь волос на палец.

— Ты имеешь ввиду одежду, бурю или то, что я без ведомости отвлекала в то время, пока ты похищал избранного человека и превращал в одну из нас?

Я могу добавить еще несколько пунктов в ее список:

— Выбирай.

Красным пятном, она бросила меня на землю так сильно, что почва подо мной разлетелась. Она села на меня.

— Что выбираешь, Трейган. Послушать песню, или я говорю сестрам, что ты сделал.

Я закрыл глаза, обдумывая, что меньше всего хотел гнев Отабии и Маризы, или Никс забирающей часть моей души. Через несколько минут мой долг Никс будет выплачен.

Кто знает, что будет, если за все возьмутся Мариза и Отабия... Они знали, как нанести удар в самое больное место, и они знали, что я сделаю все, чтобы защитить свой народ. Никси же предлагала мне отсрочку.

— Очень мило с твоей стороны, — ответил я.

— Любезной я буду, если ты сделаешь правильный выбор.

— Мое решение было принято, прежде чем я попросил тебя устроить ураган. У меня было предчувствие, что ты узнаешь о Яре, и я знал последствия. Единственное, что я не ожидал, так это то, что ты захочешь забрать мою память.

Ее глаза заблестели от голода:

— Ты собирался отдать мне себя?

— Оплата за помощь...

Она сжала крепче бедра и уперлась руками. Камни врезались в мою спину:

— Ты дурак, если думаешь, что твоя идея сработает. Ты и твой брат полные дураки.

— Да, глупость бежит в нашей крови. Глупость и зло.

— Это не кровь делает вас дураками. Это ваше холоднокровное отношение. Вы должны прекратить борьбу с вашим отцом и принять его.

Ярость текла по моим венам, я попытался встать, но на земле сирены были сильнее водяных. Я практически не сдвинул ее. Как она посмела упомянуть моего отца?

Она знала, что я презирал эту часть себя. Она наклонилась так близко, что я почувствовал ее металлическое дыхание.

— Ммм, да, борись, любовь моя. Этот танец становится еще более захватывающим.

Серы тучи нависли над нами, и паутина молний сверкала, посылая электрические заряды сквозь мое тело. Мы должны закончить с этим.

— Сделай это, Никс. Если ты хочешь получить удовольствие, забери воспоминание, которое я выбрал для тебя.

Она закусила губу:

— Если это не так срочно, то моя жажда не угаснет, и процесс займет гораздо больше времени.

— Поверь мне, это очень срочно.

Она оттолкнулась вперед. Ее тело выгнулось, а крылья вырвались из-за спины. Красные перья вернулись. Ее волосы замерцали вокруг узкого лица, когда она мелодично запела.

Я закатил глаза.

— Обязательно со мной.

— Это будет намного больнее, потому что ты находишься в человеческом обличье, — предупредила она, не скрывая удовольствия в голосе. Сирены любили боль эмоциональную и физическую.

Край воды был в нескольких ярдах. Я мог бы попросить ее сделать это в воде, и это не было бы настолько мучительно.

Тогда я напомнил, что эта боль была ничем по сравнению с тем, что ожидало меня на третье восемнадцатилетие. Я мог бы даже привыкнуть к ней.

— Больше удовольствие для тебя, моя гранатовая богиня. Быть вместе со мной.

Ее губы сомкнулись с моими, и я заставил себя не вспоминать, стараясь спрятать свои воспоминания.

Вытаскивая их на поверхность, я сосредоточился, увидев в последний раз сапфировые глаза моей бабушки и страх в них, когда она умирала, отвратительно и напрасно, потому что из-за меня. Так же как и моя мать.

Никс впилась зубами в мою нижнюю губу. Я вжался в грязную землю, а моя спина выгнулась, погружая плечи в песок.

Боль заставила меня напрячься, я не ожидал, что так будет. Никс стонала в экстазе, пожирая воспоминания моей жизни, и забирая его из моей головы и души навсегда.

Как мне действовать нормально, когда мир на грани катастрофы? То, что Трейган похитил Яру, это одно. Но теперь она русалка, и я не знаю, что с этим делать.

Что она помнит обо мне, или о нас, или вообще о своем прошлом?

Трейган облажался. Годы планировки впустую. Я потерял ее. Мое сердце, моя душа, любовь всей моей жизни, у нас уже никогда не будет все долго и счастливо. Должен быть способ все исправить.

Настоящая любовь всегда побеждает. Разве не так пишут во всех сказках?

Еще и ко всему во мне пылает ад, должно быть не менее девяноста градусов температуры. Океанский бриз не охлаждает меня. Моя кровь, должно быть, закипит в любую секунду.

Яра провела рукою по меху пальто.

— Я никогда не чувствовала ничего нежнее на своей коже, — ее голос звучал еще шелковистее, чем светлые пряди волос ласкавших ее. Ее черты русалки стремительно развивались. — Это невероятно.

Я фальшиво улыбнулся:

— Ты выглядишь в нем невероятно.

Она остановилась и сжала мою руку:

— Ты не должен делать вид, что все в порядке. Я знаю, что это не так, и я другая.

Я откинул ее влажные светлые пряди через плечо. Волны отвращения пронзили мою руку, но я не подал виду:

— Я думаю, тебе было лучше брюнеткой.

Она прижала ладонь к щеке и вздохнула:

— Я тоже.

Сколько пройдет времени, пока она поймет, что, прикасаясь, я больше нечего не чувствую? Возможно ли, что наши отношения достаточно сильны, чтобы это пережить? Ответ ужаснул меня.

— Господи, Ровнан! Что случилось с твоей рукой?

Я забыл, что она теперь сможет видеть все мои шрамы. Немного ей подыграть было лучшим вариантом:

— О чем ты говоришь? Они были всегда.

Она держала мою руку и изучала блеклые линии на внутренней стороне руки, а так же синяк от Никс.

— Вот это да. Что с тобой случилось?

— Неловкий ребенок. Много несчастных случаев.

— Но как я не замечала их раньше?

— Теперь ты русалка. Твое зрение усилилось. Я сам едва их замечаю, — это звучало правдоподобно даже для меня.

Ее новый голос был мягким и тихим:

— Ты скрывал их от меня?

Я хотел сказать «да». Мне хотелось кричать, но я ответил:

— Детка, нет, конечно, нет. Ты видела себя? Ты сияешь.

— Тьфу. Я не хочу сиять. Я не хочу быть русалкой.

Я тоже не хотел, чтобы она была русалкой. Я хотел найти кнопку перемотки, чтобы вернуться назад и сделать все правильно.

Я бы ее держал в своих объятьях, окруженную армией, делая все, чтобы уберечь ее от любого водяного рядом с ней. Почему я не сделал этого раньше?

Мой чертов брат разрушил последний шанс найти любовь всей жизни.

— Трейган заплатит за это. Я обещаю.

— Да, но почему ты не сказал мне о своем сводном брате, который был водяным? Их вид, важная деталь, учитывая то, насколько ты их ненавидишь, тебе так не кажется?

— Их вид? Ты хотела сказать наш вид, — я хотел ей ответить, но она взглянула на меня другими глазами. По крайней мере, в ее человеческом обличье они были такими же светло-коричневыми, как и раньше. — Я не говорил тебе, потому что мы не связаны. У нас одна кровь, но это не означает, что и все остальное.

— У вас общий мать или отец?

— Отец.

— Я не понимаю. Как ты можешь быть человеком, если он водяной?

Пот стекал вниз по моей шее.

— Длинная история. Я объясню тебе, когда мы будем дома, и ты переоденешься. Тебе, наверно, жарко в этом пальто.

Она подула на себя.

— Да, жарко тут. Как ты носишь эти вещи постоянно?

— Моя кровь намного холоднее, чем у остальных, — но не без моего пальто. Я должен продумать каждое слово, прежде чем ей рассказать. Что случится, если я скажу ей правду?

— Трейган сказал, что еще не прошло даже дня. Ты не проверял дядю Ллойда? Дома ли он? Он застрял на материке во время урагана. Я беспокоюсь о нем.

— Давно его не видел.

— Мой дом сильно поврежден?

— Определенно, ветер и вода нанесли повреждения, но я не смог этого исправить. Менее чем через три недели ты забудешь обо всем, что произошло.

Ее голова склонилась, и она пнула ногою землю.

— Я никогда этого не забуду. Это то, как я застряла в этом кошмаре.

— Я знаю, — мой самый страшный кошмар сбылся.

Я положил руку ей на плечо, делая вид, что мы обычная счастливая пара. Да верно. У меня это вызывало приступ рвоты, но, по крайней мере, я вновь прикасался к своему пальто.

Она напряглась, когда увидела дом:

— Крыша! Крыльцо. Это ужасно.

— Все можно починить.

— Дом сейчас моя наименьшая проблема. Нам необходимо проведать дядю Ллойда.

Мы прошли мимо дома. Ее глаза загорелись, когда она увидела пристройку старика.

— Идем! — Яра воспрянула духом. Она поспешила, не осознавая того, что будет все хуже.

— Иди вперед, — крикнул я. — Я догоню.

Вокруг никого не было, поэтому я достал сигарету и закурил. Я затаил дыхание,

позволяя ледяному дыму заполнить мои легкие и охладить внутренности.

Через пару минут спустя, я стоял на пороге дома Ллойда, выпуская серебряное облачко дыма. Курение помогало мне чувствовать себя гораздо лучше, но я не хотел задерживаться тут надолго. Трейган скоро придет.

Яра должна узнать правду от меня. Ему доставит слишком много удовольствия, рассказывать ей правду. Я не могу понять, почему он до сих пор ничего ей не рассказал. Подлая, эгоистичная рыба всегда что-то планирует.

Я взял еще одну сигарету и положил на перила, оставляя на потом.

Потом я вытер охлаждающий привкус на губах и задумался, стоит ли стучать в дверь ублюдку Ллойд.

Дядя Ллойд был уже дома. Он снял все доски с окон и снова повесил очищенную картину с русалкой. Он выглядел великолепно. Ни царапины на нем или на доме. После обмена нашими обычными приветствиями, я настояла, чтобы он остался сидеть в своем кожаном кресле и отдыхал.

— У тебя был диализ, верно?

Он хмыкнул, это означало «да», и он ненавидел это.

Я присела на пуфике у его ног и осторожно сжала колено.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Временами — лучше, временами — как обычно, — он взял с краю стола фотографию в полированной рамке, на которой была изображена его жена Лиора.

Лиора умерла еще до моего приезда в Эденс Хаммок, но это было до того, как он сильно заболел. Не будь меня рядом, о нем некому было бы позаботиться. Я виновато отвернулась от него.

Моя жизнь проходила здесь, с дядей Ллойдом, а не под водой. Я смотрела за оранжевыми и черными рыбками, плавающими в его аквариуме — три тысячи галлон тропического рифа, прямо посередине его гостиной. Он мало знал о реальной версии, которая ожидала меня за его дверью, снаружи. Как я могла рассказать ему, что я превратилась в предположительно мифическое существо? Даже мысль об этом казалась просто безумной.

Он почесал шелушащееся предплечье, и я схватила с кофейного столика бутылку кокосового масла. Терапия высушивала его кожу, а в уходе за собой он был ужасен.

— Это удивительно, как ваше место не пострадало.

Я натерла лосьоном его руки от плеч до пальцев.

— Ты видела мой дом? Он в руинах.

Он отмахнулся от меня и краем рубашки вытер лишний лосьон.

— Бури привередливы. Сестры природы должны были сохранить мой дом в стороне от их разрушительного пути.

Бури. Одна их немногих любимых моей матерью вещей, и одна из единственных вещей,

что у нас были общими.

— Как ты думаешь, мою маму волновало бы, что случилось с нашим домом?

— Полагаю, что, нет. Но думаю, она бы насладилась бурей. Ярость природы, танцующая на нашем маленьком островке, могла бы заставить ее улыбнуться.

— Моя мать никогда не улыбалась.

Он по-отечески посмотрел на меня и потрепал мои волосы.

— Когда-то она улыбалась.

Единственные воспоминания о моей матери были о том, как она расстроена, плачет, или бормочет — будучи пьяной, в бессознательном состоянии — что не хотела, чтобы я вообще родилась. Не будь у нее меня, возможно, она была бы счастлива, а мой добродушный дядя говорил с такой нежностью.

Она умерла, когда мне было восемь, и дядя Ллойд забрал меня к себе. Он был единственным человеком в моей жизни, кого я действительно любила и кому доверяла. Я до сих пор помню жизнь в его доме. В моей комнате были темно-голубые стены и белые кружевные занавески. Туалетный столик и спинка кровати казались мебелью из кукольного домика — хотя я знала, какие куклы были в то время. Он сказал, что это мой новый дом, и что он и я теперь одна семья.

— Из тех, кто заботится друг о друге, — сказал он.

Он держал меня, когда я плакала, заставил полюбить вареную еду, и ночью подворачивал одеяло. Все эти вещи были странными и новыми для меня, моя мама никогда так не делала. Однажды ночью дядя Ллойд дал мне плюшевого медвежонка, но я не знала, что мне с ним делать.

— Ты просто любишь его, — сказал он мне.

— Люблю?

Он вздохнул и покачал головой. Он делал так в первый год, когда мы жили вместе. Когда я стала старше и узнала о мире за пределами нашего маленького острова, я открыла для себя много объяснений детства, семьи и любви. Но определение любви моего дяди — которое он мне дал, когда я держала в руках моего первого медвежонка — было моим любимым. «Это когда ты заботишься о ком-то так сильно, что рискнула бы всем, только бы он был в безопасности».

Мы никогда не прятали вещи друг от друга, но это русалочье безумие должно бы исключением. Для него будет безопаснее, если не будет знать, любовь к нему говорит мне, держать его в безопасности.

— Решила попробовать быть блондинкой? — спросил дядя Ллойд.

Я застыла. Я совсем забыла о моих волосах. Он уезжал на несколько дней. Можно было бы сказать, что покрасила их до бури. Очень просто.

— Я...

Блин! Почему я не могла говорить?

Он спас меня от этого заикания:

— Думаешь, я бы не заметил? Должен сказать, тебе идет.

Его комплимент заставил меня улыбнуться, а стук в дверь сделал эту улыбку еще шире.

— Это Ровнан. Мы собирались отремонтировать дом, а утром я вернусь.

Я поцеловала дядю Ллойда в щеку, и, как только я покинула комнату, он заворчал. Он не думал, что Ровнан достаточно хорош для меня. По правде говоря, он считал, что ни один мужчина не будет достаточно хорош.

Ровнан взял меня на руки и поднялся вверх по лестнице в мой дом. Между нами все изменилось, но что я могла ожидать после превращения в полурыбу?

— Именно так будет в день нашей свадьбы? — поддела я.

Он закатил глаза и кивнул на входную дверь:

— Открой и все поймешь.

Я повернула ручку и толкнула дверь, которая открывалась труднее, чем обычно. На полу была вода высотой в дюйм.

— Вот блин.

— Не хочу, чтобы ты прошла здесь босиком. Я еще не готов увидеть тебя с плавниками.

Меня с плавниками. Как он мог это сказать так беспечно? А если бы мы пошли купаться, и он бы увидел мой хвост? Держу пари, он не говорил бы так, после этого шоу уродцев.

— Поверь, это некрасиво, — посмотрев вниз, на свои ноги, я увидела, что край его белого пальто был в грязи. Добавился еще один пункт в списке: «почему он должен меня бросить». — Я испортила твой пиджак. Я очень сожалею.

— Ничего страшного.

— Да, конечно. Уверена, почистить его стоит целое состояние.

Он отнес меня наверх в мою комнату, не сказав ни слова, и посадил на мою кровать.

— Ты должна одеться. Нам нужно поговорить.

— Хорошо.

В горле образовался комок, как только он вышел из комнаты. Он бы мог порвать со мной после такого? Конечно, мог. Зачем такому человеку как Ровнан девушка-полурыба?

Я переоделась в свой любимый сарафан, надеясь, что это прибавит мне уверенности, и позвала его обратно в комнату.

Он расслабился, когда я вернула ему пальто. Ровнан скользнул руками в тяжелые рукава, хотя в доме было душно, и успокоился.

— Яра, я должен тебе кое-что сказать.

Вот оно. Я собиралась потерять его, потому что нахальный плавник сделал из меня уродца природы.

— Садись, — он выдвинул стул из-под трюмо.

— Нет, спасибо. Я лучше постою.

Даже если я не могла быть сильной внутри, я могла создать видимость этого снаружи. Никогда не позволяй им видеть себя уязвимой. Один из немногих полезных уроков моей матери.

— Ты многого обо мне не знаешь. Вещи, о которых не мог рассказать тебе раньше. Сейчас, когда ты обратилась, ты должна узнать. Все изменится между нами и — я не знаю, как это сказать.

Тогда не говори, мысленно умоляла я. Остайся со мной, даже если я монстр.

— Просто скажи это.

— Я — Селки.

Даже не близко к тому, что я ожидала:

— Кто?

— Селки.

Селки, Селки, Селки. Знакомое слово срикошетило от моего мозга, будто я должна знать, что это значит, но ясного ответа или представления об этом не появилось...

— Повтор слова не объяснит его значения.

— Селки это... Мы морские создания, которые превращаются в людей. В воде мы наполовину тюлени.

Я сдерживала смех:

— Ты решил так посмеяться надо мной?

Его челюсти напряглись, и он провел рукой по своей эспаньолке:

— Нет, клянусь, это правда.

Я была озадачена. И смотрела на него, не моргая.

— Яра?

— Хочешь сказать, что ты как русал, но вместо рыбьего хвоста у тебя хвост тюленя? — он кивнул. — Так не бывает.

Он снова кивнул:

— Уверю тебя. Подобных вещей много.

Я невольно покачала головой. Он, должно быть, шутит. Никогда, ни за все время моего домашнего обучения, ни в историях, рассказанных мне отдыхающими или лодочниками, я даже не слышала и не читала о таких существах.

Он взял мою руку и положил ее на свое пальто:

— Это пальто, как кожа для меня. Оно помогает моей крови оставаться холодной. Быть Селки, значит, жить в холоде. Без нашего пальто и еще некоторой защиты, мы бы погибли, особенно здесь, в теплом климате.

— Мы?

— Мой вид.

Мои пальцы сжали мягкий белый мех. И как я ни разу не спросила, почему он носил меховое пальто в жаркой Флориде? Почему никто из всех, кто его видел, этого не спросил?

— Есть много таких людей как ты?

— Конечно.

Он сказал это язвительно, будто таким как я, было странно не знать о людях-тюленях.

— Неделями ты рассказывал мне, как сильно ненавидишь русалок. А сейчас говоришь, что один из них?

— Мы не похожи на русалок. Ты и я очень отличаемся друг от друга, но это не изменит моих чувств к тебе.

Я старалась сообразить. Значит ли это, что мы могли быть вместе? Мы оба были из вида полуморских, полужемных существ. Это бы нас сблизило или отдалило бы друг от друга? Ровнан никогда не брал меня в свой дом, не представлял меня своей семье или друзьям. Его загадочность тогда казалась мне клевой, но сейчас я поняла, почему он был таким скрытным.

— Ты, правда, живешь в Кей Вест?

— Да. Об этом я не соврал.

— О чем ты еще не соврал?

Мои ноги задрожали, а сердце застучало так сильно, что я чувствовала его в горле, а Ровнан казался спокойным.

— Ты никогда не спрашивала, являюсь ли я селки.

— Я не знала, что они вообще существуют! Зачем бы мне тебя об этом спрашивать?

— А если бы я рассказал, что бы ты сделала? Разозлилась? Перестала бы со мной разговаривать?

Он был прав. Наверно, я убежала бы с криками, скажи он мне, что является...

— ...Селки, — прошептала я, пытаюсь добавить это новое странное слово в свой словарь.

— Стоит тебе воспринимать все объективно, и поняла бы, что мы поразительные создания. Пожалуйста, не закрывайся от меня из-за этого. Ты понятия не имеешь, как ты важна для меня.

Вчера Ровнан сказал что-то так сладко, что это могло бы вознести меня к облакам. Он никогда так со мной не разговаривал. Его слова вызвали дрожь. Шок. Из-за которого мое тело реагировало так странно.

Он был таким же, как и раньше. Темно-шоколадные волосы, эспаньолка в сочетании, и сексуально надутые, изогнутые вниз тонкие губы. Его сильные руки, казалось, по-прежнему могут кого-то порвать на части, контрастировали с его большими щенячьими глазами. Радужка его глаз была настолько темной, что почти сливалась со зрачком; две черные полные луны плыли в миндалевидных небесах. Он имел сходство с тюленем, но так же был похож на своего сводного брата.

Я представила глаза Трейгана. Они были такой же формы, что и у Ровнана, но у Трейгана луны были голубыми — две редкие, диковинные, голубые луны. Яра прекрати. Больше никаких мыслей о Трейгане.

— Я никогда от тебя не закрывалась, Ровнан. Мы — значит мы, — почему я не могла сказать это громко? Неделю назад я начала рассказывать ему, что значит для нас быть вместе. Мне нужно было это сделать. Это всегда его забавляло.

— Я знаю, детка. Тебе не нужно это говорить.

Тепло стелилось по моей коже, но не Ровнан был тому виной. Казалось, будто мой разум физически растянулся за пределы окна спальни и вниз до переднего дворика.

— Трейган здесь, — сказала я неожиданно. Как я это поняла? Я будто почувствовала, что он приближается к дому, но как? Русалки были телепатами? Разом на меня навалилось слишком много нового. Голова кругом.

Ровнан посмотрел в окно:

— Будь осторожна с ним. Он попытается настроить нас друг против друга.

Я никогда раньше не видела, чтобы Ровнан боялся, но сейчас его вспотевший лоб буквально источал страх. Он правда думал, что Трейган мог встать между нами? Я хотела, чтобы мы снова стали нормальными, но с этими новыми открытиями, я уже не знала, что значит нормально.

— Он никогда не настроит меня против тебя.

— Пообещай, что так всегда и будет.

Чтобы комната перестала вращаться, я сконцентрировалась на его бледных губах, обрамленных бородкой.

— Обещаю. Почему Трейган не может просто оставить меня в покое?

Его пальто выскользнуло из моих пальцев, как только он отошел назад.

— Ненавижу это говорить, но он нужен тебе сейчас. Он научит тебя выживать, словно ты одна из них.

— Чему бы он ни собирался меня учить, он может сделать это здесь, рядом с тобой. Я

не хочу оставаться с ним наедине.

— Ты одна из них. Он присмотрит за тобой. Просто помни свое обещание.

Я скользнула руками внутрь его пальто, обвивая руками его талию, и уткнулась лицом в его грудь. Он пах иначе: морской водой, дымом и мятой, но я старалась это игнорировать. Мои ноги стали сильнее, а голова яснее.

— Не оставляй меня.

— Ты должна пойти с ним, а я займусь ремонтом дома и попробую разобраться с этим бардаком.

— Ров, — я подняла на него глаза. — Как ты думаешь, есть ли для меня способ стать Селки?

Его темные глаза заблестели:

— Серьезно? Ты бы это сделала?

— Я бы предпочла быть наполовину тюленем, нежели рыбой.

— Ты выглядела чертовски круто в моем пальто, — он поцеловал меня в лоб и отвернулся.

Я притянула его ближе, но что-то все еще было не так.

— Поцелуй меня на прощание.

Наши губы встретились, и я ожидала, что по мне побегут уже знакомые мурашки. Странно, но я ничего не почувствовала. Движения были уже знакомыми, его рука гладит сзади мою шею, а его язык выписывает идеальные круги вокруг моего. Так куда делись мои мурашки? Я открыла глаза и отстранилась. На губах чувствовался холод и вкус соли.

— Я найду тебя позже, — сказал он. — Прежде чем спускаться вниз, надень обувь. Я до сих пор не готов к премьере твоих плавников.

Мы вместе спустились вниз, в моей голове на повторе стоял наш поцелуй. Почему этот поцелуй был таким плохим? Между нами уже все изменилось?

Мы шли к входной двери, и я была внимательна, лишь бы вода не брызнула на мои ноги. Трейган сидел на крыльце на ступеньках — одетый, слава Богу. Он даже не пошевелился, когда Ровнан прошел мимо него.

— Почему ты мне не сказал? — пропыхтела я, так только Ровнан ушел подальше.

Трейган не повернулся. Его голубая футболка натянулась на его округлых плечах.

— Не сказал что?

— Что Ровнан — Селки.

— Не я должен был тебе это говорить. К тому же, ты бы мне не поверила.

— Наверно, ты прав, — он встал и повернулся ко мне. Я усмехнулась, увидев его футболку.

— Забавно, не находишь?

— Что? — спросил он. — Что ты не поверишь тому, что я скажу? Да, и впрямь забавно.

— Нет. Что ты, злодей, надеваешь футболку Супермена.

— Супермена? — он посмотрел на свою грудь. — Я думал, «С» значит слизняк.

— В твоем случае это именно так. А почему мое неверие кажется забавным?

— Потому что русалки не могут лгать.

Я отвлеклась на его футболку, но мой взгляд привлекла его распухшая нижняя губа.

— Что произошло с твоим ртом?

Он поднял руку и вытер каплю крови, где наливался синяк.

— Самая странная вещь, птица вцепилась в меня и не отпустила.

Рыба, тюлени и нападающие птицы. Только если бы я жила в пустыне, возможно, моя жизнь не была бы такой странной.

ЗАКАТ 1

Кажется, она мне поверила. Никси и вправду была наполовину птицей. Только эта птица была намного больше и сексуальнее, чем Яра может представить, но все же птица. Если она поверила в такой бред, будто меня птичка в губу клюнула, то ей следует научиться нашему нетерпению к вранью с первых уст.

— В самом деле? — спросила она. — Мы не можем лгать вообще? Кому-либо?

— Это не часть морской природы.

— Люди выбирают свою природу. Если они хотят врать, они врут.

— Люди — возможно, но у русалок другие правила. Как у селки, — мне захотелось вернуть последние три слова. Я приготовился к очередному раунду игры в двадцать вопросов.

— Какие правила у селки?

— Об этом ты должна спросить Ровнана. Я не хотел бы вводить тебя в заблуждение.

Мне хотелось рассказать ей об их аномальном стиле жизни, особенно с тех пор, как Ровнан забил ее голову враньем о русалках, но я не мог.

Розово-фиолетовое небо говорило, что день, словно прилив, отступает. Мое участие в превращении Яры затянулось. Урожай сегодня не собран, и я пропустил встречу с четырьмя моими людьми.

Я надеялся, что они нашли травку во главе с кем-нибудь еще до моего возвращения.

С таким мизерным количеством высушенных на солнце растений запас на несколько следующих дней был бы маленьким.

— Когда я была наверху, — сказала Яра, — я знала, что ты приближаешься к дому, хотя не видела, что ты идешь. Как это?

— Ты чувствуешь, когда другие русалки рядом. А еще ты чувствуешь людей, только это совсем другое чувство.

У меня заболела голова от усталости. Я вытащил последний косяк из своего водонепроницаемого нарукавника, и задумался, закурить или нет.

Хорошая часть меня хотела его оставить для кого-то еще, более отчаянно нуждающегося, чем я, но моя пульсирующая голова и ноющие конечности настаивали, чтобы я ее поджег. Щелкнув зажигалкой, я затянулся и наблюдал за сверкающим танцем дыма вокруг меня.

— Идеально! — простонала Яра.

— Прошу прощения?

— Ты куришь травку.

Как она узнала об этой травке?

— Да, кстати говоря, нам нужно вернуться к океану. Люди на меня рассчитывают.

Она прислонилась к столбу у крыльца и скрестила руки, не давая уйти.

— Даже не так. Ты их поставляешь.

— Почему ты такая противная?

— Это и есть твоя работа? Травка?

— Это мой долг Трейгана. Я единственный, кто имеет доступ к ним.

— О, конечно, — насмешливо поклонилась она, — ты как большой босс для всего русалочьего народа.

Я затаился и выдохнул дым в ее направлении, надеясь, что она вдохнет его.

— Большой босс? Что это значит?

— Большой босс без плавников. Забудь. Я устала тебе объяснять.

Она направилась домой.

Я засмеялся. Она устала мне объяснять? Уверен, она пошутила. Я стоял снаружи на пороге дома, заметив на полу воду.

Она повернулась и посмотрела на меня сверху вниз:

— О, Господи, мы как вампиры или вроде того? Тебя нужно пригласить?

— Нет, — рассмеялся я, — однако, я не обделен манерами. И ожидать приглашения просто вежливость.

Она почти улыбнулась.

— Не важно. Входи, — с тех пор, как она превратилась, впервые казалось, что напряжение между нами немного спало.

— Тебе надо чаще улыбаться. Так ты меньше похож на монстра.

Сделав последнюю затяжку, затушил косяк о дверную раму, смахнул пепел и положил обратно в нарукавник. Я отошел в сторону, освобождая путь.

Согнув пальцы и вытянув руки вперед, я выпроводил всю воду по полу за порог дома. Спустя пятнадцать секунд, дом больше не был затоплен.

— Вот черт! — прокричала Яра, от удивления широко раскрыв глаза. — Как ты это сделал?

Я забыл, какими впечатляющими могут показаться наши способности тем, кто их никогда не видел.

— Контроль воды — одна из наших возможностей.

— Научи меня, как это делать.

— Не сейчас, Яра. Нам нужно вернуться.

Она хлопнула руками по бедрам:

— Что-то в существовании русалок наконец-то кажется крутым, и ты не покажешь мне, как это сделать?

Признаю, часть меня хотела похвастаться, но я обещал Фиалкам. Я не должен вмешиваться в процесс обучения Яры.

— У тебя пока нет способности контролировать воду.

— Давай, вернемся в океан, и ты сможешь усилить свои способности русалки.

— Пожалуйста, Трейган, я измотана, и я хочу спать здесь, в моем доме. А не под водой.

Дневной свет угасал с каждой минутой. Ей нужно отдохнуть в бассейне.

— Сон для тебя больше не является необходимостью.

— Не говори мне, что будучи человеком, ты не спишь, — сказала она снимая обувь. —

Тебе надо когда-то отдыхать.

— Отдыхать — да, но не спать. В это время одна половина нашего мозга отдыхает. А другая остается в сознании. Этим мы похожи на дельфинов.

Она потерла глаза и сморщила носик:

— Как ты видишь сны, если никогда не спишь?

— У нас есть стремления и цели. Нам не нужно спать для этого.

— Не такие сны. Сны, в которых можно лететь по небу, полному конфет, или быть прекрасной принцессой. Знаешь, эти удивительные, необъяснимые вещи, которые остаются с тобой, даже когда ты просыпаешься.

— Я не люблю сладости, и почему я должен хотеть быть принцессой? — спросил я, следуя за ней в гостиную.

— Перестань. Ты понял, что я имею в виду.

Она щелкнула выключателем, но ничего не произошло. Должно быть, буря является причиной отсутствия электричества.

— Мы можем спать днем, но даже это кажется пустой тратой времени.

— Забудь. Очевидно, мы слишком разные, чтобы понять друг друга.

Она растянулась на диване, положила голову на подушку, и зевнула:

— Мое тело устало.

Я должен был настоять на том, чтобы она закурила. Как я мог быть таким неосторожным:

— Почему ты раньше не сказала? Тебе нужна травка.

Она опять сморщила носик:

— Я не нарик.

Я застыл. Она знала, что это? Нет, узнать у нее не было возможности. Значит, она имела в виду что-то еще.

— Что такое «нарик»?

Ее губы скривились в усмешке:

— Эмм, наркоман. Друг, ты каким камнем был там, под водой? — она оперлась на локоть. — Травку, которую ты куришь, здесь в человеческом мире, мы называем наркотиком. Это незаконно и убивает клетки мозга.

Мы не могли говорить об одном и том же.

— Травка не убивает клетки мозга. И это бесполезно для людей. Со временем тебе придется это курить, если конечно ты не самоубийца.

А если это так, то у меня для нее было другое предложение.

Она порылась в ящичке под кофейным столиком.

— Вы курите водоросли? Кошмар.

— Не обычные морские водоросли. Эта трава растет в подzemелье — там, где проход в наш мир.

Казалось, я мог бы немного научить Яру, хотел ли я этого или нет.

— Души, погребенные в подzemелье, действуют как проводник между этим миром и нашим. Новый вид растений появляется здесь. Мы изучили это с Фиалками, и они открыли это свойство.

— Фиалками? — спросила она, поставив две свечи на стол.

Я щелкнул зажигалкой и поджег их. В воздухе появился сильный запах ванили.

— Фиалки самые мудрые из нас. Они открыли, что если курить травку, мы остаемся здоровыми. Если нет — то заболеем. Мы бы все погибли к этому времени, если бы последняя душа не подарила нам это растение.

— Значит, я поняла правильно. Эта трава растет под водой на кладбище, и вы все ее курите? Фу! Как сильно все запущенно?

— Водоросли собирают в подземелье и высушивают на солнце. Души последних душ проникают в растения, которые растут на могилах, обеспечивая нас энергией нашего мира.

Потому что водоросли вырастают под земной океанской водой, а высыхают под земным солнцем, и это дает нам жизненную силу, что позволяет нам жить здесь дольше, чем мы могли раньше.

Пламя свечей дрожало между нами, поэтому вдоль стен танцевали тени. Яра должна узнать продолжение истории. О людях, которые погибали, вырываясь через проход до того, как его закрыли. Как их каменные статуи зловещим лабиринтом на дне океана, напоминают нам о последствиях нарушенных обещаний. Но никто из нас не должен жить с этим печальным образом. Каждый день я был благодарен, возможности быть единственным русалом, кто мог бродить по мрачным тропам подземелья.

— Звучит жутковато, — пробормотала она, свернувшись в клубок.

Я не мог этого отрицать, поэтому тихо наблюдал, как ее веки закрывались.

Она выглядела такой спокойной, не то что раньше. Когда ее дыхание замедлилось и выровнялось, я подумал, вернуть ее в океан, но вместо этого, накрыл одеялом, как делал дядя Ллойд, когда она была ребенком.

Я бы наверстал упущенное время урожая завтра ночью.

У Яры должна быть последняя ночь сна.

Когда ее превращение завершится, она больше никогда не заснет. Она прошла через многое за свою короткую жизнь, и за следующие несколько недель на нее ляжет огромная ответственность. Будущее нашего вида зависит от нее.

И у нас осталось только семнадцать закатов, чтобы научить ее быть собой.

Бар Джека Фроста был набит обычной толпой. Войдя через дверь, я вдохнул мятный дым, наполнявший помещение. Резкое падение температуры было для меня само собой разумеющимся уже несколько лет.

Благодаря кондиционерам в баре поддерживалась температура в 29 градусов по Фаренгейту. Это было похоже на обычную холодную погоду, только снаружи стояла жара.

Когда бар впервые открылся, здесь были толпы людей, но новизна прошла, ибо по всему миру стали открываться такие же ледяные бары. Мало кто знал, что наш бар был не шуткой эскимосов, а ключом к выживанию Селки.

С барными стойками, столами, стенами и стульями, сделанными изо льда, я чувствовал

себя здесь почти как дома.

Забудь об этом. Я не чувствовал себя как дома. И теперь, когда Яра стала русалкой, мы могли уже никогда не вернуться домой.

Я рухнул на один из ледяных тронов.

— Что будешь? — перекричала музыку Дина. Она рассеянно покрутила кожаным браслетом. — Крепкий или крепче?

— Самый крепкий. Ночной кошмар начинается.

Она недоуменно прищурилась и ушла к бару. Брови Джека взметнулись вверх, когда она сказала ему мой заказ. Он налил водки Сику в высокий стакан и прошел через зал.

Джек не часто выходил из-за барной стойки, но прошло несколько часов с моего последнего напитка, а я заказал еще. Такого не случилось уже несколько лет.

Он вручил мне стакан:

— Сынок, Дина сказала, у тебя был плохой день.

Ужасный металл-рок доносился из динамиков.

— Плохо, это мягко сказано, — прокричал я, прежде чем опрокинуть напиток одним залпом.

Сочетание алкоголя и ледяной воды скользнуло в мое горло. Арктический холод прошелся по моей груди, вниз по рукам и не надолго задержался в кончиках пальцев. Замерзшее тело колотило замерзший мозг каждый день, но этого все еще не достаточно, чтобы окоченеть.

— Они победили. Они превратили ее.

Джек дал понять Дине, которая изящно проскользнула за бар. Ее наманикюренные пальчики сжали чистую бутылку напитка, который она налила нам обоим по порции. Джек пробовал напиток в тишине, пока не закончилась песня.

Когда новая песня раздалась из динамика, он поднял стакан:

— Тост!

— За что? — спросил я, нехотя поднимая свой стакан.

— За существование более чем одного способа быть рыбой!

Он поболтал водку в стакане и понюхал, будто это было необычное вино.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

Он вытер губы тыльной стороной ладони и улыбнулся, мелькая щелью между передними зубами:

— Я самый старый селки по эту сторону миров. Я знаю, кто прячет скелеты в шкафу, и у кого Ахиллесова пята.

Дай мне сигарету, и давай поговорим снаружи, где я смогу слышать себя.

— Сначала мне нужен настоящий напиток.

Он подмигнул и встал:

— Дина принесет его. Самый свежий этого вечера.

Под гудящими ночными фонарями Джек и я курили, обсуждая ситуацию. Превращение Яры не может быть отменено, но еще все может сложиться в нашу пользу.

У нас было время убедить ее, что мы — ее лучший выбор.

Она не жила с русалками и не играла по их правилам, когда училась выживанию. Она может выбрать нас.

— Можно запутаться, — сказал Джек, — но это того стоит, верно?

Я сидел на своем мотоцикле, обдумывая его варварский план.

— Я сделаю, что угодно, чтобы снова быть с ней.

— Речь идет не только о тебе и ней. Речь идет обо всех нас.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Дина открыла дверь и встала перед моим рулем, передавая мне холодную кружку.

— Вот. Хранилась в холоде, как только появилась. Она говорит, что полна страсти и...

— Дина! — я стряхнул мою сигарету на нее. — Я говорил тебе, ничего не рассказывать мне о доноре.

— Прости, я подумала, может...

— Выйди, Дина, — приказал Джек.

Она молча закрыла дверь, и я проглотил кровь, стараясь не думать, кому она принадлежала. Кем бы ни был донор, Дина не солгала. Блаженство бежало во мне.

Я жаждал поглотить кого-то — тело или душу — но знал, через несколько минут это пройдет.

— Черт, — проворчал я, вытирая рот, — кто-то прошлой ночью хорошо повеселился.

Джек хлопнул меня по плечам:

— Это половина твоего веселья как жертвы. Можем анонимно подарить тебе главные особенности наших жизней.

— Я благодарен за это, но это ничто по сравнению... Ну, вы знаете.

— Скоро все изменится. Вы двое сможете поделиться своими душами друг с другом и забыть обо всем этом донорском бизнесе.

— Надеюсь. Гуляя часами и рассуждая, я навсегда потерял свою родственную душу.

Я ударил сиденье моего мотоцикла.

— Трейган сует нос в чужие дела. Прямо как наш непутевый отец.

Джек потушил сигарету каблуком сапога и метнул в мусорку пустую бутылку из-под водки.

— Забудь о нем. Мы переманим Яру на нашу сторону. Любовь восторжествует.

Верно. Так утверждают сказки, но в этом случае, все будет в сто раз труднее — и запутаннее — ради любимых людей.

ДЕНЬ 2

Прежде, чем открыть глаза, я почувствовала, что кто-то наблюдает за мной. Где-то между пробуждением и полусном все постепенно вернулось ко мне. Ураган, мой хвост, те татуированные штуковины, холод в поцелуе Ровнана и...

Мои глаза распахнулись, он был там. Трейган.

— Какая же огромная трата времени впустую, — сказал он. — Прошло десять часов с тех пор, как ты закрыла глаза. Знаешь, сколько мы могли бы сделать за эти десять часов?

Я села и натянула одеяло себе на руки. В окне гостиной сияли лучи солнца.

— Это называется «сон», болван. Десять часов — самое приемлемое для этого количество времени, — я могла бы поспать еще часика два-три. — Ты совсем не спал?

— Я говорил тебе, Ямабуки, я не сплю.

— Прекрати так меня называть.

— То есть тебе можно называть меня уродом, преступником, мерзавцем и болваном, а я тебя Ямабуки называть не могу?

Мысленно я сделала себе пометку, больше так его не называть.

— Если ты не спишь, то чем ты занимаешься всю ночь?

— Работаю.

Он сказал это живо и бодро, но под его глазами виднелись темные круги.

— Всю ночь?

— Да, и времени по-прежнему не достаточно.

Трейган был трудоголик. Не удивительно. Я могла полностью увидеть присущую ему бесконечную потребность чувствовать себя важным.

— Если ты не выходил на работу прошлой ночью, то чем ты занимался?

— Сидел здесь, ждал, когда ты проснешься.

Он выглядел еще строже, чем обычно, словно он и, правда, десять часов сидел в кресле-качалке.

— Ты сидел здесь всю ночь, наблюдая за тем, как я сплю? Ты один из тех ненормальных преследователей?

Черт возьми. Снова прозвище.

— Могу я попросить тебя воздержаться сегодня от оскорблений в мой адрес или в адрес других наших людей? Мое терпение на исходе, и сегодня у меня нет той сдержанности, что была вчера.

— Сдержанности? — я наклонилась вперед. — Ты мне угрожаешь?

— Ты узнаешь, если я буду угрожать тебе. Не сомневайся в этом.

— Мне не нравится твой тон.

— Мне не нравится проводить здесь, на земле, весь день и ночь, ничего не делая, в то время как наш народ страдает. Я отстаю от графика работы, а тебе предстоит многому научиться в ближайшие несколько дней. Нам нужно идти.

Он встал и пошел к двери.

— Когда я смогу вернуться?

— Возможно, ты этого не захочешь.

— О, я захочу вернуться, — я отковыряла затвердевшие капли свечного воска от кофейного столика. — Ты бредишь, если думаешь, что я собираюсь провести остаток своей жизни под водой.

— Ты сможешь уходить и приходить так часто, как пожелаешь, как только закончится твое посвящение. Это займет несколько закатов.

— Закатов? Меня не будет несколько дней?

— Да.

— Мне нужно увидеть моего дядю прежде, чем мы уйдем.

— Твоего дядю?

— Знаешь, тот мужчина, из чьего дома ты меня похитил.

Он запрокинул голову, словно он только что что-то вспомнил.

— Да, конечно. Но, пожалуйста, поторопись. Сейчас ты член семьи намного большей.

Некоторые из них переживают, потому что мы слишком долго находимся на суше.

Некоторые из них переживают? Почки моего дяди могут отказать в любой момент. Мне нужно было быть на острове и заботиться о нем. А вместо этого, мне пришлось жить, как рыбе. Я проследовала за Трейганом на крыльцо. Он подставил свое лицо небу, закрыл глаза, так как я набиралась уверенности для моего следующего спора.

— Во-первых, никто из твоих водяных мне не семья. Моя семья — мой дядя, на этом точка. Во-вторых, не вини меня в нехватке своих лекарств. Твои люди страдают, потому что вы обратили меня против моей воли.

Он не двинулся и не открыл своих глаз.

— Иди, попрощайся с Ллойдом. Если не вернешься через двадцать минут, я приду и заберу тебя.

Не приближайся к нему.

Он повернулся и посмотрел на меня. Я ожидала, что его взгляд будет резким и наполнен гневом, но он выглядел спокойным и равнодушным.

— Возвращайся через двадцать минут, и мне не придется ничего делать.

— Аарх! Я не... я нена...

— Что? Ненавидишь меня? Ты не знаешь меня достаточно хорошо, чтобы ненавидеть. А теперь иди.

Прогулка к дяде Ллойдом была обычным каждодневным занятием, но сегодня все было странно. Деревья и кусты были повалены ураганом. Наводнение размывало песок и грязь, создало холмистые выступы вдоль дорог, там, где их раньше не было. Дом дяди Ллойда не пострадал, но выглядел по-другому. Может это из-за солнца, восходящего позади него, может из-за отражения океана в нескольких ярдах от его крыльца, но дом казался окруженным сверкающим кругом.

Раздумья о том, как объяснить все дяде, отзывались болью в моем животе. В правду невозможно было верить, но, по словам Трейгана, я не могла лгать. Что я могла ему сказать? Эй, дядя Ллойд, это Трейган. Он водяной. Он превратил меня в русалку, и я проживу несколько дней в море под водой. Ты удерживай форт, пока меня нет. Да, все будет хорошо.

Я постучала в дверь и вошла.

— Доброе утро, — сказала я.

Дядя Ллойд спустился по лестнице, как обычно, спокойно улыбаясь и прихрамывая, что причинило боль моему сердцу.

— С Днем Рождения, милая.

Мой день рождения. Я почти забыла.

— Спасибо! Теперь я официально стала взрослой. Вы можете выселить меня из дома тогда, когда захотите.

— Я этого не сделаю.

Как бы то ни было, я проследовала за ним на кухню и пыталась запомнить каждую деталь, напоминающую о нем. Из-за этого я отсутствовала дольше, чем сказал Трейган. Учитывая все обстоятельства, дядя выглядел очень хорошо в свои шестьдесят. На его голове

по-прежнему красовались густые седые волосы. Большинство его мускул со временем стали дряблыми. Дядя хромал, потому что диализ вызывал судороги в суставах и боль в ногах, но он продолжал позитивно смотреть на вещи. Он всегда носил желтое. Будь то яркие тропические рубашки, капри или садовые перчатки, почти каждое воспоминание о нем было связано с одеждой желтого оттенка. Дядя Ллойд был мой собственным лучиком солнца даже в темные времена.

Он достал из холодильника коробку с тортом и поставил ее на стол. Открыв кухонный ящик, он вынул оттуда две, завернутые в розовую и зеленую бумагу, коробочки. Одна была плоская и прямоугольной формы, Другая — маленькая и квадратная.

— Вы не должны мне ничего дарить. Вы и так дали мне слишком много.

Я повторяла одно и то же каждый год, прежде чем открыть подарки, и каждый год он улыбался и, молча, наблюдал. Первой я открыла плоскую коробочку. Было такое ощущение, словно в конверте находились какие-то бумаги.

— Что это? Контракт на миллион долларов?

Я сморщила губы и повернулась, дотрагиваясь подбородком плеча — моя лучшая поза для обложки альбома.

— К несчастью, нет. Однако, твой голос звучит мягче последние пару дней. Возможно, эта особенность взросления сделает из тебя достойную рок-звезду.

— Правда? Я по-другому говорю?

Я пыталась сосредоточиться на печатном документе, лежащем передо мной, и сохранять спокойствие. Мои волосы посветлели, голос изменился. Конечно же, у дяди Ллойда начали появляться подозрения.

— О, Боже мой! — выпалила я, поняв, наконец, смысл слов на бумаге. — Это документ на мамин дом. Тут мое имя.

— Теперь это твой дом по праву.

Это была одна из миллиона других причин, почему дядя Ллойд был моим супергероем.

— Это... Это слишком. Я не могу принять...

— Яра, мы оба знаем, что дни мои сочтены. Мне совсем не нравится то, что ты вынуждена взрослеть так быстро, но мне нужно убедиться, что о тебе позаботятся, когда меня не станет.

— Вы обещали не говорить подобных вещей. Иначе они быстро сбудутся.

— Хорошо, — он сложил перед собой руки. — Как на счет очевидных вещей? Ты заслужила право на собственность этого дома уже давно. У тебя не было нормального детства, малыш.

Он был прав. Моя мама никогда не готовила, не делала уборку и не стирала. По сути, она никогда не делала и большинства из этого. Несколько дней она не вставала с постели, потому что была слишком уставшей. У нее было слабое сердце. Я думала, это моя вина, пока дядя Ллойд не рассказал правду. Я бы каждую ночь приходила к ее комнате, чтобы пожелать спокойной ночи, а она бы говорила мне, что ее сердце болит из-за меня и моего папы. Я почти не помнила своего отца. Он умер, когда мне было три, но в те времена он и я были воображаемой командой. Вместе мы причиняли боль маме.

После ее смерти мой дядя объяснил, что ее слабое сердце было таким по состоянию здоровья. При этом она была подавлена — что отличается от больного сердца — из-за смерти папы и от того, что не могла дать мне лучшую жизнь. Я все спрашивала, правда ли это.

В течение первых нескольких лет после переезда к дяде Ллойд, я каждый день ходила в свой старый дом, надеясь, что мама волшебным образом появится снова. Когда мне исполнилось тринадцать, мой дядя разрешал мне проводить выходные в одиночестве, когда я того хотела. В шестнадцать он позволил жить там одной постоянно, при условии, что я буду навещать его каждый день. Это был наш секрет, и если бы кто-нибудь спросил, то мне пришлось бы сказать, что я живу с ним. Но никто никогда не спрашивал.

Сейчас мне восемнадцать, и это уже никакой не секрет. Его место заняла новая тайна, которую мы не могли разделить. Мне приходилось скрывать правду от человека, который никогда ничего не скрывал от меня. Я бы вернулась через несколько дней и притворилась бы, что ничего не изменилось. Дядя Ллойд никогда бы не узнал об этой русалочьей ерунде, и мы бы могли вернуться к нашей обычной жизни.

— Спасибо, — сказала я. — Это много для меня значит.

Я помнила угрозу Трейгана прийти и забрать меня, если я задержусь, и мой пульс тут же участился. Я не хотела, чтобы он появлялся, не хотела объяснять дяде Ллойд, кто он такой. Мои руки тряслись, пока я торопливо разворачивала следующий подарок.

Это был кулон, сделанный из сероватого камня. Через его отполированную поверхность пробивались темно-красные жилки.

— Спасибо, он мне нравится, — сказала я в спешке, презирая Трейгана за то, что приходится второпях праздновать свой день рождения.

Дядя Ллойд раздался своим глубоким, раздутым смехом.

— Ты не увидела самую приятную часть. Открой его. Это медальон.

Внутри надтреснутого камня я нашла фотографию своих мамы и папы. Они выглядели молодыми и счастливыми. Я поближе изучила бы отца, потому что для меня он был неким незнакомцем.

— Ох, — это все, что я могла сказать.

— Он тебе не понравился?

— Я бы предпочла, чтобы их фото было у меня.

— Яра, они твои родители. Они дали тебе жизнь. Всегда храни память о них.

Я закрыла медальон, потирая большим пальцем по гладкой поверхности.

— Что это за камень?

— Это старый морской камень. Защищает тех, кто хранит его у своего сердца.

Я не хотела оставлять его. Что если ему станет хуже, пока меня нет? Или что если... Я не могла даже думать о том, что потеряю его. Это была бы жизнь без солнца. Я протянула украшение дяде.

— Вы можете мне надеть его?

Дядя Ллойд закреплял застежку, пока я держала волосы. Камень низко висел на моей груди, и я чувствовала кожей его холод. Когда я повернулась, чтобы поблагодарить его, у меня сильно закружилась голова и качнулась вперед.

— Осторожно, — он держал меня за плечи. — Ты в порядке?

Я несколько раз зажмурила глаза, пытаясь отогнать головокружение.

— Да, прости... просто слабое головокружение.

Хотя на самом деле оно было не слабое. Оттенки синего и красного вспыхивали в моем взоре, а мои конечности напоминали липких червей. Трейган говорил, что нам может стать плохо, если проводим слишком много времени не в воде. Если это то, что он имел в виду, и вылечить это мог дым от водорослей на фестивале.

— Наверно тебе лучше присесть, — сказал дядя Ллойд.

— Я в порядке. Просто я не ела с тех пор, как... Черт, я не ела весь вчерашний и сегодняшний день.

Как я могла забыть о еде? Мой живот даже ни разу не урчал. Никакой боли от голода или других признаков. Если морские жители не ели, то я бы просто взбесилась. Я любила вкус еды и не хотела с ним расставаться просто потому, что я частично превратилась в рыбу.

— Должно быть, упал уровень сахара в крови. Как насчет торта?

Я заставила себя улыбнуться.

— Именинный торт?

— Лучший в своем роде, — он отрезал два кусочка и положил их на тарелки.

— Что? Без именинной песни? — передразнивала я, до сих пор чувствуя головокружение.

— Ты у нас певец, не я. Я бы не хотел мучить тебя в твой особенный день.

Он был прав. Пение не входило в число его талантов. Садоводство, резьба по дереву, починка лодок — это то, что он делал лучше всех.

Я воткнула свою вилку в первый кусочек торта, надеясь, что смогу его распробовать. Если я не чувствовала больше голода, не потеряла ли я чувство вкуса? Сыроватый кусочек из темного шоколада с застывшим сливочным кремом скользнул на мой язык. Упав, он разлился сладким, более глубоким, чем когда-либо, вкусом по всему рту.

— Ммм, — протянула я с удовольствием. — Это самый вкусный торт, который я когда-либо пробовала.

Определенно, я не потеряла свои вкусовые ощущения. Во всяком случае, они усилились... или же торт был слишком замечательный. Я не была уверена.

— Рад, что тебе нравится. Я заказал его в семейной пекарне в Кисе. Местные жители восхищаются тем, какая замечательная у них выпечка.

— Они не врут. Чертовски верно.

— Приятно слышать такие похвалы, — он ухмыльнулся, пока я заталкивала в рот кусочек, на котором было больше шоколада.

Я не могла поверить, как быстро я закончила. Я боролась с желанием облизать свою тарелку.

— Можно мне еще кусочек?

Он толкнул коробку через весь стол.

— Угощайся. Не хочешь отдохнуть? Ты выглядишь так, словно готова выбежать за дверь сию же минуту.

Чувство вины — странная штука. Мой живот наполнила тревога, окончательно отбив у меня аппетит. На оставшемся торте можно было прочесть «Счастливого Рождения, Яра», выведенное розовой глазурью. Слово «День» мы уж съели. Совпадение, потому что несколько коротких минут были всем, что я оставила своему дяде.

— Дядя Ллойд, мне нужно уехать кое-куда на несколько дней.

Морщины вокруг его глаз стали глубже, количество их увеличилось, как только он вынул вилку изо рта. Немного глазури пристало к его нижней губе.

— Именинный отпуск?

— Что-то в этом роде.

— Ну что ж, веселись, но будь осторожна.

Что это было? Никаких больше вопросов?

— Не хотите знать деталей?

— Я знаю, что ты более ответственна, чем большинство взрослых. Я доверяю тебе.

— Ого. Спасибо, — все эти волнения были напрасными. Отведенные мне двадцать минут почти истекли. — Я ненавижу, есть и тут же куда-то бежать, но мне пора идти.

— Я понимаю, — он отодвинул свой стул, ножки скрипнули по кафельному полу. Дядя, кажется, совсем не волновался. — Обе лодки хорошо пережили ураган. Можешь взять любую.

Лодки. Хорошо. Он бы точно начал спрашивать, куда я поехала, если бы я не взяла лодку. Входило ли это в забавный план Трейгана?

— Наверно, я возьму свою. Газовое топливо лучше, — добавила я нервно.

Он поцеловал меня в макушку и поставил наши тарелки в раковину.

— Ты уже выросла из Эденс Хаммок. За его пределами большой, потрясающий мир, детка. Вперед, изучай его.

Я не хотела изучать. Я хотела остаться здесь и заботиться о нем, но он, казалось, хотел, чтобы я уехала. Давно ли у него это чувство? Что если со мной что-нибудь случится? Что если я никогда не вернусь из мира русалок? Будет ли он скучать по мне? Мысль о том, что я никогда не увижу дядю Ллойда или Эденс Хаммок снова обожгла меня изнутри, пока я боролась со слезами.

— Вы ведь будете беречь себя, пока меня не будет? — он кивнул. — Пообещайте.

— Обещаю, — его обещания стоили дороже золота.

Мое горло сжалось, а украшение на шее будто душило. Я потянулась к нему, чтобы поправить, но камень был такой теплый, что я сжала его в руке, вдавливая тепло в свою ладонь.

Неожиданно на меня нахлынуло другое чувство. Комфорт и безопасность, а затем вспышка забытого детского воспоминания: голубые глаза Трейгана смотрели на меня, пока я откашливалась от воды из моих горящих легких. Это воспоминание было таким ясным.

Как я могла забыть?

Он сжимал меня в своих руках, пока я смотрела в темное звездное небо. Он выглядел молодым, бесстрашным, заботливым. Его теплые пальцы смахивали слезы, бегущие по моим щекам. Потом он плыл так быстро, провозя меня по холодной воде. Он продолжал обещать, что все будет хорошо, что мне ничего не грозит. Он был такой... другой.

Я вскочила, быстро обняла дядю Ллойда.

— Мне нужно идти! Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — крикнул он, как только входная дверь захлопнулась за мной.

Я побежала прямо к своему дому. Я не могла так быстро вернуться к Трейгану.

Днем Хаммок повидал свою долю смерти и безысходности. В нем больше тайн, чем в гробе Горгоны. Жуткая энергия в доме Яры, хоть и годы спустя, заставляла идти кругом, люблю голову, поэтому я отошел к крыльцу, чтобы подышать свежим воздухом.

Мы практически столкнулись друг с другом.

— Яра, что случилось?

Пытаясь отдышаться, она смогла выпалить:

— Это был ты, — она наклонилась вперед, обхватив руками колени. — Почему ты не сказал мне?

— О чем ты говоришь?

— Той ночью..., - тяжелее дыша и качая головой. — Ты... спас мне жизнь.

Я ничего не ответил. Морской народ не может лгать, но у нас всегда есть право хранить молчание. Она не могла иметь ввиду ту ночь. Она не могла помнить. Я позаботился об этом.

Когда ее дыхание восстановилось, она выпрямилась.

— Почему?

— Что почему?

— Миллион почему! Почему ты ничего не говорил? Почему ты позволяешь мне называть тебя всеми теми именами и быть такой значимой для тебя? И почему я до сих пор не помнила, что ты спас меня? — она подошла ближе, и я затаил дыхание. — Той ночью, когда умерла моя мама, ты спас меня, иначе я бы утонула. Это ведь был ты?

Я не мог утверждать, что не знаю, о чем она говорит. Не прошло ни одного дня, чтобы я не думал о той ночи. Как она могла это вспомнить? Я заморозил те памятные минуты сразу после того, как все случилось.

— Ответь мне, — просила она.

Она казалась такой же незащищенной девочкой, какую я спас десять лет назад, за одним исключением, сейчас она выглядела даже слабее, чем тогда. Что случилось с той непослушной всезнайкой, которая убежала из дома? Она вернулась, словно ангел, вымаливая ответы, которые я никогда бы не подумал дать.

— Трейган? — наши глаза встретились. Я не мог от нее отвернуться, как бы сильно того не хотел. Ни у кого никогда не было такой эмоциональной внутренней борьбы, как у меня. Я еще никогда не был более благодарен тому, что был не в море. Если бы она могла слышать те мысли, которые проносились у меня в голове, о нашем прошлом, о ее истории, это бы усложнило и без того уже трудную ситуацию.

Мой голос опустился до хрипа:

— Нам нужно возвращаться.

Она схватила мои запястья.

— Пожалуйста, скажи мне правду. Это был ты, правда?

В ее глазах заблестели слезы. Мысль о том, что она плачет, заставила с болью сжаться мою грудь. Боже мой, это сердечный приступ?

Ее руки сжались.

— Пожалуйста, скажи мне, что я не сумасшедшая. Той ночью, когда умерла моя мама, я помню, как ее положили, а лодку, прыжки в воду, и как я поплыла за чем-то вечным, а потом все стало серым. Я никак не могла вспомнить, что случилось потом. Но несколько минут назад ко мне все вернулось. Я вспомнила. Ты был моим спасителем. Правда?

Мое сердце билось так сильно, что даже пол под нами должен был трястись.

— Ты сказала это вслух. Это значит правда.

Она отпрянула от меня, но не ушла.

— Почему ты ничего не говорил?

Мои запястья гудели в тех местах, где были ее пальцы. Я потерял их, пытаюсь отогнать

боль и вернуть чувствительность.

— Это не казалось чем-то важным.

— Не казалось важным? Я почти что умерла! Ты спас меня и отвез обратно на берег, — ее глаза лезли из орбит, словно эта сцена из ее памяти играла прямо перед ней. — Ты принес меня сюда, привел домой, закутал меня в одеяла. Вошел дядя Ллойд и... подожди, ты знаешь моего дядю?

Моя голова снова раскалывалась. Я отвернулся и развязал повязку, отчаянно желая курить.

Яра стояла так близко, что я мог чувствовать тепло ее тела за спиной.

— Я помню, как вы двое разговаривали, — произнесла она полушепотом. — Ты сказал ему, что мне не следует хранить память о тебе.

Я не мог повернуться. Я не мог смотреть ей в лицо. Я знал, каким назойливым себя чувствуешь по отношению к тому, кто украл хоть частичку тебя. Заморозка была сопоставима с разрушением души. На тот момент это казалось единственным правильным решением, но если бы она помнила, что я сделал, она бы смотрела бы на меня, как на самого ужасного вора.

Пальцы Яры потянули за нижнюю часть моей рубашки.

— Ты держал мое лицо в своих руках, твои глаза стали серебристого цвета и...

Каким-то образом я нашел в себе мужество, чтобы повернуться. Она побледнела. Ее ноги дрожали, поэтому я держал ее.

— Яра, ты слабеешь. Нам нужно вернуться под воду.

— Ты был внутри моей головы. Мои вены будто наполнялись льдом, а потом ты... о, Боже мой.

Она едва произнесла последние слова перед тем, как упала в обморок прямо у меня на руках.

— Прости меня, — прошептал я сквозь ее волосы, неся ее ослабевшее тело вниз по ступенькам в воду — в ее новый дом.

Фиалки учили меня, что нужно делать, но они, ни разу не говорили мне, как поступить, если она потеряет сознание и не проснется, когда мы уже в воде. Я ждал слишком долго. Я должен был лучше знать. Почему я не настоял на том, чтобы вернуться раньше?

Неважно, как быстро я плыл в замок Парагон, все казалось вечностью. Глаза Яры были закрыты. Пульс слабый. Что если она никогда не проснется? Я бы никогда себе этого не простил. Я поклялся, что позабочусь о ней. Все, ради чего мы так усердно работали, пойдет прахом из-за моего легкомыслия.

Охрана увидела, как я приближаюсь, и отправилась мне на встречу. Мой хвост не мог везти меня достаточно быстро. Каждый поворот и подъем по коридорам зеркальной морской глади был дольше, чем когда-либо раньше. Повернув на полной скорости в зал собраний, я резко остановился прямо перед Фиалками, оставив за собой огромную волну.

Я склонил голову и отошел, чтобы они оба могли меня слышать.

— На земле она потеряла сознание. Она не была в воде на протяжении двенадцати часов. А воспоминание, которое я заморозил десять лет назад, вернулось к ней и...

— Трейган, — прервал спокойно Каспиан. Андреа улыбнулась и положила свою руку ему на макушку.

— Да, старейшины?

Каспиан подплыл ко мне, приложил руку ко лбу Яры и закрыл глаза. Когда он их открыл, я услышал слабый шепот последующих его мыслей, будучи уже отстраненным.

— Она в порядке. Все, что ей нужно, это немного отдохнуть.

Я с облегчением кивнул.

— У нас есть другой опекун, который отведет Яру к Коралин, — сказала Андреа. — Ей нужно побыть в бассейне для отдыха.

— Я могу отвести ее.

Каспиан осторожно забрал ее у меня из рук.

— У тебя есть более существенные дела, требующие твоего участия. Иди, изучай Катакомбы.

— Это днем, — спорил я.

— Тебе придется просить об исключении. Многие в отчаянии. Им нужны Катакомбские водоросли.

Я посмотрел на Яру, которая все еще в бессознательном состоянии была в руках у Каспиана, потом закрыл глаза, чтобы они не могли слышать моих мыслей. Боль в груди, покалывания в запястьях, после того, как она коснулась меня, это были предупреждающие знаки. Я не мог стать эмоционально связанным с Ярой. И что более важно, она не могла полюбить меня. Это была бы катастрофа.

Каспиан коснулся моего плеча.

— Не беспокойся за здоровье Яры.

— Прошу прощения, Каспиан, но самочувствие Яры — это моя забота.

Глаза Андреа вспыхнули лиловым цветом, как только она послала на меня успокаивающие волны. Впервые за последние дни мои мышцы расслабились.

— Ты хорошо поработал, Трейган, — сказала она. — Позвольте и всем нам делать то, что мы можем, чтобы облегчить то бремя, которое лежит на вас. Вы единственный водяной... и к тому же вы прекрасны. Делайте, как говорит Каспиан. Возвращайтесь, когда запас водорослей вновь придет в равновесие.

— Как пожелаете, Андреа. Спасибо, Каспиан.

Они оба кивнули.

Я еще раз взглянул на Яру прежде, чем уплыть из зала. Она была в руках морского народа, который проявит исключительную заботу о ней. Не важно, как сильно я хотел остаться, мне нужно было покинуть ее. Мои неожиданные чувства к ней означали, то мне нужно держаться от нее подальше, пока не настанет День Троицы Восемнадцатилетних.

В Катакомбах не существовало почти никакой жизни. Несколько растений выросли из цементных статуй. Это все, что было. Ни рыбы или морские существа не плавали по лабиринту, не цвели кораллы, ни одна улитка не ползала по морскому дну. Ничего.

Первые несколько лет жуткие могилы и отсутствие цвета наводили на меня ужас. Меня

мучил один и тот же, постоянно повторяющийся кошмар, будто я в ловушке в заброшенной сине-серой пустоте. Огромные цементные глаза смотрят на меня, не моргая. Их крики и мольбы о помощи заставляют океан кипеть, пока моя кожа и чешуя на хвосте не расплавятся. Несколько раз я просыпался, громко вопя. В то время страх перед смертью, или еще хуже — страх навечно остаться одиноким, объял меня полностью.

Возможно, он был до сих пор.

Собирание водорослей с захоронений давало мне слишком много времени для раздумий. Я ненавидел их. Ненавидел эту работу, ненавидел эти Катакомбы, ненавидел то, что знал и любил большинство душ, похороненных в этих холодных скалах. Плавание между статуями умерших друзей и семьи во время сбора водорослей, должно было стать худшей работой в мире. Но это была моя работа, она не была похожа на ту работу, на которую я мог прийти и уйти. Трейган и я были единственными душами, которые могли плавать в Катакомбах, и он был уверен на сто процентов, что мой вид растений не дал бы то, что нужно.

Когда вода вокруг меня начинала колебаться, я знал, что это был он. Трейган никогда не появлялся в Катакомбах в мою смену. За все года, что мы проводили исследования, ни один из нас не нарушил нашего соглашения.

Он проплыл могилу моей матери, мышцы напряжены, плечи сгорблены, настороженный и сдержанный. Чванливый недоносок никогда не изменится. Я заплыл за статую Селки, пряча руки за каменной стеной ниспадающих волос. У меня и Трейгана не было причин для драки. Пока. Но лучше быть в безопасности, чем разорванным надвое.

Трейган, мы избегали друг друга больше десяти лет. Возможность видеть его два дня подряд вызывала у меня тошноту.

Эти его уродливые голубые глаза сузились, но он сохранял спокойствие.

— Мне нужно изучить наш урожай.

— Сейчас день. Тебе нельзя приходить сюда.

Он подплыл ближе.

— Меня попросили об исключении. Наши запасы катастрофически малы. Вчера я не мог работать, потому что дал Яре время, задержаться на земле, чтобы она могла увидеть тебя.

Он по-прежнему не двигался из осторожности. Под водой каждый покачивался или немного колебался туда-сюда, даже когда пытался усидеть на месте. Но не Трейган. Когда он чем-то поглощен, никакая его часть, за исключением волос, не качнется ни на дюйм.

— Никто не просил тебя этого делать, — сказал я.

— Она просила меня сделать это, — он повернул вбок, кружась вокруг могилы одного из своих людей и изучая растущие там растения. — Ты был первым, за кого она беспокоилась, когда проснулась. Ты проделал хорошую работу, убеждая ее, что заботишься о ней.

— Она важна мне.

— Она не важна на том пути, в который ты заставил ее поверить.

Мои плавники напряглись, желая дернуться вперед. Мои когти расширились. Одним рывком я мог содрать с него кожу и вырвать его сердце, лишь бы он никогда больше не разговаривал с Ярой. Но этот рывок никогда его не достигнет. Он был быстрее любого водяного, которого только знала история.

— Я не могу сказать, как она понимает наши отношения.

— Спектакль окончен, Ровнан. Она защищена от того, чтобы быть околдованной. Ты больше не можешь контролировать ее мысли и чувства.

— Это мое дело, не твое.

Трейган расправил плечи и крепко сжал кулаки.

— Теперь она одна из нас. Держись от нее подальше.

Я подплыл вперед, оказавшись с ним лицом к лицу.

— То, что ты обратил ее, еще не значит, что она будет с тобой. Она свободна выбирать, и мы позаботимся, чтобы она выбрала нашу сторону, сторону Селки.

В один миг его рука обвилась вокруг моего горла.

— Ты хочешь войны?

Я схватил его за предплечье, пуская когти ему в кожу. Между нами всплыло маленькое облачко крови, растворяясь в воде. Хотелось разорвать его мышцы и сухожилия, чтобы доказать, что я могу, но сдержался. Так как знал, на что Трейган способен, а на что нет.

— Морской народ не переживет войну с нами.

Он сильнее сжал мое горло.

— Все изменилось. Мы будем сражаться за нее.

— Ты забываешь, что Селки по природе темнее. Мы пойдем на крайности, на которые твой род никогда бы не пошел. Может, ты и нечестно играешь, но не твой народ.

Хвала Богам за то, что я не нуждаюсь в воздухе, чтобы дышать, потому что захват Трейгана раздробил мне трахею. Это адская боль, но я отказывался показывать ее.

— Ставки никогда не были столь высоки. Мы сделаем все необходимое.

Он выглядел таким решительным. Я почти забыл об этой стороне своего брата.

— Я скажу, что это было подло, обращать Яру раньше. Как ты узнал, что сегодня ее не настоящий день рождения?

Он отпустил меня, посмотрев в сторону перед тем, как ответить:

— Секретные источники.

— Мать или отец?

— Не твое дело, — ответил он.

Одним быстрым изгибом назад я сманеврировал прочь от него, разделяя нас толщей воды.

— Как ты сделал это? Мы все верили, что ее день рождения был сегодня. Она верила, что он сегодня. Должно быть, ты спланировал это много лет назад.

— Я не оставляю беспечно будущее моего народа. И делал то, что нужно было сделать.

Я пытался не издеваться, но не получилось:

— Ты, правда, веришь, что она посчитает твой дурацкий способ, открыть врата единственно верным? Она не слабовольная. У нее вспыльчивый характер матери... который в ту пору был у нее. Яра не будет просто делать то, что ты ей говоришь.

Трейган опередил меня.

— Мы заставим ее считать, что это то, что нужно сделать.

Мы снова плавали с глазу на глаз, оба жесткие и непоколебимые. Вытянутая каменная рука русалки, покрытая качающимися водорослями, была единственной вещью, разделяющей нас.

— Я уверяю тебя, Трейган. Когда Яра придет к воротам, она будет со мной, и все будет сделано правильно.

— Не делай ставки на свою жизнь, брат.

Упомянув кровь, мы разошлись, я убрал когти, но это не успокоило моего волнения

— Я ставлю на нее все наши жизни. И не называй меня братом.

— Это другое различие между нами, Ровнан. Я никогда не спорю на жизнь своего народа.

Сейчас у меня по расписанию была встреча с Джеком, и вся эта болтовня с мистером Хрень-в-Мозгах только усиливала мою невыносимую тягу выпить.

Я поплыл прочь, проведя пальцами вдоль надгробья матери, убедившись, что кувшинка в безопасности на своем месте. Хотя ее глаза были огрубевшим, безжизненным камнем, я знал, что ее дух охранял меня.

— Покойся с миром, Мама. Я обещаю победить в твою честь.

ДЕНЬ 3

Снова я проснулась под водой без единой подсказки, где я.

Когда я была ребенком, я лежала в ванной и пыталась открыть глаза под водой. Все выглядело размыто, а звуки были приглушенными. Сейчас же я с кристальной ясностью могла видеть над собой потолочные балки и слышать каждое слово из песенки «Какой Чудесный Мир», которую чуть вдалеке напевал женский голос. Я села и оглядела мелководье. Мой золотой хвост, брысаясь, шлепнулся прямо напротив меня. Крытый бассейн?

Комната была маленькая, с бамбуковыми стенами. Окна на потолке пропускали много солнечного света. Повсюду росли полевые цветы: на стенах, вокруг балок, в огромных ракушках, напоминающих клумбы. Как я здесь оказалась? И кто пел в соседней комнате?

— Привет? — позвала я.

Пение прекратилось и в открытых французских дверях раздались шаги. Из-за двери выглянуло круглое личико, обрамленное светло-зелеными хвостиками.

— Ты проснулась!

— О, кто вы, и как я здесь очутилась?

Она вышла в полный рост, и от удивления у меня отвисла челюсть. На ней была майка и джинсовая юбка, но остальная часть кожи, за исключением ее блестящего лица, была покрыта клеймом. Под таким замысловатым произведением искусства ее кожа имела атласный блеск. Я знала, что она русалка. Не по ее внешнему виду, а из-за внутренней чувственной системы, упоминаемую Трейганом.

Она до чиста облизала ложку и воткнула ее в йогурт, который держала.

— Я Коралин, и ты находишься в бассейне для отдыха в моем доме.

— Но ты русалка и не в воде, как?

Ее неприятно-белые зубы сверкнули в усмешке:

— Это тайная способность и означает, что я могу быть на земле и сохранять при этом свои русалочьи особенности. Кроме хвоста, разумеется. Тогда таскаться из комнаты в комнату было бы не так весело.

Где был Трейган? Почему он оставил меня здесь с этой незнакомкой? Ему по-прежнему нужно объясниться. Я потеряла руки, словно мне холодно, хотя температура была подходящая.

— Можно мне одолжить какую-нибудь одежду, чтобы я могла выбраться отсюда?

— Конечно.

Она исчезла в дверях, а я изучала свою кожу. Узоры, напоминающие растительные мотивы, вернулись, и я выглядела так, словно я наложила слишком много блестящего автозагара. Погрузившись в воду, я пробежала пальцами по своему хвосту, который сжался и покрылся шероховатостями и чешуей.

— Ужасно.

— Что ужасно? — спросила зелено-волосая девушка, входя в комнату с полотенцем и одеждой.

Я пыталась сказать «ничего», но не могла вымолвить ни слова. Вся эта штука с неспособностью лгать была не шутка.

— Просто разговаривала сама с собой.

Она протянула полотенце, но я понятия не имела, как без ног выйти из бассейна.

— Как мне вылезти?

— Подтянись к краю и подними хвост.

Было так странно слышать, как кто-то говорит подобное, и принимать это за реальность, но я придвинулась к краю бассейна и сделала, что она сказала. Так же, как и на пристани, мой хвост мгновенно превратился в ноги, узоры покрывали ноги, когда я вынула их из воды. Я сунула ноги обратно, и они стали бледно-желтыми плавниками. Потом снова вытащила их, со всеми десятью пальцами, мерцающие и покрытые вьющимися узорами. Опускала и поднимала их настолько быстро, насколько могла, пытаясь узнать, появляются ли плавники вне воды. Но превращения случались быстрее, чем я могла двигаться.

Коралин смеялась, стоя надо мной:

— Ха-ха, ловко?

Ловко было не то слово, это было восхитительно. Я взглянула на нее и опять на свои ноги перед тем, как взять у нее полотенце и встать. Пока я оборачивала полотенце вокруг себя, я посмотрела вниз и заметила, что мой медальон пропал.

— Что случилось с моим медальоном?

— Каким медальоном?

Он был таким тяжелым, стуча по моей груди, когда я бежала обратно к Трейгану от дяди Ллойда, но я не могла вспомнить был ли он у меня на шее, когда настигла его. Я уже его потеряла? Прекрасно. Этого подарка хватило надолго.

— Не важно. Где Трейган?

— Он ушел работать.

— Ты имеешь в виду продавать водоросли?

— Продавать? Деточка, тебе нужно так много узнать о вещах, происходящих в нашем

мире.

Деточка? Она серьезно?

— Я не хочу знать, как обстоят дела. Я вернусь домой как можно скорее и притворюсь, что всей этой русалочьей ерунды никогда не было.

— Но быть русалкой намного лучше, чем человеком. Некоторые люди отдали бы все, лишь бы стать одними из нас.

— Да, я не одна из них.

— Дельмар упоминал, что тебе это не интересно. Я не могла поверить, что это возможно, но ты здесь и критикуешь прекрасную жизнь, о которой ничего не знаешь.

— Прекрасную? Иметь хвост, а в следующую секунду ноги? Кожа и татуировки, которые похожи на нечто из научно-фантастических романов? Ничто из этого не является моей идеей прекрасного.

Она черпнула побольше йогурта себе в рот и похлопала ложкой по нижней губе.

— «Ведь око наше никогда не увидело бы солнца, не сделавшись само солнцеподобным; и душа не узрела бы прекрасное, не сделавшись прекрасной».

— Что?

— Платон, — ответила она. Я озадачено уставилась на нее. — Великий древний философ. Только не говори мне, что никогда не слышала о нем.

— Нет.

— Похоже, что мне придется учить тебя с самых основ. Идем, для начала я покажу тебе окрестности.

Но, прежде чем я смогла возразить, она ушла в другую комнату, не оставив мне другого выхода, кроме как следовать за ней.

Остальная часть дома выглядела обычно: гостиная, кухня, даже простая ванная. Все помещение было выполнено в пастельных тонах, в морской тематике, а каждая полка была заставлена книгами.

— Ну и что ты думаешь? — спросила она.

— Мило, но где мы?

Она направилась к входной двери.

— Прости, я почти забыла о самой лучшей части.

Она распахнула персиковую дверь, и мы ступили на небольшую веранду, сделанную из веревки и древесины.

У меня перехватило дыхание. Я никогда не видела ничего подобного. Ее дом был одним из тех многих коттеджей с соломенными крышами, разбросанных по покатистым зеленым холмам. Все эти дома выглядели так, словно были сделаны из природных материалов, поэтому хорошо вписывались в окружающую тропическую зелень. Некоторые соединялись ручейками. Бурлящие водопады, ниспадающие водные потоки и щебетание птиц создавали невероятное звуковое дополнение для потрясающей картины, окружающей нас.

— Добро пожаловать в наш мир, — сказала она. — Ты смотришь на скрытый остров Солиса. Дом почти для сотни водных жителей, он недоступен людям, его невозможно найти с помощью радара или спутника и невозможно увидеть невооруженным глазом.

— Как такое может быть? — удивилась я. Лазурная голубизна неба выглядела скучной по сравнению с мерцающими изумрудными горами.

— После того, как мы поняли, что застряли здесь надолго, Фиалки распространили по всему острову защитное заклинание. Если бы люди обнаружили это место, мы бы стали их

следующим большим экспериментальным исследованием. Морских жителей считают мифом, ты знаешь?

Хотелось бы мне, чтобы они были мифом.

— Что ты имеешь в виду под словами «застряли здесь»?

— Врата между нашим миром и этим были закрыты много лет назад. У нас нет способа вернуться домой, поэтому мы вынуждены приспособливаться.

— Этот мир не твой дом?

— Боже, нет. Это место такое унылое по сравнению с Рате. Наш народ бывал здесь, потому что мог общаться с людьми, ездить по городам и открывать для себя что-то новое. Это мир был для нас чем-то вроде игровой площадки, но мы никогда не оставались здесь больше чем на несколько дней за раз. Потом врата закрылись, и с тех пор мы здесь, как в ловушке.

— Рате? Какое ужасное название. Звучит, как жуткий.

— Большой ошибки вы никогда не совершали. Рате значит место цветения и созревания, — она провела своими бледными пальцами по перилам веранды. — Мы скучаем по нашему миру, особенно по родным и близким, оставшимся там.

— Ты не можешь позвонить, отправить письмо или еще что-нибудь?

Она не смеялась над моей непредусмотрительностью, которая звучала, как нелепый вопрос.

— У нас нет возможности связаться с ними.

— Врата снова откроются когда-нибудь?

Она прикусила губу. Ее белые зубы на лаймово-зеленом фоне напомнили мне кусочек яблока от Бабушки Смит.

— Мы очень, очень надеемся на это.

Станным образом я чувствовала, будто могла быть с этим связана. Много раз я задавалась вопросом, все ли хорошо с моими родителями на той стороне, стороне, к которой у меня не было доступа. Это было чувство одиночества.

— Почему врата закрылись?

— Ответ прост: не сдержали обещание, данное горгонам, поэтому они наложили ужасное заклятье и закрыли ворота до тех пор, пока мы не найдем способ отплатить им.

Ответы порождали лишь больше вопросов:

— Горгоны существуют?

— Слышала когда-нибудь о Медузе?

— Конечно. Одна из дочерей Форкиса и Кето. Бесподобно красивая, но превращалась в монстра.

Она была на одной из дорогих деревянных панелей, которые висели в доме моего дяди.

— Прекрасно. В конце концов, ты знаешь больше, чем то, что «у нее вместо волос были змеи». Медуза была ужасно странной, но если бы не она, никого бы из нас не существовало. Она играла главную роль в создании большинства морских существ. Ты знала это?

Мой ответ, должно быть, был написан у меня на лице, потому что она продолжила прежде, чем я смогла заговорить:

— Многие считают горгон богами, свойственными нам. Это спорный вопрос, но они, несомненно, могущественны. Обычно они наблюдали за нами, но после того, как Медузу убили, они больше не могли этого делать. И слава Богу, потому что они злятся, они могут превратить нашу жизнь в ад. Они не очень-то любят прощать.

— Звучит так, будто они монстры.

Она шутливо толкнула меня плечом:

— Мы все монстры.

— Говори за себя.

— Ну, хорошо, похожи на монстров, у Горгон все же есть душа и чувства. «Красота», моя любимая поэма, написана прапраправнучкой Медузы. Она Горгона, это очевидно, но она унаследовала от Медузы энтузиазм и позитивность. «Под маской трагедии порой скрыта красота». Я читаю эти слова каждое утро. Они дают мне надежду.

— Надежду на что?

Коралин устремила взгляд на водопад вдалеке. Ее глаза потускнели от приходящей печали.

— На мир, где нет нас против них, на место, где все мы можем снова существовать мирно. Но больше всего оно напоминает мне о любви. Плевать на правила, к черту последствия и просто любить. Любить, пока любовь не убьет тебя, потому что нет ничего лучше, за что стоит умереть.

Мы обе стояли тихо, слушая птиц и воду вокруг нас. Потом она бросила на меня косой взгляд, словно ждала, что я скажу.

— Любовь. Ты права, — поддержала я, надеясь, что это смягчит ее боль.

— Ох, я совсем забыла, — она спустилась вниз по ступенькам на лужайку и пропела мелодию без слов. Когда вдалеке отозвался похожий звук, она развернулась и засунула свои руки в карманы юбки. — Кая скоро будет здесь. Она вестник. Я отправлю ее к Трейгану, сказать, что ты в порядке.

— Мне нужно поговорить с ним лично.

— Тебе необходимо начать обучение.

Почему все так на этом настаивают?

— Ты знаешь, что такое Ямапуку?

— Ты имеешь в виду Ямабуки?

— Без разницы.

— Конечно. Это Золотая рыбка. А что?

— Трейган называл меня так постоянно.

Она сжала губы, сдерживая смех.

— Что смешного?

— Почти все они, эм, как бы правильнее сказать, непреклонный вид рыб.

— Ты имеешь в виду упрямые.

— Ну, как сказать. Возможно, он называет тебя так из-за твоей желтой окраски и подразумевал это как комплимент.

— А возможно, нет, — проворчала я про себя. — Что означают цвета?

— Красные — ученики. Оранжевые — вестники. Желтые — учителя, но ты, детка, ты исключение. Тебе следует начать как Красные, как и любой другой морской житель.

— А как на счет зеленого? — спросила я, глядя на ее хвостики и лаймовые губы.

— Я докладчик. Однако, меня просили обучать тебя, с тех пор я занимаю место рядом с тобой. Фиалки беспокоились, если бы тебя учил другой Желтый, ты могла не проявить того уважения, которого они заслуживают. К тому же, они знают, я люблю преподавать. Или учить. Я просто обожаю знания.

— Трейган сказал, он мой опекун. Это то, что и Синие делают? Охраняют людей?

— Черт, нет, конечно! — надулась она, будто я сказала что-то обидное. — Они охраняют все священное для нас, в первую очередь Фиалок и дворец.

Дворец. Конечно же, тут должен быть дворец. Почему бы и в этой волшебной стране не быть замку?

— Почему Фиалкам нужна охрана? Подожди, почему мне нужна охрана?

— Мы дойдем до этой части. Я подготовила парочку уроков, перед тем, как мы возьмемся за это. Для начала тебе придется учить Историю и Известных Мастеров.

— Коралин, я не хочу быть своенравной, — или упрямой, как я думала, — но я не собираюсь становиться частью этого мира. Мне просто нужно научиться выживать на земле и притворяться человеком перед своим дядей.

Она потянула за кончики своих волос и уже было открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом мы обе почувствовали, что кто-то приближается.

Девушка с желтовато-коричневой кожей плыла выше по течению прямо к нам. Ее волнистые рыжие волосы напоминали мне Читос.

— Наша Яра проснулась! Здравствуй, мисс Яра! — молодая девушка оживленной махала мне. — Я Кая. Для меня большая честь познакомиться с тобой.

Я нерешительно помахала в ответ и спустилась по лестнице. Коралин наклонилась, чтобы поговорить с ней, и они обменялись парой слов.

— До скорой встречи, мисс Яра, — крикнула Кая, прежде, чем погрузиться в воду.

— Так быстро, — я наблюдала за тем, как оранжевое пятно уплывало от нас. — Куда она так спешит?

— Доложить Трейгану, — сказала Коралин. — Он хотел знать, когда ты проснешься.

Без колебаний, я опустилась в воду, чтобы следовать за ней. Мне нужно увидеть Трейгана и не позволить Коралин отказать мне.

Дельмар и я бросили пакеты Катакомбских водорослей на берег.

— Она не может быть так уж плоха, — настаивал он.

— Ты прав. Она невозможна лишь девяносто пять процентов времени.

— Она ключ, который откроет дверь в наш мир, Трейган, — Дельмар чуть было не сказал еще что-то, но подошли другие.

Панго был в великолепной физической форме, когда пришел на каторгу, но он также был самым известным сплетником во всех водных путях мира. Его зеленые кудри пробились через гладь воды следом за небрежными желтыми хвостиками Меррика.

— Джентльмены, — кивнул я.

Панго выплюнул на меня воду изо рта и щелкнул по мне своим хвостом.

— Не надо мне тут. Вы двое умчались вперед, чтобы обсудить нашу новенькую Златовласку. Вам лучше поделиться интересными подробностями со старым вынюхивателем.

— Панго, тут не о чем рассказывать.

Меррик закатил глаза:

— Даже я ставлю на это акулый зад.

— Да, — согласился Панго, развязывая веревку вокруг плеч, чтобы освободиться от сумок с водорослями. — Вы двое похитили девушку во время урагана и обратили против ее воли. Это самая интересная новость на сегодняшний день. Начинайте оправдываться. Слишком бурно ли, слишком тихо ли, мы не придиричивы. Просто дайте нам что-нибудь отменное.

Дельмар бросил на меня осторожный взгляд.

Я догадывался, что Меррик не хотел слушать деталей. Он и Панго были известными противоположностями, по одной из многих причин вместе они были идеальной парочкой, но мы все знали, что Панго не перестанет спорить, пока он не получит хоть какие-нибудь свежие новости. У нас было еще несколько часов работы, и я не хотел все это время слушать нытье и мольбы Панго. Я занимался заготовками большую часть вчерашнего дня, всю ночь и половину сегодняшнего. Из-за недостатка отдыха я сделался раздражительным.

— Ты будешь разочарован, Панго, — сказал я. — Она ненавидит нас.

Он закончил поднимать последний из своих пакетов на камни и повернулся, чтобы помочь Меррику:

— Нас? Всех морских жителей?

— Да.

Откинув голову назад, он издал неестественный смех.

— Она еще не познакомилась со мной. Никто никогда не мог питать ко мне ненависти. Я слишком привлекательный, — Меррик усмехнулся, и Панго ударил его по плечу. — Это же правда, и ты это знаешь.

— Я не спорю, — сказал Меррик перед тем, как опуститься под воду за сумкой, которая соскользнула с его веревки.

Панго посмотрел, как он уплывает, прежде чем продолжить расследование:

— А с кем она познакомилась за это время, что у нее появилось такое отвращение? Только с тобой и с доктором Судный День? — он кивнул в сторону Дельмара.

— Эй! — крукнул через плечо Дельмар, забираясь на каменистый выступ.

— Дельмар, дорогой, ты знаешь, что я люблю тебя, но позволь говорить вещи такими, как они есть. Ты выглядишь немного пугающим со своими темными волосами и цветом лица, как у призрака. А этот твой хриплый голос, возможно, убедил ее в том, что она встретила Смерть с косой морей и океанов.

Меррик плавно выскользнул из воды:

— Что я пропустил?

Дельмар закончил застегивать шорты и широко развел руки. Его татуировки цвета индиго сверкали в солнечном свете.

— Меня нарекли Смертью морей и океанов.

Панго аплодировал, а Меррик, смеясь, фыркнул:

— Только если Смертельный Папочка — это скрытый закоренелый романтик, который не навредит и креветке.

Мы все вылезли из воды и схватили шорты из-под навеса. Панго потянулся за парой кроссовок, и я от удивления поднял бровь.

— Что? Вчера я сделал себе педикюр. Песок — это великолепный скраб, но он убийственно отшелушивает.

Для самого мускулистого в округе водяного ростом шесть футов и пять дюймов, Панго порой был исключительно женоподобным. Меррик с терпением святого относился к его образу жизни, требующему больших запросов.

— Зашнуровывай их и приступай к работе, — проворчал я. — Мы отстаем.

Панго драматично поклонился:

— Да, хозяин.

Я бросил на него взгляд, чтобы возразить, но он просто посмеялся и завязал обувь.

Мы подняли последнюю сумку растений для сушки, когда я почувствовал приближающихся девушек.

— Вы, должно быть, шутите, — вздохнул я, разворачиваясь, чтобы посмотреть на океан. Я ждал одну, но никак не троих.

— Что? — спросил Дельмар, выжимая лишнюю воду из нескольких листьев, но потом он тоже почувствовал их. — О. Не важно.

— Боже милостивый, у нас гости! — пропел Панго. — Но какой ужас, я не готов произвести надлежащее первое впечатление. Почему бы нам не поселить дизайнера на этом острове на случай чрезвычайных ситуаций?

Меррик похлопал Панго по животу:

— Ты замечательно выглядишь. Она будет слюни пускать, как только увидит твой рельефный пресс.

Панго вздохнул:

— Я ненавижу, когда первое, что видят люди при встрече — это мое идеальное тело. У меня есть нечто большее, чем просто красивое личико, понимаешь?

Мой план состоял в том, чтобы держаться подальше от Яры, пока мы не начнем наши совместные тренировки, но она была здесь, обнаруживая мое место работы. Я уронил свой секатор так, что он упал в нескольких дюймах от ноги Панго.

— Ее не должно быть здесь.

Панго завизжал и подпрыгнул на месте.

— Ты безбожник! Я мог лишиться одного из моих маленьких пальчиков.

— Панго, подуй на них минутку, — предложил Дельмар.

Я подошел к краю воды, за мной следовали Дельмар, Панго и Меррик. Кая была первая, кто приблизилась к нам, Коралина и Яра отставали.

— В конце концов, мы знаем, что она проснулась, — прошептал Дельмар.

— Что она здесь делает? — кричал я Кае и Коралине.

— Мои извинения, мистер Трейган, — Кая воновато опустила глаза.

Коралина подплыла к каменной стене к моим ногам:

— Она настаивала. Она не позволила бы Кае уплыть без нее, и я не разрешаю вам кричать из-за этого на Каю.

— Это твоя работа, говорить ей «нет», Коралина.

Яра махала руками над головой:

— Ээээй! Я здесь. Как на счет того, чтобы поговорить со мной?

Я перевел свой раздраженный взгляд обратно на Коралину. Она подняла руки, защищаясь.

— Ты знаешь, кто она. Ямабуки невозможно остановить.

Она пристально смотрела на меня. Конечно же, она уже спросила об этом Коралину.

Панго выглянул из-за плеча:

— Привет, Яра. Я Панго. Я в восторге от встречи с вами.

Ее глаза расширились. Несомненно, она была удивлена, почему такой огромный человек говорил в такой жеманной манере.

— Это Меррик, — продолжал Панго, опираясь на его плечо, — самый симпатичный водяной во всем океане. Но не дай разыгаться фантазии, потому что он помолвлен, — он поцеловал Меррика в щеку, а потом он заметил Дельмара. — Ходят слухи, вы уже знакомы с Дельмаром.

— Рада с вами встретиться, — любезность Яры шокировала меня, но люди не могли сопротивляться милой природе Панго. Я никогда не встречал того, кому бы он ни нравился.

— Я бы хотел лично поговорить с Ярой, — произнес я. Кая и Каралина поплыли прямо к пляжу.

— Повидайся там с веселыми девицами, — пропел Панго, как только он и другие мужчины ушли.

Яра подплыла к скалам, и я опустился на колени:

— Что ты здесь делаешь?

— Я упала в обморок, и ты тут же оставил меня в доме какой-то незнакомки? — она практически шипела на меня.

— Яра, хотелось бы мне, чтобы ты перестала быть такой сложной.

— Ты имеешь в виду упрямой Ямабуки?

Я не обращал внимания на ее возмущенный тон:

— Для твоей же безопасности существуют правила, которым ты должна следовать, и вещи, которые тебе необходимо выучить. У меня нет времени спорить с тобой на каждом шагу. У меня не хватает часов между закатами, чтобы завершать свою работу и обучать тебя. Коралина ответит на любые вопросы, которые у тебя возникают.

— Ты спас мне жизнь, когда мне было восемь. Я не хочу слышать об этом от Коралины, Я хочу услышать это от тебя!

Детская невинность снова мелькнула у нее в глазах, даже когда она пыталась придать власти своим словам. Какой ответ, который ее удовлетворит, я мог бы ей дать? Ведь правда в целом была так сложна.

— Многие морские жители спасали тонущих людей. Как я говорил, у нас высоко настроены чувствительность, когда дело доходит до понимания, что рядом люди. Я оказался в нужном месте, в нужное время. — Ничто из этого не было ложью.

— Мой дядя рассказал мне, что меня нашел рыбак.

Я старался не улыбаться:

— Что ж, я могу быть рыбой-или-человеком.

Она закатила глаза:

— Я знаю, что есть нечто большее, чем это. Что ты скрываешь от меня?

— Послушай, мне нужно работать. Как только я наверстаю упущенное, закончив с собранным урожаем, я встречу с тобой, и мы сможем обсудить это в дальнейшем.

Она скрестила руки на груди, надувшись с типичным для нее недовольством.

— Яра, — я убрал волосы назад, чтобы она могла видеть прямо в моих глазах. — Ямабуки — это самая непреклонная из всех Золотых рыб. Согласно легенде, Ямабуки единственная, кто добилась успеха в плавании вверх по Реке Страдания и добралась до

тумана Вечного Водопада, где она превратилась в могущественного дракона. Не из-за упрямства, а из-за упорства, смелости и храбрости.

Она быстро захлопала глазами. Ее взгляд смягчился с каждым взмахом ее ресниц.

Я встал и крикнул:

— Кая, Коралина, заберите Яру обратно в Солис.

Как только я ушел, у меня появилось желание оглянуться и посмотреть, почему она не спорила и не задавала больше вопросов, но я сдержался.

Не оглянуться и не посмотреть на нее было поразительно трудно.

ЗАКАТ 3

Коралина и Кая плыли по обе стороны от меня.

Ямабуки. Стойкость. Смелость. Трейган правда видел все это во мне? Мой дядя говорил обо мне подобные вещи, даже когда я была ребенком. Я уже скучала по своему дяде. И скучала по Ровнану. Эта новая жизнь забирала слишком много.

Пейзажи, мелькающие во время плавания к Острову Водорослей и обратно, захватывали дух. Тропические рыбы, морские черепахи, кораллы и жизнь растений: это был нескончаемый аквариум. Мы проплыли высоко над старым затонувшим самолетом. На земле это выглядело бы благородно и величаво, но испортившаяся груда алюминия на песчаном дне океана выглядела такой маленькой и нестоящей внимания.

В какой-то момент Коралина услышала поблизости двигатели круизного судна, поэтому мы нырнули поглубже, держать подальше от его пути. Вокруг нас кружились три дельфина, щелкая и свистя, тогда как один толкал огромный лист своим носом. Пузырьки воздуха, которые они оставили после себя, щекотали мне кожу. Я еще надеялась увидеть Селки, полагая, что они во многом похожи на нас, за исключением узорчатой половины, но узоры были не везде, чтобы просто быть найденными.

Я догнала Коралину и коснулась ее плеча:

— Коралина, мы можем поговорить?

— Конечно.

Она издала визгливый звук и Кая посмотрела на нас. Коралина указала наверх, и мы все вместе поплыли на поверхность.

— Прости, — сказала я, тихонько подбрасываемая вверх и вниз легкими волнами, — но это не могло подождать. Я надеюсь, вы обе не думаете, что я чрезмерно суетливая и упрямая, как думает Трейган.

Они уставились на меня, их подбородки то поднимались, то опускались в воду.

— О, мисс Яра, — глаза Каи под водой были оранжевыми, но сейчас они стали орехового цвета, а ее волосы цвета недоспелой земляники, — суетливость меня не волнует. Обычно я тоже такая. Мои сестры и братья тоже слишком много суетятся и кричат. Ты напоминаешь мне мою семью.

Поэтому они думали, я была суетливая и упрямая. Способ произвести первое впечатление, Яра.

Коралина улыбнулась Кае и кивнула мне:

— Продолжай. О чем ты еще хотела поговорить?

— Кто-нибудь из вас знает, где живут Селки? — спросила я.

Челюсти Коралины чуть отвисли в воде:

— Я не представляла, что ты уже знаешь о Селки.

— Мой парень Селки.

— Парень? — ахнула Коралина. — Почему я не знаю, что у тебя есть парень?

— Подожди. Ты была одной из Докладчиков, которых Трейган отправлял, чтобы следить за мной?

— Ну, я..., - она теребила свое ожерелье из морских звезд. — Да, но я проверяла тебя лишь время от времени. Если быть честной, я отлынивала от работы последние несколько месяцев. Я думала, что достаточно о тебе знаю, и постоянно за тобой следить не нужно. К тому же, ты, кажется, и правда подозревала, что я рядом. Я думала, меня рассекретили.

— Мы с тобой раньше встречались? Я не помню, что видела тебя на острове.

Она поджала губы и взглянула на Каю:

— Ммм, ну...

Вмешалась Кая:

— Очень часто новые морские жители забывают что-нибудь, когда превращаются.

— Хмм, Прости, я не помню. Я видела так много туристов за столько лет. В любом случае, — продолжала я, — я не знаю, где именно живет мой парень, но мне нужно найти его. Селки живут вместе, как и вы?

Кая покачала головой:

— Нет, мэм, но они проводят много времени в студенном баре.

— Студеная отмель. Вы отведете меня туда?

— Нет, — вмешалась Коралина. — Плохая идея. Нам нужно вернуться обратно в Солис.

Я подплыла ближе к ней:

— Коралина, ты знаешь, каково это, любить кого-то?

Она замялась, и ее щеки покраснели:

— Конечно. Я очень люблю свою семью.

— Именно. Мой парень один из тех единственных двух человек, о которых я забочусь в целом мире. Пожалуйста, представь, что ты хотела бы поговорить с кем-нибудь, кого ты любишь, и никто бы не проводил тебя увидеть их.

Коралина снова вертела свое ожерелье.

— Мисс Коралина, — Кая подплыла к Коралине и взяла и за руку. — Если мисс Яре нужна любовь, и у ее молодого человека она для нее есть, то как мы можем отказать?

Коралина вздохнула, потянула за один из ее грязных светлых хвостиков и вновь вздохнула:

— Хорошо, мы отправимся в Джек Фростс. Но, если твоего бойфренда там нет, мы возвращаемся в Солис, и даже если он там, ты можешь остаться самое большее на час.

— О, спасибо, Коралина! — завизжала я, брызгая водой, потому что обняла ее. — Как на счет одежды?

— Мы храним одежду, пряча ее под пирсами, — ответила Кая. — С тем, чтобы найти что-нибудь для вас, не будет никаких проблем, мисс Яра.

— Почему ты зовешь всех мистер или мисс? — спросила я. — Ты выглядишь не намного моложе нас.

— Я из племени Кетокис. У нас есть различные обычаи. Любой, кто состоятельнее меня — это мисс или мистер.

— Состоятельнее? Но я не богаче тебя.

— Вы Желтая. Я недавно стала Оранжевой. Вы плаваете выше меня.

Я в замешательстве потрясла головой, но Кая лишь улыбнулась и схватила мою руку:

— Идемте, мисс Яра. Мы найдем вашего любимого Селки.

Коралина не выглядела слишком счастливой, но все трое мы нырнули под воду и поплыли прямо в Джек Фростс.

Мы стояли снаружи, разглядывая в окне каждого сидящего в баре.

Я видела, как Ровнан глотал свою выпивку за столом в углу.

— Он один в белом пальто.

Коралина заворчала:

— Конечно, это он, — и отвернулась.

— Нет, — сказала Кая. — У Проклятого Белого Пальто есть борода.

Проклятого? Проклятого хорошей внешностью, возможно.

— Это эспаньолка, — поправила я. — Я люблю, какой брутальный вид она ему придает.

— Мисс Яра, он неухоженный. Неухоженное лицо означает, что Селки женат.

— Что? — засмеялась я. — Он не женат.

— Я не могу лгать. Неухоженное лицо у мужчины-селки значит, что у него есть супруга.

Я развернулась, смотря между Каяй и Коралиной. Никто из них не выглядел так, будто они шутят.

— Нет, он бы сказал мне.

Коралина пнула камень через всю стоянку:

— Яра, ты много знаешь о Ровнанае?

— Конечно. Мы вместе неделю. Он все мне рассказывает.

Кая фыркнула:

— Он рассказывает то, что ты хочешь слышать. Много из того, что говорят ледяные — неполная правда.

— Он говорил тебе, почему его пальто белое? — спросила Коралина. — Почему лишь у него белое пальто в море, полном темных Селки?

— Нет, но... — я снова взглянула на Ровнана. Почему я так мало знала о нем? Мои руки тряслись. Я сжала полы своего сарафана и сделала глубокий вдох:

— Вперед, мы войдем.

— Нет, нет — попяtilась Кая. — Нашему роду не рады в морозном месте.

— Хорошо. Я зайду сама.

— Подожди, — Коралина схватила мою руку. — Ты не можешь идти туда вслепую. Мне нельзя идти с тобой, но это моя работа, готовить тебя, — выдохнула она, глядя в запотевшее

окно бара. — Это место холодное. Все здесь Селки. Все они знают, кто ты, и что ты есть. Я не знаю, что случилось между тобой и Ровнаном, но я догадываюсь, что все это было спектаклем.

Воздух вырвался из легких, словно меня ударили по животу:

— Спектакль?! Почему ты так думаешь?

— Потому что они хотели, чтобы ты была одной из них, но Трейган добрался до тебя первым. Когда ты была человеком, у Ровнана была возможность, околдовывать тебя, контролировать твой разум, заставлять тебя думать или чувствовать то, что он хотел. Больше он не может этого делать. Тебе нужно выяснить настоящие ли чувства у тебя к нему, или же он вынудил тебя быть к нему равнодушной.

Я почувствовала головокружение. Ровнан промывал мне мозги? Я переигрывала каждый разговор, каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждую мысль или чувство, связанное с ним. Ничто из этого не было правдой? Это казалось невозможным. Он бы никогда не стал так играть со мной. Ведь нет же?

Даже в тусклом свете парковки я могла видеть жалость и искренность в зеленых глазах Коралины.

— Мне жаль. Я знаю, это не легко услышать.

Оставаясь в безмолвии минуту, я расправила свое платье и взглянула на дверь:

— Я могу найти дорогу обратно на остров, если вы не захотите меня ждать. Я возможно задержусь.

Кая сложила руки у себя за спиной и наклонила голову:

— Ты смелая, чтобы войти туда.

Коралина пожала плечами:

— Вы никогда ничего не добьетесь в этом мире без мужества. Это величайшее качество ума, следующее за честью.

— Платон? — спросила Кая.

— Аристотель, — поправила Коралина.

Я поблагодарила их за помощь и открыла входную дверь бара.

Порыв ледяного воздуха заставила меня задрожать. Почти все повернули головы, чтобы посмотреть на меня темными, враждебными глазами. Я глубоко вдохнула, холодный воздух проник внутрь.

Просиживая столько лет в Джек Фростс, я выработал иммунитет в течении ночного времени к способности видеть каждый раз, кто входит в дверь. Но даже после того, как я залпом выпил шесть раз и заказал четверную пинту, я не мог игнорировать тишину, упавшую на весь бар.

Яра шла прямо ко мне, внимательно смотря на каждого. Они же изучали ее со спокойным скептицизмом. Я выпрыгнул и обернул свое пальто вокруг нее.

— Чертов асберг, здесь так холодно, — выдохнула она сквозь стучащие зубы.

— Я знаю, давай выйдем наружу.

— Нет, — дрожала она. — Мне н-н-нужно поговорить с тобой.

— Малыш, ты замерзаешь. Давай, пойдем ко мне домой и поговорим там.

Она кивнула, натягивая на себя мое пальто. Я открыл дверь и поднял руку

— Боже мой, — она споткнулась о бардюр, практически убегая из бара. — Вы все даже выглядите одинаково: темные волосы и глаза, шрамы, все эти меховые шубы. Как люди этого не замечают?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты никогда этого не замечала.

— Я никогда раньше не видела, чтобы так много ваших собиралось в одном месте

— Люди не часто крутятся здесь. А если и бывают, они не многое помнят к тому времени, как уходят.

Она держала мое пальто расстегнутым.

— Почему твое единственное белое?

— Потому что я чист и невинен.

— Ровнан.

— Потому что мой отец был редкой породы, — я забрался на свой мотоцикл. — Старая история, поверь мне.

Ее рот приоткрылся:

— Ты водишь мотоцикл?

— Прыгай.

— Ммм, — она разглядывала мой мотоцикл, словно была безумная собака.

— Я не позволю ничему с тобой случиться. Ты для меня незаменима, — и с этим утешением она села сзади и обхватила своими руками мою грудь. — Держись! — крикнул я, заводя мотор. Она прижалась крепче.

Два дня с морскими жителями и она вернулась ко мне. Джек был прав. Возможно, в конечном счете, она примет нашу сторону.

Мы свернули ко мне. Я едва успел заглушить мотор прежде, чем она спрыгнула со своего места и начала расхаживать взад и вперед. Ее явно что-то беспокоило.

— Что происходит в твоей прекрасной головке? — спросил я.

Она развернулась и встала прямо передо мной. Ее вьющиеся волосы напоминали крысиное гнездо.

— Ты женат?

Черт. Мне следовало бы знать, что это произошло бы. С тех пор, как я не мог больше путем волшебства избегать затруднительных вопросов на своем пути, честность была моим лучшим решением.

— Да.

Ее кулаки обрушились ему на грудь.

— Убирайся к черту!

— Подожди, — я схватил ее руки, ожидая, что она отстранится, но она лишь, не моргая, уставилась на меня взглядом, которые преследовал меня во снах. — Это было очень давно. Она... на иной стороне.

— Я, подожди. Что? — ее злость сменилась на нечто похожее на сожаление. — Мне... очень жаль.

Я помялся. Для людей иная сторона значило что-то другое. Я знал это, но это был мой

способ говорить правду без рассказывая всей правды.

Она обвила меня своими руками и положила голову мне на плечи.

— Я не знала.

Что бы ни происходило между нами в последние несколько месяцев, несмотря на то, каким фальшивым все было, этот момент был искренним. Я не околдовывал ее для, чтобы она видела меня очаровательным или красивым. Что бы она не чувствовала, это было настоящим. Я крепко обнял ее.

— Подожди, — она отошла назад, чтобы посмотреть на меня. — Если это было так давно, то сколько же тебе лет?

— Намного больше, чем тебе, — я пробежался большим пальцем по ее скуле. — Давай, зайдем внутрь, и я объясню.

Мой дом был ничем непримечателен. Яра изучала несколько предметов мебели, будто они были музейными экспонатами. Она опустилась на пустую кровать.

— Где все твои вещи?

— Мне много не нужно.

— Оно и видно, — пробормотала она. — Ты спишь на диване?

— Нет, — я показал на проем позади. — Я ночью снаружи. Хочешь взглянуть?

Мы прошли через раздвижные стеклянные двери, когда Яра ахнула:

— О, как уютно! — она подошла к круглому матрасу и ощутила шелковое покрывало. — Оно холодное.

— Это вещь Селки.

— Почему ты спишь внутри?

— Внутри нет луны.

Она откинула голову, увидела над нами полумесяц и улыбнулась мне:

— Ты так сильно любишь лунный свет или это очередная привычка Селки?

— Скорее второе. Сядь, и я расскажу подробнее, — я собрал свои грязные футболки с незаснеженного стула на веранде, но она забралась в постель и помахала мне.

— Ложись и расскажи мне.

По ее ногам пошли мурашки, поэтому я решил поднять их и положить под них свое пальто.

— Не держи ноги на матрасе иначе замерзнешь.

Я подполз к ней рядом и лег на спину, складывая руки за голову, чтобы избежать прикосновения к ней. Сколько бы я не твердил, что это хорошо, все же русалкам подобное было отвратительно.

Ее слишком теплая голова легла мне на грудь. Я воспринял это как намек, чтобы начать разговор.

— Ты ведь еще не знаешь, откуда мы — мир, где должен жить морской народ и Селки?

— Отчасти. Я не знаю деталей, но знаю, что все здесь, как в ловушке.

— Верно, и мы боремся за выживание. Селки необходим холодный климат.

— Ты говорил об этом. Но ты теплокровный, да?

— Законы классов Земли не относятся к морским созданиям из нашего мира. Мы не бываем холодно или теплокровными, как животные Земли. У нас есть что-то от тюленей, и что-то от человека, но все. Нас создали, применяя разные правила. Мы спим при лунном свете, чтобы впитывать холодную энергию этого мира.

— Звучит запутано.

— Это для иноземцев. Спустя время, это будет иметь смысл.

— Так, почему ты остался во Флориде? Почему не отправился на север?

— Мы не можем находиться слишком далеко от ворот. Именно там растут растения, которые охраняют нас от болезней. Нам нужны свежие запасы каждый день.

— Трейган говорил, что его Катакомбские водоросли делают это для его народа.

— Твой народ, — напомнил я ей, но она не напряглась так, как я ожидал. — Нет, ты не поняла его. У них есть солнце, у нас — луна — жар и холод. Растения помогают. Его водоросли — это способ поглощать энергию из нашего мира. Она живет в растениях, которые они выкуривают, и помогает справиться с физической болью и слабостью. У нас есть что-то похожее — морские сигареты.

— Сигареты помогают вам чувствовать себя лучше?

— Морские сигареты. Есть разница. Этот мудака говорил тебе, откуда его водоросли?

— Да, с какого-то жуткого подводного кладбища.

— Оно не жуткое, оно трагичное.

Она села.

— Прости. Ты сошел с ума.

— Нет, не сошел, но не называй его жутким.

— Возможно, это то, что мне нужно — знать больше об этом кладбище, где растут волшебные водоросли и табак.

Я вдохнул влажный воздух и поборол кашель. Они должны были обучать ее, но вся эта работа, как обычно, повисла на мне.

— Это один из раскрытых ужасов Ящика Пандоры.

Я достал сигарету из своей повязки на запястье и зажег ее. Яра с новым осознанием наблюдала, как дым танцевал в темноте.

Я не говорил об этой ночи в восемнадцать лет, но ей нужно знать. Я пустил над нами кольцо дыма.

— Ее имя Виенна.

— Чье?

— Моей жены.

— Оу, — она наклонила голову в сторону. — Подожди, ты сказал, она есть.

— Верно.

Она выглядела так, словно хотела сказать что-то, но я продолжил:

— Они говорили тебе, когда и почему ворота в наш мир закрылись?

— Нет.

Каковы были причины их ожидания? Говорить ли ей в пользу нашей стороны или помочь им? Я никогда не был хорош в стратегии. Это была задача Джека. Я посчитал, что следует придерживаться честной тактики.

— День, который изменил все, наступил восемнадцать лет назад. Горгоны были мертвецки пьяны, потому что... Подожди, ты уже знаешь что-нибудь о горгонах?

— Кое-что.

Надо же.

— Вот тебе ускоренный курс, потому что я устал, и учить тебя этому не моя работа, но твои морские недоброжелатели делают это никчемно. Что ж, горгонам солгали. Нарушенные обещания, и долг им никогда не будет заплачен и прочая ерунда. Они передали сообщение членам каждой группы: нам, твоим уродам и сиренам.

— Сиренам?

— Ты не знаешь о сиренах? Как, черт возьми, они тебя учили?

— Я точно не была самым прилежным учеником.

— Да будь я проклят, если выполню их работу за них. Спроси их потом о сиренах. В любом случае, они не важная часть этой истории.

Она кивнула, словно соглашаясь, уладить это, поэтому я продолжил объяснять.

Сообщение распространилось, как нефтяное пятно по всем водным путям. Тот, кто не пройдет через ворота до заката в назначенный день, будет в ловушке этого мира, пока горгонам не заплатят по счетам. Ходили слухи, что это было бы невозможно на протяжении восемнадцати лет. Никто из нас не мог представить и неделю жизни в этом мире без возвращения в наш. Годы были бы смертным приговором. Так что все побежали к воротам. Фишка в том, что мы были рассеяны по всему миру. Некоторые из моего вида были в Антарктиде и на Аляске. Умные ребята нашли способ прыгнуть в самолет, а потом плыть из Флориды. Другие возвращались не так быстро. Это была катастрофа. Словно ты слышишь, что твою планету разбомбят, и ты ничего не можешь сделать, чтобы остановить это.

— Это ужасно, — робко произнесла Яра

— Ужасно это не то слово. Представь себе, что все, кого ты знала, умрут медленной и мучительной смертью в ближайшие несколько недель.

Она потерла лоб, но ничего не сказала.

— Виенна и я были недалеко от Бостона. Мы возвращались сюда так быстро, как только могли. Когда мы оказались в полумиле от ворот, был... хаос, — у меня защемило в груди от ужасного воспоминания того дня. — Морской народ и Селки врывались дюжинами. Каждая пара глаз, в которые я смотрел, кричала, пытаюсь узнать, кто прошел, а кто нет. Многие из них кричали вслух, — я остановился. — Ты слышала когда-нибудь звуки, которые издает под водой твой вид?

— Мы говорим с помощью разума.

— Как и мы, у нас еще есть подводный диалект. Чтобы услышать его, многие морские существа кричат под водой... — я вздрогнул. — Я никогда этого не забуду.

— Почему они кричали?

— Каждый беспокоился о своей семье, друзьях, о том, о ком они заботились, отчаявшись узнать, в безопасности ли они на другой стороне или еще на пути к воротам. Многие паниковали, кричали, спорили плыть или подождать.

— Мой двоюродный брат чуть не проскочил мимо нас, но я схватил его и спросил, видел ли он мою мать. Выражение его лица сказало мне правду, прежде чем сформировались его мысли. Он сказал, что они вместе отплыли с побережья Мэна. Они держались вместе, но она и его дети под конец устали.

— У него был сын и дочь, и все рухнуло в один миг. Он сказал, что не мог привести мою мать и своих детей. Он пытался, но... — я пожал плечами и закрыл глаза. — Он извинялся за то, что был слаб. Сказал, что никогда не простит себе, что оставил ее там. Они его дети. Конечно же, ему пришлось спасти их в первую очередь. Я заверил его, что он сделал правильный выбор, и что я вернусь за ней.

— И он, и Виенна говорили мне, что времени мало. Моя мама была так близко от нас. Если бы я знал, я бы смог привести ее. Вместе мы бы сделали это вовремя, — он взял очередную сигарету. Словно курение могла заставить его чувствовать себя лучше. — Я не мог оставить ее там.

Мое сердце колотилось так, словно я переживал этот момент снова и снова. Я потерял свои губы, вспоминая холодный рот Виенны напротив моего.

— Я поцеловал Виенну и пообещал, что вернусь до того, как ворота закроются, а потом оттолкнул ее.

— Я исследовал толпу, проплывающую мимо меня, надеясь увидеть свою мать. Я плыл все дальше в противоположном направлении. Плыть против потока движения было нелегко, но я, наконец, увидел ее и обхватил рукой за талию.

Ее крик был настолько сильным, что я думал, мой разум разобьется. Она думала, я уже прошел через ворота. Она плакала, говоря мне, что солнце почти село, что я должен уходить без нее. Она была настолько уставшая, что ослабевала у меня на руках. Я никогда в жизни не плавал так сильно и быстро. Мы проносились мимо людей. Я не способен был чувствовать свой хвост или руки, но я продолжал двигаться, борясь за наши жизни.

Яра затаила дыхание. Я не хотел, чтобы она видела меня расстроенным, поэтому я отвернулся и уставился на луну.

— Показались ворота. Мы были в двух шагах от них. Потом появились сородичи горгон. Пятеро из них встали в линию и запрещали кому-либо проходить. Кто-то слушался, но большинство из нас не обращали на них внимания. Мы были слишком близки, чтобы сдать.

— Сначала я подумал, что мои глаза меня обманывают. Все Селки и водяные вокруг меня двигались медленно, как черепахи. Трейган и его бабушка чуть впереди нас, но его бабушка выглядела странно. Она потеряла свой окрас. Все потеряли окрас, кроме меня и Трейгана.

— Тогда он был Зеленый. Единственный иной цвет в море голубого и серого. Я не мог понять, почему было так много серого. Когда я понял, моя мама стала тяжелой, словно камень. Я взглянул вниз, чтобы убедиться, что она в порядке, но ее глаза были каменными. Так же, как и остальное ее тело. Как и все остальные. Все эти тела. Каждый, кто пересекал линию горгон, превращался в камень, все, но не я и Трейган.

Я ждал, что Яра спросит, почему или как мы выжили, но она лишь смотрела на меня стеклянными глазами и вытирала слезы с моей щеки.

— Мне так жаль, — прошептала она.

Часть меня хотела объяснить ей все это. У нее было самое большое сердце из тех, кого я когда-либо встречал. Слишком человеческое для ее собственного блага, но слабость была бы ключом, чтобы убедить ее в том, что ей нужно было сделать. Что если бы она приняла свою судьбу, поняла жертву и открыла бы ворота? Я не мог ударить по ней всем сразу. Яра узнала кто и что она слишком скоро, и ей нужно было время, чтобы принять это.

— Я устал, Яра. Мне нужно отдохнуть.

Она свернулась напротив меня, несколько раз меняя свое положение. В моей душе перемешались воспоминания нашего мира и моей любви к Виенне. В моей постели лежала причина этого проклятья и ключ, который откроет ворота домой.

Яра была единственной, кто мог восстановить мою жизнь.

Неважно, как я устраивалась, сворачиваясь калачиком, рядом с Ровнаном, я все равно чувствовала себя неудобно, словно лежала на холодном, твердом, резиновом матрасе. В любом случае, он не очень хорошо пах. Смесью соленой воды, мятой и... пенни или чем еще, на что не могла положить свои пальцы.

Он о многом врал: что ему девятнадцать, и что его родители жили в Калифорнии. Но что действительно ее раздражало, хотя это и подтверждало, что у него должно быть сердце, так это то, что он никогда не говорил о Виенне. Уверена, это бы объяснило, почему он выглядит, как подросток в тридцать или около того — и то, что он был Селки — но все равно, он должен был рассказать мне. Его жена, возможно, была жива в другом мире, ожидая его. Почему он провел последние несколько недель, гоняясь за мной и рассказывая, сколько я значу для него?

— Роу, все это было игрой?

Ответом было долгое, глубокое дыхание.

Я села, разозленная, и смотрела на него сверху. Крепко спящего.

Он лгал, много, но по какой-то причине я по-прежнему беспокоилась за него. Ничего в нем больше не казалось привлекательным. У меня не было ни единого, и я имею в виду совсем никакого, желания целовать Ровнана или спать рядом с ним. У меня совсем не было желания спать, поэтому я встала и прошла внутрь дома.

Его место не могло в малой степени считаться домом. Никаких украшений, едва ли была мебель, застывший белый кафельный пол и высокие кухонные стойки — минималист был бы преуменьшенным.

Я направилась в кухню и открыла холодильник: три стеклянные бутылки томатного сока, рыбное филе и пресервы с сардинами. Гадость. Я взяла сок и начала искать кружку, но буфет был совсем пуст. Я сделала большой глоток прямо из бутылки.

От шока я все выплюнула. Точно не томатный сок.

Пальто Ровнана, мое платье и кухонная стойка были покрыты красной брызгами. Я ничего не могла найти, чтобы отчистить грязь, поэтому я использовала свою юбку, чтобы все стереть.

Я снова поднесла бутылку к губам и сделала глоток поменьше, так что смогла понять, что за сок это был. Закрыв глаза, я попыталась определить состав. Вместо того, чтобы почувствовать намек на фрукты и овощи, меня захлестнула волна счастья. Не понимая почему, я безудержно хихикала. После очередного глотка это случилось снова. Наверно это был какой-то удивительный алкогольный напиток, который мгновенно делал меня пьяно хихикающей. Глоток за глотком, я стояла в кухне Ровнана, истерически смеясь и держась за стойку, чтобы оставаться в вертикальном положении.

Когда бутылка опустела, я направилась обратно наружу, чтобы сказать Ровнану, что должно быть пьяно. В дверях я остановилась. К моему большому удивлению, шла я прямо и чувствовала себя отлично, лучше, чем была долгое время.

Ровнан не двигался. Одна рука по-прежнему была за головой, тогда как другая свисала с

матраса, держа потухшую морскую сигарету. Он выглядел таким невинным, когда спал под луной.

Я была там, когда умерла моя мама, но он наблюдал, как умирают десятки. И не могла представить, как это было ужасно. Весь этот народ боролся за свои жизни, крича под водой. Как он и Треган это пережили? Почему они не обратились в камень?

Глядя на луну, подумала, сколько же здесь еще этой потусторонней магии. Потом накрыла Ровнана пальто и ушла.

Поцелуй на прощание не шел у меня из головы, пока я гуляла по улице. Я никогда не покидала Ровнана без того, чтобы не поцеловать его, но мои убеждения и чувства быстро менялись. Я не знаю, стоит ли бороться с изменениями или принимать их.

На уличном фонаре, расправив надо мной свои крылья, устроилась белая цапля. Она испустила глубокий, гортанный стон и вытянула шею. На этой устрашающей, пустынной улице не было ни души, кроме меня и птицы.

Я несколько раз оглянулась, но не видела ничего, за исключением теней. Когда услышала сдавленный смех, раздающийся из переулка, то побежала к океану, чтобы скрыться от чего-то или от кого-то. Я чувствовала, что за мной следили.

Чувство преследования оставалось со мной до тех пор, пока я не настигла воды. Будучи одетой в платье, я нырнула. Не успели развеяться пузырьки воздуха, как передо мной появилась Коралина. Ну конечно. Наверно, это она следила за мной всю ночь.

Ее зеленые хвостики расплывались в разные стороны.

— Здравствуй, Яра.

— Привет.

— Мы потеряли слишком много времени, — сурово размышляла она. — Мы возвращаемся в Солис.

— Хорошо.

Она испуганно взглянула на меня. Возможно, ожидала, что я опять буду противиться, но мне хотелось вернуться. Я хотела знать ответы. Хотела понять, кто я. И сказать Трейгану, что сожалею о том, что с ним произошло...

Я и Коралина плыли рядом, пока до меня не дошло, что я способна видеть в темноте. Когда я была человеком, то много раз плавала в море ночью. В то время не могла ничего разглядеть даже на мелководье. Сейчас же все прекрасно вижу. Все стало немного темнее, а цвета имели неоновый оттенок, как в какой-нибудь аркадной игре. Но я была способна различить все в самом глухом месте даже без солнечного света.

Меня одолела усталость, и я поплыла медленнее. Коралина неслась впереди, но развернулась, когда я совсем остановилась.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Можем отдохнуть минуту?

Она огляделась:

— Не самое лучшее место для передышки. Здесь полным-полно хищников.

— Хищников?

Я внимательно всматривалась в окрестности, ожидая увидеть огромного кальмара.

— Я считала, что в воде мы в безопасности, потому что...

Черт. Почему я подумала об этом? Почему представила такой образ жизни?

— Потому что, что? — спросила она.

— Потому что я идиотка, и ничего не знаю о том, какво это, быть русалкой или чего мне нужно опасаться.

— Я бы с радостью это изменила, если бы ты оставалась на месте и позволила бы мне тебя обучать.

Соглашаясь, я кивнула. Я хотела задать ей несколько вопросов прямо сейчас, но она нарушила нашу связь, пристально смотря на что-то позади меня. Она поворачивала головой из стороны в сторону, от каждого движения ее хвостика плавно двигались рядом со щеками. Затем ее глаза встретились с моими, и ее обычная уверенность превратилась в тревогу.

— Яра, ты ранена?

— Ранена? Нет. Что случилось?

Она схватила меня за руку и потащила рядом, при этом плыли мы намного быстрее, чем раньше. Я хотела спросить, что случилось, но Коралина сосредоточено смотрела вперед. Почему она спросила меня, ранена ли я? Разве похоже, что у меня были травмы?

Боковым зрением видела, что рядом движется что-то большое. Я пыталась мельком уловить, что же это, но мы плыли слишком быстро. Но перед нами неясно вырисовывалась еще одна фигура. Коралина нырнула глубже, волоча меня за собой. На этот раз я поняла, что это было. И лучше бы я этого не видела.

От белого брюха акулы нас отделяли всего несколько дюймов. Я сглотнула, задыхаясь от ужаса.

Хищники. Кровь. Акулы. О, Боже.

Я начала изо всех сил двигать хвостом, пытаюсь помочь нам плыть быстрее. Коралина оглянулась. Я посмотрела, куда был устремлен ее взгляд. Другая акула плыла всего в нескольких ярдах от нас.

— Это не нормально, — кричала она мысленно. Даже с поглощаемым меня ужасом, я заметила, что ее кожа приняла лиловый оттенок. — Они не подкрадываются так, если только не чувствуют кровь.

— Что нам делать?

Ее глаза расширились. Из нее лился поток неразборчивой речи. Это было, как прослушивать кассетную запись на быстрой перемотке. Она резко вытянула меня наверх, и кончики моих плавников задела голову акулы. Она взмахнула хвостом, и ее зубы щелкнули передо мной.

Держа мою руку мертвой хваткой, Коралина другой рукой схватила меня за подбородок. Она настаивала, что мы должны бороться.

Что!

— Мы безумно сильные под водой. Ударь их по носу, по глазам и вокруг них. Так сильно, как только можешь. Уничтожь их рецепторы. Бей их снова и снова, а после продолжай отплывать. Ты узнаешь, когда они больше не смогут тебя обнаружить.

— Нет! Я не могу. Мне слишком страшно.

— Тебе придется, Яра.

Я выпучила глаза на огромную тупорылую акулу, подплывающую к ней сзади. Эти острые, как лезвие бритвы, зубы выглядели, как дробленый частокор. Коралина отпустила меня и повернулась к ним лицом. Я парализованно смотрела, как она занесла свои фиолетовые руки над головой и ударила изо всех сил перед собой.

Она перевернулась, будто собиралась покататься на спине акулы. Коралина продолжала

замахиваться, удар за ударом, в то время как акула атаквала в любом направлении. Как она так быстро двигалась? Я не могла это сделать. Я не могла бороться, как она. Мне было так страшно, что я не могла двигаться.

Что-то уперлось мне в спину, толкая меня вперед. Я повернулась лицом к громадному, пугающему глазу тигровой акулы. Думала, другие акулы были большими. Но ошибалась. Эта была гигантской.

Это так. Меня собирались заживо съесть акулы.

Коралина бросилась ко мне, так же как и ряды акульих зубов. Я замахнулась на тигровую, пронзив сбоку ее голову.

— Молодец! — подбодрила Коралина, когда наши глаза на пару секунд встретились. — Так держать!

Адреналин придал мне храбрости. Я завела руку назад и ударила ее снова, когда Коралина схватила морду тупорылой акулы.

Мои руки двигались очень быстро. Мне не верилось, что я смогу выстоять против акулы. Но получилось, я думала, что мой разрушающий кулак не остановится.

Я почувствовала разрывающую боль, и бледное красное облачко проплыло мимо меня.

— Нет. Пожалуйста, нет.

Тигровая поцарапала мне плечо. Я все так же замахивалась, но к нам подплывало больше акул. След крови, тянущийся за мной, вызывал ажиотаж.

Коралина опустилась вниз к рифу под нами. И вернулась с длинным куском коралла в руках. Она бросилась на ближайшую акулу, протыкая той бок. Кровь ворвалась в воду, будто из испортой раны. Она толкнула истекающую кровью тигровую на приближающуюся стаю акул.

— Теперь посмотрим, кто будет обедом, — подумала она, улыбаясь мне.

Мы повернулись, чтобы увидеть еще одну приближающуюся к нам акулу. Коралина замахнулась на нее, а я уплыла вверх. Акулы столкнулись друг с другом, щелкая зубами и махая хвостами, терзая раненного сородича.

Еще одна акула поплыла за Каролиной, но та была занята разборками с первой. Она не могла увидеть еще одну. Я пыталась подплыть к ней, но все произошло так быстро. Акула открыла пасть, обнажая зубы. Я громко закричала, пытаясь предупредить ее, но она повернулась не туда. Она повернулась посмотреть на меня.

Вода взорвалась красным вокруг нее. Стена из пузырей передо мной устремилась вверх.

Я увидела пятно знакомого синего.

Больше красного.

Затем все акулы исчезли.

И я тоже.

Первые две разлетелись на кусочки.

Сколько бы я ни практиковался, иногда я не могу контролировать горгонскую часть

меня. Как, например, сейчас, когда я увидел Коралину в пасти акулы. Так же это был один из немногих моментов моей жизни, когда я был благодарен, что живых существ можно превратить в камень. Остальные акулы за секунду статуями ушли на дно. В конце концов, я же не взорвал их всех.

Коралина была без сознания, но у нее прощупывался пульс. Я поднял ее хвост, сморщившись от увиденного. Плавников не было. Изорванный конец хвоста висел кровоточащими лохмотьями.

Я вздохнул, успокаиваясь. Мне нужно собраться, чтобы точно и аккуратно излечить раны при этом, не сделав хуже. Отличительный знак змеи перестал жечь мне спину. Мной овладело ледяное спокойствие.

«Волос, Трейган».

Сказал я себе. Тонкие, как волос. Я запечатывал каждую рану с кропотливой точностью, осторожно, стараясь не забить камнем слишком глубоко, шире или глубже чем требовалось, создавая каменные швы, чтобы Фиалки смогли позже их убрать. Кровь остановилась. По крайней мере, сейчас.

Панго и Меррик могут появиться здесь в любую минуту. Ее брат не должен видеть Коралину такой, но это неизбежно. Я уплывал, держа ее крепко, и ощущал медленное сердцебиение.

Взгляд Панго не встретился с моим. Это и не нужно. Когда он увидел Коралину, из него вырвался ужасающий крик, который услышали бы за несколько миль отсюда. Меррик и я даже не пытались останавливать его или уверять, что все будет хорошо. Мы не могли. Мы знали, насколько все плохо.

Панго аккуратно забрал сестру из моих рук. Его громкий, низкий плач эхом отзывался в воде. Покрытые шрамами ламантины окружили нас, сочувствуя боли Панго. Любое морское создание в пределах слышимости смогло бы понять печаль в его голосе. Здесь, внизу, это универсальный язык, более сильный, чем человеческие слова когда-либо могли бы быть.

Меррик оторвал взгляд от Панго и посмотрел на меня:

— Спасибо, Трейган. Мы явились слишком поздно. Мне жаль, что тебе пришлось использовать свой дар...

— Возможно, и я пришел на помощь слишком поздно, — прервал я. — Отправь ее к Андреа и Каспиану. Вперед!

Меррик взял лицо Панго в свои руки. И они исчезли в облаке пузырей, плывя к замку Парагона так быстро, как только могли.

Второй взрыв красного имел не правильный оттенок крови. Я определил как голубой, с бордовыми краями. Никси нырнула и утащила Яру, будто кошка птичку. Хоть Яра и была спасена от акул, но что с ней сделали бы сирены?

Я уплыл в другом направлении, к Гнезду Сибаритов, молясь за Никси, которая прибыла к Яре вовремя. И это все, что я мог делать, пока Яра не доберется до Отабии и Маризы.

Подъем к скалам сирен не доставлял мне хлопот. Хотя я бы предпочел сделать точный переход, чем позволить кому-то из них меня нести. Проблемой было то, что когда я достиг вершины скал, их гнездо было на верхушках деревьев, на которые невозможно было забраться.

— Никси! — крикнул я в темноту.

Надо мной, из искусно сделанного на дереве дома, отозвался хор стонов, дополняемый громким трепетанием крыльев. Отабия вылетела из окна и спустилась ко мне на землю.

— Трейганн, — протянула она, скользя черными ногтями по моей груди и вниз по спине, кружа возле меня. Она держала крылья расправленными, создавая стену из черного шелка, заслонившую лунный свет. Она была самой эффектной из сестер, но более рассудительной, как сирена.

— Добрый вечер, Отабия.

Она провела языком от основания моего позвоночника вверх к шее. Почему сирены интересовались мной, было загадкой. Я никогда не реагировал на них.

— Восхитительно. Твой знак змеи имеет вкус ярости и смерти.

Одним четким прыжком вверх, она встала передо мной. Ее иссиня-черные волосы обрамляли пронзительные глаза, в которых зрачок расширился и снова сократился.

— Ты изменила прическу, Отабия. Тебе идет.

Она облизала губы, в типичной для сирен манере.

— Ты недавно убил. Я чувствую. Кого ты убил, Трейган? Ты пропах этим, и это просто сводит меня с ума.

— Акул. Не так волнующе.

Я хотел спросить ее о Яре, но решил подождать. Разозлить сирену — никогда не было хорошей идеей, поэтому я позволил ей продолжить вести беседу. Разговор с сиреной о другой женщине — никогда хорошо не заканчивался.

— Акулы. Беее, — она высунула темный язык и замахала руками между нашими лицами. — Ты здесь, чтобы увидеть Никси?

Именно поэтому с Отабией было приятно работать. Она никогда не тянула время, чтобы приступить к делу. А так как являлась самой старшей из сестер, то не была столь исполненной желанием. Сирена флиртowała, и мы оба знали, чего она хотела, но она могла работать в разных направлениях.

— Я видел, как Никси плавала там, где атаковали акулы. Она не пострадала, верно?

Меня интересовала Яра, но я должен был создать впечатление, будто бы благополучие сирены волнует меня в первую очередь.

— Никси в порядке. Идем, — она обняла меня за талию. — Мы ждали тебя, — мы взлетели вверх к гнезду.

Отабия посадила меня у входа в их гостиную. Горящие факелы, расставленные в ветках деревьев, создавали в комнате почти романтическое настроение. Сирены имеют сходство с огнем, поэтому умеренное пламя означало, что в данный момент сестры спокойны.

В воздухе витал запах пива, желания и крови. Я мог только представить, чем обычно бывают заняты в их гнезде.

В углу, в позе эмбриона, лежал дрожащий человек. В волосах остались черные перья. Одно прилипло к его лбу над выпученными, напуганными глазами. Последний улов Отабии. Если сирены не убивают своих жертв, они стирают воспоминание об их встрече, прежде чем отпустить. Это извлечение человеческой души за последние часы было для сирен, как десерт после основной еды. Отабия еще не попробовала десерт, и человек смотрел на нас, будто мы явились из фильма ужасов.

Мариза и Никси лежали на вельветовых одеялах и подушках, которыми был покрыт пол. Яра без сознания была между ними. Никси перестала облизывать плечо Яры, когда я вошел. Но Мариза продолжала сосать рану, стараясь достать по возможности каждую каплю крови.

Хоть Никси и была моложе, она больше себя контролировала, чем ее старшая сестра. Мариза никогда не знала, когда остановиться.

Я хотел напрыгнуть и вырвать у них Яру, но это стало бы переломным моментом, и заставило бы Маризу хотеть большего. Это могло бы заставить ее желать их всех. Сирены хотят все, чего не могут иметь, а они умеют и любят драться.

— Риза, девушка высохла и без сознания. Перестань смотреть так безнадежно на нашу компанию, — приказала Отабия.

Мариза растянула губы цвета шоколада и ухмыльнулась:

— Добро пожаловать, Трей-Трей, — ее карие глаза потускнели, когда снова посмотрела на Яру. — Еще немного. Она божественна на вкус.

Никси толкнула Маризу назад в кучу подушек.

— Ты пьяна! Ты прикончила троих жителей острова во время урагана. Всех сама! Оставь немного для нас.

Отбившиеся коричневые перья плыли в воздухе, когда Мариза подползла ко мне. Она перевернулась на спину, позволяя своим волнистым волосам покрыть мои ноги.

— Как я могла отказаться? — простонала она. — Те люди распевали свои песни мне в лицо. Качались туда-сюда, вели себя как придурки, пока жидкость заполняла их вены. Глубоко в них сидящий страхи, один за другим выливались из них, заставляя умолять, чтобы их съели.

— Ты убила их, Риза, — ругалась Отабия. — Высосала жизнь из них. Ты не умеешь себя контролировать.

Когда я был ребенком, моя бабушка говорила: «Б — значит брюнетки и боль. Держись подальше от брюнеток.»

Человек в углу плакал, когда смотрел на Маризу — наиболее опасную из сестер — протирающую щекой мои ступни.

— Часть меня понимала, я должна остановиться, но я не могла, — убеждала Мариза. — Они были такими вкусными. Такой ужас в их душах. Вы бы не поверили, они делали ужасные вещи за свои короткие жизни, некоторые преступления были совершены сообща. Я никогда не пробовала чего-то настолько темного и богатого, смешивать это вместе так преступно. Я должна была осушать их медленнее. Растягивая это.

— Отстань от Трейгана, — приказала Никси.

Зависть в голосе Никси, заставила светиться глаза Маризы. Факелы по комнате в ответ стали светить ярче. Мариза толкнула меня, и я упал на пол перед ней.

— Трей-Трей, ты должен ответить на колкость моей рыжеволосой сестры, чтобы спасти нежное создание. Позволь Никси быть с тобой. Обещаю, тебе понравится.

Избавиться от захвата сирены было почти невозможно, и я выбрал другую тактику. Погладив сирену по волосам, я ласково ответил:

— Мы оба знаем, насколько опасно это будет, если Никси свяжется со мной.

Мариза отлетела назад, взъерошив свои волосы.

— Жалкие отговорки, русал! Ты никогда не жил! Разве ты не хочешь поглотить кого-то?

Ее крылья хлопали, создавая тени, растянувшиеся до краев комнаты. Крича громче, человек сильнее прижался к стене. Мариза яростно дернула — верный признак перевозбуждения.

— Возьми его, Никси! Мы с Отабией будем держать его!

Никси поднялась в воздух. Ее крылья шелестели, когда она присела передо мной,

столкнувшись с сестрой.

— Капризная дура! Он мог убить нас всех!

— Нет, не мог! — завопила Мариза, бросаясь к Никси, чтобы добраться до меня.

Крылья Никси раскрылись, окутываясь вокруг меня сзади для защиты. Она оттолкнула Маризу.

— Он может! Ты забыла, кто может превратить в камень кого угодно здесь? Может, мы не страдаем от его крови, но его взгляд все еще может превратить нас в камень! Когда он разозлен, разве оно того стоит? Тебе бы понравилось быть статуей, оставшуюся вечность?

Ее слова задели. Я не мог забыть или изменить то, кем я был, но если услышать это от кого-то так громко, то всегда становится стыдно.

— Он тверд в решении не использовать знак змеи, — прошипела Мариза. — Он себя контролирует.

Отабия взвизгнула позади меня, за коконом из крыльев Никси:

— Он использовал свою силу несколько минут назад, чтобы убить многочисленных акул. Окаменели как минимум пять, я видела. Его душа борется с ним самим. Часть него с удовольствием продолжила бы убивать все подряд.

— Ты хочешь его сейчас завести? — Никси щелкнула языком несколько раз. Ее крылья приняли прежнее положение. А факелы снова загорели медленно и спокойно.

Когти Отабии вцепились в мою шею, когда она шептала мне на ухо:

— Забирай русалку и покинь наше гнездо. Я не хочу смотреть, как сорятся мои сестры. И пока ты не сможешь себя контролировать, я тебе не верю.

Без колебаний, я встал рядом с Никси и взял Яру на руки. Ее веки чуть затрепетали. Рана не выглядела так плохо, как я думал. Фиалки в состоянии ее вылечить. Коралин, с другой стороны...

Я гнал прочь тревожные мысли. Отабия взяла меня под локоть и проводила с Ярой за окно. Пока мы летели прочь от этого гнезда, сквозь ночное небо, эхом отдавались песни сирены Маризы, сопровождающиеся охваченным ужасом криком человека. Из-за этого по моему телу прошла дрожь, и я прижал Яру крепче. Ее тепло могло бы растопить даже самую холодную из душ.

Даже когда мы упали в океан, и Трейган поплыл, я ожидала, что открою глаза и увижу Отабию, наблюдавшую за нами с неба. Никси, должно быть, могла смотреть сквозь воду, когда ныряла, чтобы спасти меня. Поэтому ее сестры тоже могли иметь такую способность.

Осознание того, что тебя несут на руках, как беспомощного ребенка, обычно раздражало. Но сейчас я знала, насколько сильными были руки Трейгана. Он крепко держал меня, в то время как его тело выгибалось вверх-вниз, снова и снова, продвигая нас вперед. Мою кожу покалывало каждый раз, когда касалось его. Должно быть, это особенность русалок.

Когда открыла глаза, я дотянулась и коснулась его плеча.

— Ты в безопасности, — уверил он меня. — На тебя напали акулы, но мы уже на пути к твоему исцелению.

— Сначала о главном. Где Коралина? С ней все хорошо?

— Она у Фиалок. Она немного пострадала.

— Нет! Она боролась. Она...

Мне становилось плохо. Я вспомнила взгляд Коралины после того, как крикнула ей. И следующим моментом было качающееся темное небо.

— Красная сирена, Никси, сказала, что Коралина в порядке. Я уговаривала ее вернуться за ней, но она пообещала, что с ней все будет хорошо.

— Слова сирены ничего не значат. Погоди, ты говорила с Никси?

— Она спасла меня от акул. И сказала, где забрала меня. Еще сказала, что я была без сознания. Не важно, что я слышала, я не открывала глаз и старалась не пугаться. Она милая, в своей странности.

Его ноздри раздулись:

— Думаешь, она была милой, когда высасывала кровь из твоих ран?

— Она предупредила меня об этом до того, как забрать в дом на дереве. Никси хотела, чтобы ее сестры думали, что я без сознания. Она сказала, сконцентрироваться на боли ран и стараться игнорировать все остальное, это было не трудно. Казалось, мои плечи пропускали через мясорубку.

— Я не знала, что беспокоило больше, две женщины-полуптицы, которые облизывают и обсасывают мои плечи, или ужасные, подобные животным, крики человека. Дом на дереве — или гнездо, или чем бы то ни было — было домом ужасов.

— Она не имела права тебя забирать, — сказал Трейган. — Это было небезопасно. Не доверяй сиренам. Не доверяй никому, кроме русалок.

— Даже горгонам?

Его мышцы напряглись рядом с моей кожей, но лицо не изменилось.

— Особенно горгонам.

— Но ты отчасти горгона, так?

Он отвел глаза от моих, и смотрел строго прямо. Общение под водой имело свои недостатки. Нет контакта глаз — не разговоров.

Я старалась пошевелиться в его руках, но плечо прошила боль. Сильный удар все еще отдавался тупой нездоровой болью. Трейган не отпускал меня. Если что, держал только крепче. В глубине души я была рада перестать сопротивляться. Казалось, на меня навалилось все сразу: неразбериха новой жизни, ложь Ровнана, страх и адреналин при нападении акул, волнующий опыт общения с сиренами и шок от новости, что Трейган может превращать людей в камень.

На что он еще способен? Если он отчасти горгона, это значит, ему никогда нельзя верить. Но так же отчасти русалка, а русалки не могут врать, так я могу верить Трейгану или нет?

Он снова посмотрел на меня:

— Можно кое-что спросить?

— Конечно.

— Ты влюблена в Ровнана?

— Я задавала себе тот же вопрос. Нет. Он соврал мне. Как я могу быть в него влюблена, если не могу ему верить? Я не уверена, что знаю, что значит любить, но почти уверена,

большую роль в этом играет доверие.

Трейган прищурился:

— Я не родился романтиком, но, говоря о значимости доверия, я с тобой согласен.

Наша скорость росла, а я так устала держать голову против потока воды. Поэтому неохотно положила ее на грудь Трейгана и закрыла глаза, стараясь не обращать внимания, что ему так удобно.

Всплыв на поверхность, я увидела граничащие с Солисом скалы. Трейган отпустил меня, и я поплыла рядом с ним. Его ноги преобразились напротив моего хвоста. Его ноги?

— Что за...?

Я пыталась увидеть сквозь воду, но знаки на его груди были последней видимой частью.

— У тебя сейчас есть ноги?

— Да.

Сказал он беспечно.

— Как это возможно?

— В отличие от сказок, мы можем контролировать, что нам иметь, ноги или хвост.

— Нет. В доме Коралины я пыталась сохранить хвост вне воды, но он тут же превращался.

— Ты еще не умеешь управлять своими способностями. Это придет, со временем.

— Серьезно? — У меня не было проблем с возвращением в Эденс Хаммок и человеческой жизнью. Я даже плавать могла с ногами.

— Я говорил тебе, мы удивительные создания. Хотела бы ты иметь помощника на суше?

— Эм...

Я посмотрела на возвышающиеся скалы. Не было пути, по которому можно было бы преодолеть их. Я вздрогнула, только подумав об этом.

— Думаю, мне нужен помощник.

Путь будет нелегким.

— С удовольствием.

Он взял мою неповрежденную руку. Резким движением его свободной руки вода выступила под нами и подняла нас в воздух. Вспененные волны звучали как сотни раскаляющихся, будто закаленные, лотков с ледяными кубиками, формируясь в полупрозрачный мост, который протянулся перед нами, соединяясь с землей.

— Вау!

Воскликнула я, смотря вниз в страхе, пока мы шли по нему.

— Он как мокрое стекло.

Как только мы оказались на твердой поверхности, он опустил руку. Мост легко исчез и упал со всплеском в океан. Я стояла на краю скал и в изумлении смотрела вниз.

— Ты же научишь меня, как это делать, верно?

Его уголки губ дернулись, будто он хотел улыбнуться:

— Если будешь хорошо себя вести, то, да, я научу тебя.

— Идет.

Я выжимала воду с моего платья и старалась не пялиться на его точеное тело. Мне было любопытно увидеть, покрывают ли знаки его тело целиком, но я не могла поднять взгляд от моих ног. Он, должно быть, заметил мое смущение.

— Прости, что нет одежды. Мы можем направиться к соседнему потоку. Как только мы окажемся в воде...

— Трейган, все в порядке.

Он опустил глаза, и его взгляд задержался на глубоком вырезе моего платья. Я отступила назад и скрестила руки на груди.

— На что именно ты уставился?

— Твои эмоции.

— Что?

— Я пытаюсь разобраться, что значит оранжевый.

Посмотрев вниз, я ахнула:

— Почему моя кожа оранжевая?

— Твои черты русалки развиваются. Наша кожа меняет цвет, если мы испытываем сильные эмоции.

— О, замечательно. Мы реально как кольца настроений. Кожа Коралины стала сиреневой, когда боролась с акулами. Сиреневый значит страх?

— Ну, и?

Спросил Трейган.

— Что и?

— Ты расскажешь, что значит оранжевый цвет?

— Ты не знаешь, что он значит?

— Значение цветов у всех разное. Как ты себя чувствовала, когда стала оранжевой?

Я хотела сказать обиженно или оскорбленно, но я не могла. Это было похоже на смущение, но в то же время льстило и волновало, будто моя кожа болела, когда я рядом с Трейганом. Каждый раз, когда он касался меня, казалось, миллионы стрекоз порхают по моей коже. Если бы он это знал, то я чувствовала бы себя униженной.

— Воспользуюсь пятой поправкой.

— Что?

— У меня есть право хранить молчание. Мой выбор — не отвечать.

Я смотрела на залитые лунным светом горы вокруг нас, стараясь думать, о чем угодно, кроме пылающих ощущений внутри меня, вызываемых Трейганом.

Тишина была недолгой.

— Мы должны доставить тебя в бассейн, — сказал он, — я отправлю за Фиалками, чтобы они исцелили твое плечо. В это время у Коралины в доме будут все нужные запасы для лечения.

Как я могла быть такой эгоисткой? На Коралину напали акулы! Мысли о Трейгане должны быть последними в моей голове. Я снова повернулась к нему лицом.

— Как сильно она ранена?

— Достаточно. Она могла потерять слишком много крови. Они полностью съели ее плавники.

Меня стошнило. Вода была чистой, но я нагибалась, снова создавая ужасные, унижительные звуки.

Трейган убрал мои волосы назад и держал их подальше от моего лица. Живот еще немного скручивало, но ничего больше не выходило. Я встала, думая о том, что это я должна была быть на месте Коралины.

— Отвратительно. Извини, — пробормотала я, сгорая со стыда.

Насмешливый наклон его головы в сочетании с отблеском лунного света в глазах придавали ему почти обеспокоенный вид. Между отличительных знаков его и без того сверкающая кожа засияла. Размышления о смысле серебристого оттенка могли быть причиной таких сильных ударов моего сердца о ребра. Я посмотрела на звездное небо и снова выжала воду из платья. Видимо, это особенность русалок. Трейган не должен привлекать меня.

— У тебя кровь.

Он подошел ближе и рассмотрел мое плечо.

— Давай разберемся с этим. Течение к деревне здесь за поворотом.

Вид крови вызывал у меня рвоту, поэтому не смотрела, но чувствовала тепло стекающее по руке. Мы шли рядом, бок о бок, пока он вел нас по пути.

— Очень плохо, что рядом нет сирен, — пошутила я, — они помогли бы убрать это с моей руки.

— Не позволяй им снова пить из тебя. Если они когда-либо попытаются заставить тебя пить кровь, отказывайся. И не важно, что они скажут или пообещают.

— Фу. Я бы никогда не пила кровь. Это отвратительно.

— Рад слышать такой настрой. Теперь ты видела все с первого ряда, также ты могла знать, что селки тоже кровососы.

Начинающийся смех сорвался с моих губ. Он, конечно же, шутит. Но потом я замерла. Мои ноги онемели, и я остановилась, вспомнив странный сок в доме Ровнана. Нет. Этого не может быть. Я бы поняла, если бы пила кровь.

События ночи замелькали перед глазами, одно за другим: красная жидкость, проливаю ее на себя, вытираю стол моим платьем, Коралина спрашивает, не истекаю ли я кровью, взбешенные акулы, и мой последний взгляд на широко распахнутые зеленые глаза Коралины.

— Господи, Коралина, -

выпала я, схватившись за живот. Трейган ушел вперед, но позже развернулся и вернулся ко мне. — Я никогда себя не прощу.

Его голос смягчился:

— Это не твоя вина.

Он мог сказать так потому, что сам пока не знает. Но я была виновата. Я не должна была отправляться на поиски Ровнана. Я должна была остаться и дать Коралине научить меня всему, что должна знать. Она была бы сейчас в безопасности. Я бы никогда не пила... Живот сводило только от мысли об этом. Целый контейнер. Почти галлон этого.

— Трейган.

Я с опаской взглянула на свою рану. Кровь не вызывала тошноту. Должна была, но нет. Увлажнившийся рот, подтвердил мой страх. Я с трудом сглотнула.

— Что бы произошло, если бы я выпила кровь?

Посмотрев ему в лицо, вы бы подумали, что я разбила ему сердце.

ДЕНЬ 4

Утро позволило взглянуть на вещи по-другому. Я пялился на пустую бутылку, сидя на раковине. Это должно что-то значить, но что? Русалки не пили кровь. Они отвергали это.

Я обыскал мусорку, надеясь увидеть любой знак, что она просто вылила кровь и все вычистила. Я ничего не нашел. Она выпила кровь. Много крови селки.

Этого не было ни в одной книге правил. Это шло вразрез с привычным порядком вещей. Что если инстинкт жить, как мы — быть одним из нас — находится глубже, чем мы думали? — Это могло бы изменить все, — сказал я, хлопнув руками у мусорки.

Что бы сделал Трейган, если бы узнал, что его дорогая русалочка стала пить кровь? Я схватил свою куртку, ключи от байка и вылетел на улицу. Этой горячей новостью надо скорее поделиться.

Бар Джек Фрост еще не был открыт, так что я своими ключами отпер заднюю дверь.

— Джек? — крикнул я. Ответа не было.

Джек был для меня, как отец, но я не мог предугадать его поведение. Если он в воде, то я догадываюсь, где смогу его найти. Если он в облике человека, то мог быть в постели с женщиной, где угодно в Кейс.

Я спустился вниз по скрытому коридору и открыл дверь в морозильник. Скрежет стали об пол и запах мокрой шерсти, разбудили воспоминания о человеке, который здесь умер.

Однажды, год назад, наше скрытое место нашел человек, посетитель. Если бы люди узнали, что мы селки, и, что мы иногда прячем нашу кожу здесь, в морозильнике бара, они, вероятно, ее украли бы. Без нашей тюленьей кожи мы не могли вернуться в океан, тем более в Ратте. Мы должны были удостовериться, что сирена лишила нарушителя каждого воспоминания о баре. Проблема в том, что мы попросили об этом Маризу.

После его смерти мы убедились, что туман в морозильнике был непробиваемым. Ни один человек с тех пор и близко не подходил к этой комнате. Независимо от того, что русалки думают о селки, нам не нравится смотреть на бессмысленные смерти.

Черная тюленья шкура Джека висела на своем месте. Он находился где-то на суше, но времени искать его не было. Мне необходимо вернуться к работе в подземелье.

Я услышал звук приближающихся шагов, и мои когти появились рефлексивно.

Дина вошла в морозильник и посмеялась надо мной:

— Тише, убийца. Это просто я.

— Она пила нашу кровь, — выпалил я, желая хоть кому-нибудь рассказать.

Она повесила ее мокрое пальто на специальный крючок.

— Кто?

— Яра.

Дина осмотрела все, так быстро вертя головой, что капли воды с ее мокрых волос, попадали на мое лицо.

— Законно?

Я наклонил голову.

— Что это значит?

— Я не знаю. Поэтому мне надо поговорить с Джеком.

Она вытащила сигарету из-под браслета, постучав ею по ладони.

— Ей понравилось?

— Должно быть, да. Она выпила целую бутылку.

На ее губах появилась ухмылка. Дина была бы удивлена так же как и я. Значит ли это, что Яра выбрала нашу сторону? Быть на нашей стороне?

— Джек предполагал, что это случится, — сказала она. — Гены имеют большое значение. Ты должен сказать ей правду о ее отце. Представь, как сильно это бы нам помогло.

Много раз я хотел сказать Яре, что ее отец был один из нас, но, если ее собственные родители держали это в секрете, какое право я имею рассказывать ей? Вирон сделал все очень аккуратно, так что ни один из нас не мог рассказать ей что-то о селки.

— Только до ее восемнадцатилетия.

— Такое условие было идеей ее матери. Если бы Вирон следовал ему, Яра никогда бы не узнала о нас.

— Чертов Вирон! Он нарушил свое обещание. Ему было дело до запечатанных горгонами ворот? Нет! Он бросил нас. Скажи его дочери-полукровке, кто она на самом деле. Может у нее есть проблемы с отцом, и она прибежит к нам.

Дина надулась и продолжила детским голоском:

— Надеюсь, мы сможем дать любовь и понимание, которых она была лишена в детстве.

— Дина, хватит. Девочка достаточно пережила.

Она покачивалась на каблуках, рассматривая окружавшие нас шкуры тюленей и замороженные товары.

— Разве это важно? — спросила она задумчиво. — Конечно, русалки расскажут ей, что нужно сделать, чтобы открыть ворота — их версию и нашу. Даже если она предпочтет наш способ существования, она не отдала бы свою жизнь за нас.

— Возможно, не только за нас, — сказал Джек, удивив меня.

Он вошел так тихо, что я не услышал, как тот оказался рядом.

— У нее будет трудное время выбора одного из видов этого мира для вечности. Много жизней будет загублено.

У Джека был способ найти решение к каждой проблеме. Его случайный наклон к дверному проему, позволил мне расслабиться.

— Ты знаешь, верно? — спросил я. Он улыбнулся, сверкая щелью между зубов. — Где ты уже слышал об этом?

— Столкнулся с Никси. Знаешь, как ей нравятся сплетни.

— Откуда она узнала? — спросила Дина.

Джек бросил сигарету на пол и раздавил своим ботинком:

— Какая разница? Это правда, верно? Яра пила из тебя?

— Нет. Она пила донорскую, в контейнере, из моего холодильника.

— Ей понравилось?

— Не знаю. Я спал. Наверно она не знала, что это было.

Дина посмеялась:

— Если она выпила целую бутылку, то должно быть ей понравилось. Мы поймали ее, парни. Она хорошо подсела.

Джек покачал головой. Я знал, о чем он думал, прежде чем сказать это.

— Ей нужно выпить из тебя, Ровнан. Прямо из раны. Тогда она привыкнет.

Джек знал, что я отказывался пить прямо из кого-то или наоборот. Все знают.

— Это расстроило бы Виенну, если бы я поделился собой с кем-то еще.

— Ты единственный, кого она когда-либо могла бы рассматривать, как донора для себя.

Если ты этого не сделаешь, то, возможно, больше никогда не увидишь Виенну. Яре нужно сблизиться с тобой. Реально сблизиться. Это наш единственный верный ход.

Дина выразила волнение, которое я не хотел озвучивать:

— Джек, если она выпьет из него, она распробует и его горгонскую кровь. Посмотри, что это сделало с Виенной. Что если это навредит нам?

Мы с Джеком посмотрели друг на друга, но по разным причинам. Я проклинал за то, что он хотел меня заставить сделать это. Он хотел ударить меня по голове, за то, что я такой ранимый. Будто я высказался о том, кем или чем был мой отец.

— Почему у тебя нет силы Трейгана? — проворчал Джек.

После этих слов я покинул комнату. От горгоны я унаследовал способность следить за другими горгонами, в их местоположении, смотреть за ними, и иногда видеть через их глаза. Когда Виенна в первый раз пила мою кровь, она открыла в себе такую же способность. Мы общались, всегда могли найти друг друга, пока ворота не закрылись.

— Ты должен это сделать, — сказал Джек позади меня.

Я шел дальше, хотя он был прав. Скоро Яра снова захочет крови, и, когда это время придет, она будет пить мою.

Просидев за этим несколько часов, мы с Ярой были утомлены изучением, но она хотела знать больше.

— Хорошо.

Яра посмотрела на меня поверх книги по истории.

— Правильно ли я поняла, Медуза превратилась в горгону из-за того, что крутила пашни с Посейдоном в храме Афины. Ее выслали, как и ее сестер Стено и Юриэль, жить в холодном, темном гроте. Все они могли превращать в камень.

— Верно

— Посейдон не поддавался превращению, потому что был богом, и он продолжал встречаться с Медузой — хоть она и была ужасным монстром.

Я кивнул:

— Для него она оставалась красивой. Полагаю, он был ослеплен любовью.

Яра с недоверием покачала головой. Кончики ее пальцев скользнули по странице.

— Хорошо, и тогда он создал сирен для каждой из горгон; женщин-полуптиц, которые могли плавать в воде или прилетать в рай, чтобы найти Посейдона или передавать письма сестрам. Но сирены ненавидели грот, поэтому почти никогда не возвращались.

Она перевернула несколько страниц назад, потом вперед, просматривая увиденное, читая некоторые из них несколько раз.

— Потом у Посейдона с Медузой были дети, а Стено и Юриэль завидовали, потому что тоже хотели иметь детей, но не могли, из-за способности превращать, верно?

— Да. К тому же, какой человек отправится в грот ради секса с ужасным монстром?

Яра покраснела и убрала волосы за уши.

— Поэтому Медуза попросила Посейдона создать Селки. Так у нее и ее сестер появились созданные дети, которым нравились холод, тьма и они могли оставаться в гроте.

Я сел обратно в кресло, впечатленный тем, как много она поняла за такое короткое время.

— Не дожидаясь момента, когда грот не сможет вместить всех, Посейдон создал океан, чтобы укрыть их.

Яра снова прошлась по страницам:

— Но сестрам стало скучно с темными Селки, и они попросили создать детей, которым нравилось играть и петь. Посейдон создал русалок, после рыб и дельфинов. Но им нужен был солнечный свет и тепло, и поэтому он создал абсолютно другой мир для них?

— Не совсем. Мы все живем в Рате. Думай о наших отдельных половинах, как о разных странах. Грот находится по середине, прямо на границе светлой и темной территорий.

— А Медуза единственная, кто просила Селки и русалок, чтобы была возможность путешествовать в мир людей и исследовать землю?

— Да, потому что оригинальные морские создания стали скучными и беспокойными. И сестры создали их такими, что они должны были постоянно возвращаться в Рате, иначе умрут. Они не хотели, чтобы те исчезали надолго, как сирены.

Яра снова посмотрела в книгу:

— Это поэтому у горгон были всевидящие зеркала в гроте? Так они могли наблюдать за их детьми, где бы они ни были?

— Ты быстро учишься.

— Кто сильнее, сестры-горгоны или Посейдон?

— Хм, ну, Посейдон довольно много дал Медузе и ее сестрам, чего бы они ни хотели. Это включает в себя возможность создавать правила, наделять способностями и контролировать ворота между мирами. Когда Медуза была убита Персеем, оставшиеся сестры лишились большей части их силы.

Глаза Яры расширились:

— Стено и Юриэль уже нет в живых, так?

— Именно. Медуза была единственной смертной из них трех.

Она изучала рисунки горгон на странице перед ней; их головы с кучей змей, когти на руках, огромные клыки, хвосты, как у змей, и всполохи огня и льда в глазах. Легкая дрожь прошла по коже, и она схватила книгу, помещая ее обратно в футляр.

— Почему каждая книга хранится в стекле? — спросила она.

— Они водонепроницаемые, мы можем взять их под воду, и они заколдованы так, что, если бы человек их нашел, они бы оказались кусками бесполезного бетона.

Один кивок. Спустя несколько последних часов с Ярой, я научился понимать: четкий кивок означает, что она принимает правду, сохраняет ее в памяти, больше не сомневаясь в

моих словах — явный прогресс.

Она оттолкнула от себя книгу и тарелку с едой и обхватила руками голову:

— Плечо выглядит намного лучше.

— Фиалки удивительные лекари.

Одна из Фиалок, Принн, ждала нас дома, когда мы приплыли. Она сразу занялась плечом Яры и подтвердила, что рана не тяжелая.

Яра потрогала повязку на руке:

— Я до сих пор не понимаю необходимости пить кровь.

Объяснение привычки сирен и Селки пить кровь было пугающим, но Яра, казалось, испытывала к этому искреннее отвращение и согласилась бороться с будущей жаждой. Я винил себя, что она пила кровь. Я должен был сразу ее предупредить. В будущем моей работой будет убедиться, что никаких Селки — особенно Ровнана — не будет рядом с ней.

Я придвинул к себе книгу, пролистав страницы.

— Здесь, — я развернул и подтолкнул ее к ней, — левая страница, второй абзац.

Яра читала громко в голос, и это звучало как музыка арфы.

— Сестры-горгоны очень хотели вернуться в мир людей. Но проклятие приговорило их к одиночеству. Поэтому все трое объединились и разработали план.

— Сирен созвали и предложили обольстительную красоту и силу контролировать погоду взамен на их согласие. Сирены соблазняли бы смертных, забирая их тело и душу, включая жизненную силу, высасываемую через вены. Потом они возвращались бы к сестрам-горгонам и отдавали бы кровь Стено и Юриэль, дабы те насытились. Таким образом, они переживали схватку как свою собственную.

Через какое-то время Селки стали завидовать такой системе. Они попросили горгон делиться украденной кровью. Медуза отказала. В утешение она дала селки способность делиться их душами, позволяя другим пить прямо с их вен.

Кровопрлитие настоящих Селки было ужасающим несколько месяцев. Многие погибли, поскольку не могли себя контролировать и осушали друг друга лишая жизни. Однажды Селки взяли эту привычку под контроль и хвастались этой потрясающей способностью.

— Русалкам это не понравилось. Они думали, что с Селки они в равной степени имеют право наслаждения. Русалки отправились к Медузе и попросили такую же способность. Медуза все еще огорченная потерей стольких Селки, отказалась терять кого-то из ее русалок таким беспечным способом. Поэтому она с сестрами вызвала другую способность.

Яра потеряла ладонью шею из стороны в сторону и помассировала виски. Что бы она подумала о следующей части нашей истории?

— Не кровь будет необходимой для русалок, чтобы делиться собой. Медуза и ее сестры возмущались, что не могут пристально смотреть в глаза другим с сильными эмоциями. Они выбрали взгляд, как способ, которым русалки смогут делиться своей душой друг с другом.

Яра подняла взгляд со страницы и поймала мой взгляд, но я не мог отвернуться.

— Довольно грубо, — пробормотала она. — Сирены истекающие кровью, и люди ее пьющие.

— Не люди, а горгоны, — поправил я. — А истекающие, это птицы. Это часть их природы.

— Все равно. Грубо.

— Согласен.

За окном цапля расправила свои огромные крылья, будто защищаясь. Мы с Ярой повернулись это увидеть.

— Не хочу обидеть, — сказала Яра, — но этот дом навевает скуку без Коралин. Мы можем прерваться? Мне очень хочется назад в воду и к солнечному свету.

Это был хороший знак. Она должна стремиться к солнечному свету и воде, хотя меня и сбило с толку, что Яре не было любопытно о способности делиться нашими душами друг с другом.

— Конечно, но только плыви на поверхности. Не уходи глубоко в воду. Твое плечо должно исцелиться.

Мы в тишине дошли до потока и вошли в него.

Яра посмотрела на дома вокруг нас.

— Здесь, на острове, живут только русалки?

— Здесь дом для нас всех. Солис защищен от обнаружения людьми.

— Коралин мне это говорила. Я не знала, живут ли здесь русалки, или некоторые из них. Я почти никогда никого не вижу.

Она больше не называла нас уродцами, наконец-то.

— К сожалению, здесь нас не много. Сто двенадцать здесь, в этом мире. Вместе с тобой — сто тринадцать. Большинство проводят дни недалеко отсюда. Им нравится изучать или общаться с людьми, а здесь всегда безопасно, когда бы они ни вернулись.

— А сколько, ну, не сделали этого? Сколько из них в подземелье?

На ее груди появились красные пятна. Ее красный, должно быть, означает печаль.

— Тридцать один, — ответил я мрачно.

Ее глаза расширились, и по плечам пронеслись пунцовые завитки.

— Мне жаль.

Сколько Ровнан говорил ей? Яра извинялась, потому что она не знала, что еще можно сказать или знала о несдержанных обещаниях родителей и винит себя?

— Действия других иногда влияют на нашу судьбу. Никто тебя не винит.

Она выглядела абсолютно сбитой с толку.

Значит, Ровнан не рассказал ее, что это она причина, по которой закрыли ворота. Хорошо. По-моему, она должна услышать это от одного из нас.

— Трейган, в ночь, когда ты спас меня, что ты со мной сделал? Почему я не помнила тебя все эти годы?

Как я ей это объясню? Мы наконец-то чего-то добились. Я не хочу напугать ее рассказами, что часть меня так ужасна, как она изначально и подозревала. Последнее что нам было нужно, это ее возвращение к Селки. Если Ровнан предложит ей выпить из него, она не сможет сопротивляться, и тогда у него появится преимущество. У Джека будет необъяснимая управляющая сила над его видом. То, что она вообще пила кровь, уже было достаточно плохо. Ее наиболее сильная связь с Селки, хороший шанс для Джека контролировать и ее действия.

— Это сложно.

— Вся моя жизнь была сложной. Так что я справлюсь.

— Это исключительный уровень сложности.

— Это потому, что ты наполовину горгона?

Мои люди никогда не поднимали эту тему. Они знали, что я ненавижу эту часть меня. Многие из моего вида боялись моей горгонской стороны и поэтому держались подальше. Почему Яра так не делала?

— Если ты не скажешь, я поплыву обратно к Эденс Хаммок и спрошу моего дядю.

Ее дядя. Они ведь даже не родственники.

— Вы с Ллойдом, видимо, очень близки.

— Он был для меня как отец. Мой отец умер, когда мне было четыре. И мы с мамой приехали в Эденс Хаммок, и Ллойд вроде как присматривал за нами. Я помню, как встретила с ним в первый раз. Ну, я так думаю, что это был первый раз, — она щелкнула по воде пальцами. — Думаю, ты не хочешь слышать о моем детстве.

— Нет, хочу.

На ее лице появилась кислая мина:

— Не ври.

— Для меня люди делятся чувствами поверхностно. Много говорят и очень мало слушают.

Ударив по воде, она плеснула ее мне в лицо.

— Хорошо, я поняла. Я не буду рассказывать мои убогие истории.

— Ты не даешь мне закончить. О таком неумении слушать я и говорил.

— Извини. Продолжай.

— Способ делиться у русалок более глубокий, нежели разговор — он более интимный, — если она сблизится с одним из нас, то это уже будет весомой причиной быть на нашей стороне, но ее первый раз должен быть с Коралиной. Не со мной. Я сдал назад. — Но я никогда не попрошу тебя делиться со мной таким способом.

— Более интимный?

— Взгляд русалок. Ты читала об этом. Делиться душой.

— Погоди, что? — она наклонила голову в сторону, напомнив мне этим бывшего когда-то у Ллойда золотого ретривера.

— Если захочешь, ты можешь поделиться частичками жизни с другими русалками. Ты берешь их из своей души, и они переживают эти воспоминания, как ты.

— Ты шутишь.

— Ты только что об этом читала. Думаешь, наши книги по истории были шуткой?

— Я думала, здесь подразумевалось общение под водой. Контакт глаз как часть разговора.

— Нет. Делиться песнями — воспоминаниями — это сильно отличается от этого.

— Ты говорил, что можешь пережить одно из моих воспоминаний как я? Увидеть мое детство без моих рассказов о нем?

— Не проговаривая их для меня. Да. Этим поделится со мной твоя душа.

Она откинула голову назад, будто ее ударили.

— Это невероятно.

— Это наш способ поделиться собой, — предупреждения Фиалок ничего не делать без их разрешения, кружили около моей совести. — Но это очень личное. Нам с тобой не следует этим заниматься.

Она схватила мою руку и потянула нас обоих ближе к потоку.

— О, нет, я должна это попробовать, так я смогу понять, говоришь ли ты правду.

— Сколько раз мне нужно тебе это объяснять? Мы не можем врать.

— Прости. Я забыла.

Наши тела были слишком близко. Из-за легких потоков воды ее волосы и хвост несколько раз коснулись меня. Вернулось чувство пузырьков под кожей.

— Покажи, как это работает, — попросила она.

— Ты концентрируешься на воспоминании, которым хочешь поделиться, и...

— Нет. Давай сначала ты со мной поделишься.

В голове будто сработала сигнализация. Нельзя! Не до восемнадцати!

— Твой первый раз должен быть с Коралин.

— Коралин нет здесь. И кто знает, сколько она будет выздоравливать?

Я видел раны. Коралин может вообще не поправится. А если это именно так, то не могу ли я быть следующим, с кем Яра могла бы делиться? Я почти начал ее обучение. Со мной ее комфортнее, чем с кем-то еще. Возможно, я мог бы использовать эту возможность, чтобы со временем она чувствовала бы себя уверенно и с другими русалками, и в то же время позволить ей мельком взглянуть на наш мир. Уверен, это могло бы помочь нашему делу.

— Ладно, — согласился я. — Дельмар тебе кажется пугающим, верно?

— Я не хотела бы встретиться с ним в темной аллее.

— Что ж, тогда я хотел бы доказать обратное. Ты готова?

Она отпустила мою руку и отплыла назад.

— Я не знаю. Что мне надо делать? И как я потом из этого выберусь?

— Ты смотришь мне в глаза. Большинство из нас чувствуют рывок в груди. Потом почувствуешь, будто тебя толкнули мне навстречу, но на самом деле ты не двигаешься. Просто увидишь, услышишь и почувствуешь то, что я чувствовал, когда проживал этот момент. Когда воспоминание закончится, ты, возможно, почувствуешь толчок. Или, если захочешь завершить раньше, то подумай о реальном мире, здесь, в это время и этом месте.

Она посмотрела вокруг:

— Вот так?

— Как на особенный цветок, скалу, что угодно, и сконцентрируйся на деталях этого.

Она смотрела на меня изучающе:

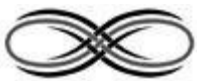
— Хорошо. Я готова. Я думаю. И немного боюсь.

Я постарался успокоить ее улыбкой. Новый опыт может быть для нее невероятным, и я был удивлен, каким счастливым себя ощущал, от того, что ее первый раз будет со мной.

— Не бойся. Я выбрал хорошее воспоминание.

Мы с Трейганом посмотрели друг на друга. Все мое тело покалывало, даже хвост и плавники. На доли секунды в его глазах промелькнули серебряные облака. Тогда я почувствовала рывок в груди, и все стало ярко-голубым и таким тихим.

Я была Трейганом, сидящим напротив Дельмара на скалах у береговой линии с сиреневым песком, уставившись на воду. Мой хвост — Хвост Трейгана — был серовато-зеленым, и каждая блестящая чешуйка будто очерчена по краю хромом. Дельмар был желтым. Его волосы светлые и короткие, и он был того же возраста, что и сейчас. Солнце палило и отражалось всеми цветами радуги, когда наши хвосты плескались в прибое.

— Ты будешь сегодня петь? — спросил Дельмар с усмешкой.

Как Трейган, я наблюдала за духами вод, мелькающими у поверхности воды.

— Конечно, я же лучший.

Дельмар пустил сапфировый снаряд сквозь воду.

— Ты для меня как брат, Трейган. Сегодня я женюсь на любви всей моей жизни, но это не значит, что наша связь ослабнет.

— Кимбер на первом месте в твоём сердце. Я счастлив уйти со своего поста.

Дельмар покачал головой:

— У любви нет рангов. Я люблю вас с Кимбер по-разному, но в один миг отдал бы жизнь за каждого из вас.

— Ты бы отдал жизнь за любого из нашего вида.

— Хотелось бы думать, что это правда, но сейчас, когда у меня есть Кимбер, мои приоритеты меняются. Я бы сделал все, чтобы уберечь ее от боли и страданий. Ее счастье — все для меня.

Я улыбнулся, хоть и чувствовал грусть и одиночество.

— Еще одна причина вернуть тебя в грот вовремя. Кимбер уже слишком волнуется.

— Гонка? — спросил Дельмар.

— Я не позволю тебе выиграть даже в день твоей свадьбы.

Дельмар взмахнул руками, и из воды появилась большая волна, которая утянула нас на глубину. Он ухватил мое предплечье и ухмыльнулся мне под водой, замедляясь и останавливая гонку.

Он исчез, а я остался на месте и смотрел, как он уплывал. Дух воды плавала вокруг моей головы как маленький пылающий ураган. Она оставила в моих волосах крошечные пучки водорослей, притормозила и села на кончик моего носа.

Ее тонкий голосок звучал, как падающие в пустой фонтан монеты:

— Ты всегда даешь ему фору.

Я подмигнул ей:

— Сегодня я дам ее еще больше.

Я почувствовала толчок в грудь, открыла глаза и увидела, как Трейган отворачивается. В какой-то момент я была дезориентирована. Слишком быстрое переключение от жизни Зеленого Трейгана — жить и чувствовать, будто бы я реально была им — и увидеть Синего Трейгана передо мной, вызывало головокружение.

— Трейган, это... это было невероятно! Я была тобой! У меня не было собственных мыслей. Твои мысли были моими мыслями. Твои чувства были моими чувствами. Я не была напугана или смущена. Я была везде, где был и ты. Ты был спокойным, потом грустным, потом... Таким счастливым.

Он окунул голову в воду, намочив свои длинные волосы, и протер лицо руками:

— Все еще считаешь Дельмара плохим?

— Я... ну, нет. Но где мы находились? Или где были вы? Все было таким красивым. На том пляже сиреневый песок, и в небе кружились цвета, каких я никогда не видела.

— Мы были в Рате.

Я считала Эденс Хаммок или Солис раем, но тот мир одержал победу. Не удивительно, что каждый хочет вернуться домой. Из-за того, что я так резко отзывалась о Дельмаре, я ужасно себя чувствовала. Здесь он был без своей жены, или они живут вместе в этом мире?

— Ты позволил ему выиграть? — спросила я.

— Что?

— Гонка.

Он прищурился от солнца, и его плечи дернулись от тихого смеха:

— Возможно, однажды я позволю тебе увидеть, чем это закончилось.

— Почему ты меня вытолкнул? Я могла остаться там навсегда. Духи воды были великолепными. Хотя ты о них так не думал. Ты был так равнодушен, будто они были тебе привычны как мухи. Я даже не поняла, какие они, пока не вернулась сюда. Или внутрь себя — или — для меня все еще не понятно, как это возможно.

— Многие вещи нашей жизни люди считают магией или невозможным. Это кажется нормальным для меня, потому что я родился русалом. Со временем ты привыкнешь к нашему образу жизни.

После всего этого, возможно, быть русалкой не так уж и плохо. Я искала огоньки в потоке рядом со мной.

— Почему я до сих пор еще ни разу не видела духов воды?

— Они погибли первыми, когда ворота закрыли. Никто не выжил на этой стороне.

— Это ужасно, — моя грудь покрылась красными пятнами. Понял ли Трейган, что красный означает грусть, или он даже не заметил, что цвет изменился? — Некоторые живы в другом мире, верно? Они не вымерли, так?

— У нас нет способа узнать, что случилось в Рате. Пока ворота не откроют.

— Почему горгоны запечатали ворота? Коралина говорила, что кто-то нарушил обещание, но что могло быть настолько плохим, что они закрыли так много из вас в отдельном мире?

Его губы раскрылись, будто он хотел ответить, но потом наклонился прямо в воду. Его длинные синие пряди танцевали во всех направлениях. Он выпрямился и пригладил волосы назад:

— Давай вернемся к твоей истории, когда ты в первый раз встретила Ллойда.

Он стал мастером в уклонении от ответов, но я дам ему уйти от ответа в этот раз:

— Это скучно, по сравнению с твоим воспоминанием. Ты не захочешь это услышать.

— Ты права, не хочу, — он подплыл так близко, что его дыхание согрело мое лицо. — Я хочу, чтобы ты со мной этим поделилась.

Прочитать его выражение лица было сродни попытке прочитать книгу, написанную на иностранном языке. Он медленно сомкнул мокрые ресницы, так значит ли это, что ему интересно?

— Хорошо, — я нервно вздохнула, — как мне это сделать?

Он встал передо мной и поднял руки вверх, касаясь моей шеи пальцами. Опять началось покалывание.

— Попробуй вспомнить выделяющиеся детали. Место, запах, свои чувства — что угодно, пробуждающее воспоминания.

Я закрыла глаза, стараясь игнорировать приятный жар, посылаемый прикосновениями Трейгана. Я сконцентрировалась на воспоминание, когда мы с мамой приехали в Эденс Хаммок.

— Ярраааа, — Трейган игриво протянул мое имя, — я не смогу работать, если ты закроешь глаза.

Я почувствовала себя идиоткой.

— Верно. Извини.

Когда я открыла глаза, он опять смотрел на меня так, как чуть ранее, когда я закончила читать книгу вслух. Все, о чем я могла думать, был момент на кухне Коралины, когда у меня появилось непреодолимое желание его поцеловать.

Мои мышцы ныли от столь долгого сидения и чтения, но, когда я посмотрела на Трейгана, боль исчезла. Я желала его в каком-то смысле, чего до этого не было. Я снова хотела ощутить прикосновение его пальцев на моей коже, хотела узнать какого это, целовать его. Есть ли у него девушка или жена, или потерянная любовь на той стороне? Если нет, то мог ли он так посмотреть на меня, посчитав меня привлекательной, или хотеть поцеловать меня?

Несколько дней назад я презирала его потому, что обратил меня. Я думала, что ненавижу его, но сейчас...

Нет! Ругала я себя мысленно, вернувшись к настоящему. Мне нужно перестать мечтать, особенно о Трейгане.

Я сконцентрировалась на детском воспоминании, чтобы поделиться с ним. Я посмотрела в его голубые глаза, воссоздавая ощущение песка между пальцев, запах детской пудры, который был на моей маме, и облупившийся вишневым лаком для ногтей на ее ногтях...

Потом я перенеслась в другое время и место.

Прогуливаясь по песочной дороге между домом дяди Ллойда и нашим, моя мама возвышалась надо мной, ее сандалии висели на двух пальцах. На каждый шаг ее красные туфли качались вперед-назад, почти ударяя меня в грудь. Я так пристально на нее смотрела, что не заметила, как мы оказались перед желтым домом, пока человек с низким голосом не поздоровался с нами.

— Мы переехали, — сказала мама угрюмо. Я посмотрела сквозь ограду на разноцветные цветы в саду этого человека.

— Клео, если тебе что-то нужно, вообще, что угодно, — сказал мужчина, — я здесь, для тебя и Яры.

От звука моего имени я перевела взгляд от куста с фиолетовыми цветами на него. Его загорелые ноги были огромными, а пальцы ног были покрыты белым пушком. На одной его руке висел зеленый садовый шланг. Другая рука в желтой садовой перчатке помахала мне. Я помахала в ответ и прошла в решетчатую арку по тротуару, который был одним цветом с волосами мужчины. Вдоль тропинки ползало несколько червей, так что я остановилась и указала на них.

— Много червей, — сказала я своим высоким детским голоском.

— Маленькая, — сказал он, — когда становится мокро, они хотят перейти тротуар.

— Почему? — это был вопрос большинства четырехлетних детей, когда взрослый пытается ответить им.

Он обвел взглядом свой сад, пока обдумывал ответ:

— Полагаю, есть много причин. Возможно, солнце светит слишком ярко, из-за чего они могут высохнуть, или птицы пролетают над ними и забирают их, чтобы... — наверно он думал, что не он должен объяснять пищевую цепочку такому маленькому и впечатлительному ребенку, и остановил себя, прежде чем сказать правду. — Чтобы сменить обстановку.

— Сеньораа? — повторила я, стараясь сохранить новое слово в своем пока еще маленьком словаре.

Он наклонился, поднял червяка с дорожки и аккуратно перенес его на траву.

Я рассмеялась, выгнула спину и развела руки в стороны:

— Почему ты так делаешь?

— Иногда созданиям нужна помощь, чтобы перебраться на другую сторону, — ответил он, подмигнув.

Я присела на корточки и схватила скользкого червяка двумя пальцами, удивившись, каким склизким он был, и наблюдала, как он извивался. Когда я отпустила его на траву, то посмотрела на желтую перчатку мужчины, потом на его морщинистое лицо и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, затем я встала, подошла к следующему червяку и все повторила, и каждый раз получала улыбку ярче солнца от большого, дружелюбного мужчины.

— Яра, мы достаточно побеспокоили этого человека, — моя мама схватила мою руку и оттянула меня от двух оставшихся нуждающихся в помощи червяков.

— Не переживай, Клео, — сказал он.

— Тем не менее, извини за все это, — мама поволокла меня, и я шла за ней, спотыкаясь. А я все еще смотрела назад, через плечо, беспокоясь о червяках. Мужчина наклонился, затем снова встал и показал мне большой палец, поднятый вверх. Даже в четыре года я знала, что это значит «хорошо» — что с червяками все хорошо. Мужчина в желтом всегда все сделает хорошо.

Я представила скопление веснушек на щеке Трейгана, которое напомнила мне о созвездии Большого Пса. И в одно мгновение я вернулась в настоящее время, плавая в потоке Острова Солис, птицы пели с ближайших деревьев, вода текла мимо, огибая нас с Трейганом.

— Как я справилась? — спросила я.

Я не была уверена, что вернула его вместе с собой или вытолкнула, или что там я должна была сделать, чтобы закончить воспоминание, потому что он просто уставился, не моргая и ничего не говоря.

— Трейган?

— Нет, — пробормотал он.

— Что нет? Я сделала что-то неправильно?

— Ответ — нет, — он сказал это чуть громче, наконец, моргнув.

— О чем ты говоришь? Ты не видел сад моего дяди и червей?

— Я видел червей, но... — он медленно плыл по кругу спиной ко мне и ухватился за траву на берегу, — первое воспоминание, которым ты поделилась, было на кухне Коралины. Ты удивлялась, есть ли у меня девушка или кто-то на другой стороне. Ответ: нет. У меня никогда никого не было.

Мое сердце подскочило к горлу. Мне хотелось погрузиться в воду и утонуть. Он прожил это воспоминание, как и я? Он почувствовал то же, что и я? Узнал мои мысли о нем? Узнал, что я хотела поцеловать его? Я не могла дышать. Это было за пределами унижения.

— И нет, — продолжил он ледяным голосом, а его спина становилась зеленой, и знак змеи потемнел. — Ты не должна хотеть поцеловать меня или знать все обо мне.

Я была слишком растеряна, чтобы сказать что-то, поэтому я уставилась на воду огибающую меня. Услышать мои мысли было уже плохо, но он почувствовал мои эмоции. Он знал насколько завораживал меня. Чувства не были взаимными. Я никогда еще не чувствовала себя такой незащищенной — или такой глупой.

Очертание ярко-зеленого появилось у поверхности воды. Оно становилось больше и ближе, пока голова большого русала, которого я встретила на острове с травой, не показалась из воды.

— Привет, Яра, — сказал он, а вода капала с его зеленых локонов и ресниц.

— Привет, — я не могла вспомнить его имя. Пэмби, Плето, или как его там.

В какой-то момент моего унижительного транса, Трейган повернулся. Его кожа приняла нормальный цвет. Он сморщил лоб, опустил подбородок и спросил:

— Панго, как она?

Панго! Вот как его зовут. Он подплыл к Трейгану. Без слов обернул свои огромные руки вокруг него, и они плавали, молча, обнявшись. Вернулось чувство тошноты. Их объятия означают, что Коралина умерла?

Панго что-то сказал, но я не могла его услышать над бурлящим потоком. Хотя могла видеть лицо Трейгана. Его морщины ушли, и напряжение спало.

— С Коралиной все хорошо? — спросила я.

Панго снова посмотрел на меня. Его изумрудные глаза были словно стеклянными.

— Она до сих пор без сознания, но ее жизненные силы восстанавливаются. Фиалки думают, что она сможет поправиться.

Я выдохнула так громко, что сама удивилась. Как долго я задерживала дыхание?

Панго оглянулся назад и подплыл к нам с Трейганом.

— Они будут следить за выздоровлением сегодня после заката. Оранжевые были посланы оповестить всех, пока большинство народа не прибудет до завтра.

— Мы будем здесь, — Трейган сжал бронзовые плечи Панго. Я кивнула, стараясь не пялиться на его метку. Он был таким большим, что любой знак на нем казался огромным.

— Индреа приказала мне отдыхать несколько часов, — вздохнул Панго, — так что, я поплыву, и хотел бы поблагодарить тебя еще раз, Трейган. Я твой должник.

Трейган раскрыл повязку на руке и вытащил пару косяков.

— Ты ничего мне не должен. Отдыхай.

Панго взял косяк, вложил его в свою повязку и нырнул под воду. Он так отличался от игривого яркого парня, которого я вчера встретила. Будто из него высосали жизнь.

— Он близок Коралине? — спросила я.

Трейган смотрел вниз, где только что исчез Панго:

— Она его единственная родная сестра.

Пострадать от нападения акул, казалось ничем, по сравнению с разрывающей меня виной. Панго мог потерять сестру из-за меня. Живот скрутило. Я не могла сглотнуть. Уплывая, он не попрощался со мной. Должно быть, он знает, что атака произошла по моей вине.

Коралина была где-то без сознания и цеплялась за жизнь, Панго ненавидит меня, еще и Трейган узнав, что я чувствую к нему, наверняка мог бы снова меня бросить. Просто, когда я начала признавать и принимать русалочий мир, я быстро стала изгоем.

— Что ж, — Трейган достал зажигалку из повязки и поджег косяк, — планы изменились. У нас завтра не будет так много времени, как я думал, чтобы подготовиться к церемонии. Так что, начнем сейчас.

— К какой церемонии? — спросила я, когда он дал мне травку. Ранее, этим утром, в доме Коралин, попробовав курить в первый раз, я кашляла как сумасшедшая. Надеюсь, в этот раз я буду выглядеть меньшей душой. Я сделала несколько коротких затяжек.

— Церемония посвящения, — объяснил Трейган. — Завтра на рассвете каждая русалка в этом мире прибудет, чтобы поприветствовать тебя как одну из нас. Праздник в твою честь будет до самого заката.

Я так сильно закашлялась, что думала, треснут ребра. Трейган постучал меня по спине, посмотрел на воду передо мной и сказал попить. Я опустила и пила воду до тех пор, пока кашель не остановился достаточно, чтобы ответить:

— Я не заслужила праздника.

— Заслужила, — его синие ресницы сомкнулись, когда он улыбнулся. — Это необходимый этап твоего превращения.

Моя грудь горела, дыхание перехватило, и закружилась голова. Мне всегда было плохо в толпе. Даже посещение такого городка, как Кей Вест, вызывал страх, из-за всех этих людей и волнения. Сотня русалок соберется, чтобы познакомиться со мной? Желание сбежать или уплыть стало непреодолимым.

— Не волнуйся. Они тебя обожают, — уверял он меня.

Они не имеют значения. Есть только один русал в мире, которого я хотела бы видеть своим поклонником — и он не хочет, чтобы я о нем что-то знала.

ЗАКАТ 4

Я не мог поверить, что плыву к замку Парагон, но мне нужно было увидеть Яру. Если кто-то из русалок — особенно Трейган — поняли, что она пила кровь, они будут пытаться держать ее подальше от меня. Если они еще не знают, то мне нужно увидеть ее снова, до

того как кто-то прознает об этом.

Никси говорила, что русалки собирались сегодня ночью, чтобы исцелить Коралину. Если повезет, я найду русала, который мог бы позволить поговорить с ней. Возможно, он сейчас помогает Синим. Если он из охраны, я бы поговорил с ним, не привлекая особого внимания.

Сохраняя дистанцию, я сделал круг по периметру замка. Снаружи было больше Синих, чем я предполагал, но я нигде его не видел. Даже несколько Индиго стояли на страже. На всякий случай, я смотрел за Зелеными тоже, но он не продвинулся за годы.

Раковина рога завывала в воде, объявляя о начале церемонии. Я плавал вблизи рифа, видел некоторых Синих и Индиго, которые оставили свои посты и уплыли внутрь. Вода вокруг меня вибрировала так сильно, что волосы на моем хвосте встали дыбом. Я обернулся, ожидая увидеть кого-то. Скот в десять футов проплыл мимо моей головы, рассекая воду. Никогда не устану наблюдать за огромными крылатыми существами, парящими в воде.

Рука схватила меня за локоть, заставив повернуться.

— Ровнан, что ты здесь делаешь?

— Дельмар, черт! Не удивительно, что я не мог тебя найти! Посмотри на себя, ты Индиго.

Его лицо оставалось строгим и серьезным:

— Почему ты здесь?

— Да ладно тебе, даже не поздоровался, как поживаешь? Я не видел тебя несколько лет. Разве так обращаются со старым другом?

— Мы были друзьями. Но не сейчас.

— Что ж, — я сжал его плечо, — я надеюсь, что это может измениться после того, как мы вернемся в Рат.

Он взглянул на мою руку и стряхнул ее. Так много для игры в друзей.

— Как ты поднялся на целых два ранга, а Треган остался в Синих?

— Он решил остаться Синим. А сейчас, почему ты здесь?

— Решил. Конечно. Я должен был знать. Я просто хотел увидаться с Ярой на несколько минут.

— Ха!

Губы Дельмара изогнулись в усмешке.

— Дел, верите мне вы с Трейганом или нет, но она много значит для меня. Мы были довольно близки последние несколько недель. Я хочу убедиться, что с ней все хорошо.

— Она в порядке.

— Парень, расслабься, — я поднял руки, чтобы он видел, что мои когти спрятаны. — Я здесь не для новых проблем. Просто хотел проверить Яру.

— Ровнан, это святая ночь. Ты не можешь находиться здесь. Завтра день посвящения Яры. Когда он закончится, ты сможешь ее увидеть. И то только если она сама захочет. А пока не заставляй меня ловить тебя в пределах мили от этого замка или Солис. По рукам?

Я отвернулся от него.

Если бы он знал, что она пила кровь, то он не позволил бы мне увидеть ее завтра. Целая ночь и день — это очень много времени для Яры или для тех, кто понимает, о чем я. Ее жажда скоро проснется. Кто-то должен распознать ее поведение, и знать, что это значит, даже если она не понимает. А если она не утолит свою первую жажду, она переживет самое худшее. Она будет лучше контролировать ее в будущем. И будет достаточно сильной, чтобы

не поддаваться жажде вообще. Особенно, если ей помочь с первой.

Мне нужно было увидеть ее сегодня. Но из-за этого обряда исцеления и их завтрашнего бессмысленного празднования, это место будет наполнено русалками. Все глаза будут следить за их ценным новичком. Джек нашел бы другой способ, как мне добраться до Яры. До этого Дельмар должен думать, что я согласен ждать. Если они заподозрят что-то, они никогда не оставят ее. Тогда мы точно пропали.

— Ладно, — я протянул руку. — Хорошо повеселись завтра. Я буду молиться за Коралину.

Его сузились, но он пожал мне руку.

— Спасибо. А сейчас проваливай.

Я уплыл, надеясь, что сыграл достаточно хорошо, но когда я оглянулся, то увидел, что Дельмар вплывал в замок быстрее, чем я когда-либо видел. Он плыл так только в двух случаях. Он не был моим придурковатым братом, значит, он плыл дабы защитить кого-то.

— Чёрт!

Мы выплыли из дверей зала собраний с тридцатью другими русалками. Каждый, кто подплывал, чтобы познакомиться в Ярой, был дружелюбен, гостеприимен и счастлив увидеть девушку, но ее беспокойство росло.

— Кажется, я задыхаюсь, — сказала она, массируя горло.

— Когда мы появимся в холле, тебе станет легче. Перед церемонией Индреа наполняет его успокаивающей энергией.

— Да, конечно, — она покрутила головой, разминая шею. — Им надо поторапливаться. У меня может случиться нервный срыв.

И в это время двери из морского стекла открылись. Все вплыли в зал.

Я положил руку на поясницу Яры.

— Помнишь, что я говорил тебе о корректировке виденья? — она кивнула. — Самое время это сделать.

Ее ресницы задрожали. После одного пристально взгляда она улыбнулась.

— Я сделала это! Так темно! И я с трудом тебя вижу.

— Хорошо. Я поведу тебя.

Мы не сделали и двух шагов в зал, как Яра остановилась. Я оглянулся, но она оставалась на месте, с благоговением смотря на высокие арочные потолки. На минуту я позволил ей понаблюдать за сотней светящихся медуз над нами. Раскрываясь и закрываясь, они медленно подпрыгивали в воде, многие с длинными, развивающимися как ленты, щупальцами. Паутинные колокольчики моря, светящиеся флуоресцентным голубым и белым светом.

Я на мгновение посмотрел ей в глаза.

— Если прислушаться, можно услышать легкий звон.

Она снова пораженно посмотрела вверх.

Со временем некоторые самые изысканные детали наших традиций стали считать

обыденными. Было приятно остановиться и оценить представление надо мной. Минутой позже я проплыл прямо над Ярой, закрывая ей вид.

— Нам надо взять фонари, и занять свои места.

— Это невероятно!

Я наблюдал за ней с восхищением. Мне не доводилось быть частью обращения новой русалки. Смотреть на ее реакцию на некоторые вещи, которые она видит в первый раз, было все равно что наблюдать за ребенком. Она едва увидела, какой удивительной ее новая жизнь могла бы быть.

— Пойдем, церемония скоро начнется.

Когда мы образовали круг, двое Красных дали каждому из нас фонарик. Я поблагодарил их и повел Яру к нашим местам. Она хотела встать с другой стороны от меня, но я остановил ее, оставив между мной и Панго.

— Встань между нами, — объяснял я. — Тебе надо быть с тем, рядом с которым тебе комфортно.

— Может, ты встанешь рядом с Панго. Я смогу встать между тобой и Каей.

— Место Каи на другой стороне круга. Ты там, где и должна быть.

Она посмотрела на Панго, и тот обнял ее, но ей было неприятно. Я надеялся, она больше не винит себя в нападении акул и не думает, что Панго винит ее. Он еще не знал о кровавом случае, но он воспримет это так же, как и я. Это был несчастный случай. Просто и понятно.

В зале собраний было даже спокойнее, чем я ожидал. Индреа проделал отличную работу.

— Все еще нервничаешь? — я спросил Яру, отвлекая ее от фонаря.

— Эм, нет, а почему эти рыбы светятся? — она взглянула на трех рыбок, плавающих внутри стеклянной сферы, каждая из которых светилась разным цветом: розовым, желтым, оранжевым.

— Это называется биолюминесценцией. То есть живой свет. У каждого из нас в руках фонарь, как символ света и исцеляющей энергии для Коралины.

Я посмотрел на свой фонарик. Рыбки светились синим, зеленым и белым светом.

Она коснулась моей руки.

— Как они светятся?

— У некоторых есть клетки, называемые фотофорами, у других внутри протеиновые бактерии, которые... — Каспиан дунул в раковину в виде рога. Три протяжных звука означали начало церемонии.

— Просто слушай и смотри, — сказал я Яре. — Ты еще не знаешь песен, которые мы будем петь, но ты почувствуешь их силу.

— Хорошо.

Каспиан, Индреа и другие пять Фиалок зависли над полом замка и взялись за руки вокруг каменной плиты в середине зала. Они запели песню Очищения, создавая пугающее место для отдыха Коралины. Сиксел, один из индиго, вплыл в зал с Коралиной на руках. Ее искалеченный хвост и другие раны, были укрыты цветами. Я посмотрел на Панго рядом с Ярой, должно быть цветы — его рук дело. Мысли в его голове были причиной моей усмешки.

Ее волосы должны были быть заплетены в косы. Я просил их о косах с вплетенными ромашками. Неужели это было так сложно.

Яра потянулась к моей руке, когда увидела Коралину, но промахнулась, и ее пальцы прошли по моему хвосту. Будто миллионы маленьких водных духов порхают по коже. Я старался игнорировать эти ощущения и блокировать мои мысли школьника, пока мы не встретились с ней глазами.

— Боже мой, она ужасно выглядит, — сказала Яра с дрожью.

— Мысли позитивно. Она жива, — грудь Яры покраснела. Радужная пелена закрыла ей глаза. Я думал, она сорвется, хотя трудно быть уверенным в этом под водой. Я коснулся ее плеча. — Печаль не поможет ей. Только позитивные мысли.

Мы смотрели, как Коралину поместили в центр нашего круга. Фиалки продолжали петь, громче и громче, пока не дошли до момента, где остальные из нас должны петь вместе с ними.

На первых нотах группового пения Яра подняла голову и в удивлении открыла рот. Слышать, как поет русалка или русал, было захватывающе. Слышать, как мы поем все вместе — ну, однажды кто-то объявил нас душами, которые научили ангелов петь.

Первая песня — это объединение, укрепление связи между всеми в зале, и так же подготавливает нас к другой песне. Когда мы пели, Яра наблюдала за каждым в круге. Большинство русалок с метками поменяли цвет, двигаясь или мерцая, было трудно увидеть из-за тусклого света.

Индреа указал на Панго, и тот направился к столу, плавая над Фиалками, прежде чем опуститься к середине круга лицом к лицу со своей сестрой.

Он приложил два пальца к своему сердцу, а затем к глазам. Затем протянул руку и положил пальцы на веки Коралины.

— Что значили эти жесты? — спросила Яра.

— Это значит, что он делится с ней своим сердцем и душой, — объяснил я.

Панго запел несколько первых нот песни Любви. Остальные к нему присоединились.

Когда мы закончили, Панго вернулся на свое место в круге.

Яра протерла свои затуманенные радугой глаза.

— Это были слезы счастья. Обещаю.

— Мы под водой. Не нужно их вытирать. Хотя, если ты направишь их к Коралине, твои эмоции пройдут сквозь воду и искупают ее в любви, или в чем угодно из твоих чувств.

— Серьезно? Это часть нашей способности контролировать воду?

— Слезы — это вода. Начни с малого.

Она улыбнулась самой широкой улыбкой на сегодняшний день.

— Я больше не плачу. Но для следующего раза эти знания пригодятся.

Проплывающий к Коралине желтым пятном Меррик, на миг отвлек меня, и потом я снова посмотрел на Яру.

— Ты будешь последней, поэтому смотри, что делает каждый.

— Я буду последней? — это прозвучало почти обеспокоено, но спокойствие и любовь, которой был наполнен зал, не позволили ее страху разрастись.

— Просто смотри.

Меррик завис над Коралиной, два пальца положив на ее глазах, пока пел песню Исцеления. Яра смотрела, как Меррик поплыл обратно на свое место рядом с Панго, пока все продолжали петь. Следующая за ним русалка поплыла вперед, зависла над Коралиной, положила два пальца на ее сердце, и выполнила свой долг, прежде чем вернуться в круг. Следующий русал вышел, и ритуал повторился снова и снова.

Я очень хотел услышать реакцию Яры, но она не посмотрела на меня. Она смотрела вперед, наблюдая за каждым русалом или русалкой, плавающими над каменным столом, когда они обещали поделиться сердцем и душой с Коралиной.

И тогда я увидел их.

Несколько радужных капелек из ее глаз незаметно направились к Коралине, смешиваясь с окружающей нас водой. В эти доли секунды, когда были видны ее слезы, я впервые увидел, как Яра контролирует воду.

Когда настала моя очередь я вытянул вперед руку с фонарем и поплыл к Коралин. Я посмотрел на лица окружающих нас Фиалок, но ни в одном из них я не видел беспокойства. Я встретился взглядом с Индреа.

— Она уверяла меня, что ты не навредишь ей.

Коралина выглядела лучше. На ее щеки вернулось золотое сияние, а ее раны начали заживать.

Двумя пальцами я нажал себе на грудь. Мое сердце.

Положил их на мои глаза. Моя душа.

Когда я положил пальцы на ее веки, моя печаль усилилась, потому я зажмурился для безопасности. Я делюсь с тобой.

Пока все пели, я вернулся на свое место рядом с Ярой. Без колебаний она поплыла вперед и завершила круг последним обещанием. Когда она вернулась, мы улыбнулись друг другу. В этот момент, даже при всех сейчас здесь поющих, мне казалось, мы две единственные души из всех существующих миров.

Последний круг исцеления пели громче, и тогда я впервые услышал, как поет Яра. У нее был самый ангельский голос из всех, что я когда-либо слышал. Даже другие, находившиеся рядом русалки, посмотрели на нее. К сожалению, песня закончилась, после чего Яра посмотрела на меня.

— Это было самым красивым из всего, что со мной было, — сказала она.

— Ты — самое красивое из всего, что со мной было, — я произнес это до того, как смог отвести взгляд. Из-за света медуз и фонарей я увидел ее заалевшие щеки. Синие завитки через ее грудь расширились к плечам.

Растерявшись, я делал вид, что наблюдаю за последней частью церемонии. Потом открыл дверцу моего фонаря и выпустил на волю трех рыбок. Яра наблюдала за мной и сделала так же. Когда все освободили фонари, зал начал наполняться флуоресцентными рыбками.

Индреа пропел последние ноты, завершая ритуал, и народ стал выплывать из зала. К счастью, Кая подплыла к нам и завела разговор с Ярой.

Как я мог сказать ей такое? Зная, что она ко мне чувствует, и что мы никогда не сможем быть вместе. Я хотел извиниться, но как можно сказать кому-то «извини» за то, что назвал красивой?

Панго и Меррик благодарили Фиалок, так что я терпеливо ждал, когда Яра и Кая закончат разговор или сделают меня его частью. Но заметил зависшего у входа Дельмара и отклонялся.

Несмотря на тусклое освещение, я мог ясно видеть беспокойство на лице Дельмара. Этот взгляд означал, что опасность спряталась неподалеку, и я уже знал, что эту опасность зовут Ровнан.

Панго плавал рядом, общаясь и делясь историями со мной, Метриком и Каей. Он шутил и смеялся, вел себя так, будто это не его сестра боролась за жизнь в нескольких шагах от нас.

Я не могла больше этого терпеть. И призналась Панго. Рассказала ему о моем побеге, с пролитой крови во время нападения акул, и как ужасно, и какой виноватой я себя чувствую. Он не злился и настаивал, чтобы я перестала себя винить.

Русал приподнял мой подбородок и подмигнул.

— Не беспокойся, моя сестра выживет. Она храбрый маленький дух, — он обнял меня и, попрощавшись, вернулся с Метриком к Фиалкам и Коралине.

Рука Каи накрыла мою.

— Я должна идти, мисс Яра. Еще много нужно сделать для празднования на рассвете.

— Хорошо. Увидимся завтра.

Она поцеловала меня в щеку и уплыла с Зеленым и Синим, который имел такую же темную кожу, как у нее.

Зал почти опустел. Дельмар и Трейган уплыли на другую сторону зала, оба выглядели торжественно. Они там уже последние десять минут. Я наблюдала за ними, ожидая, что Треган вспомнит о моем существовании, но черные глаза Дельмара нашли меня первыми.

На несколько секунд мы уставились друг на друга. Он ни о чем не думал, по крайней мере, не о том, что я могла слышать, но, возможно, я просто слишком далеко от них, чтобы слышать его мысли. Он больше не пугал меня. С тех пор как Трейган поделился со мной воспоминанием о нем.

Дельмар дернул своей бледной, угловатой челюстью в сторону, и снова посмотрел на Трейгана. Они смеялись одновременно, хватаясь руками друг за друга, наклонялись вперед почти обнимаясь. Трейган посмотрел вверх и подозвал меня.

— Привет, Дельмар, — подумала я, когда приблизилась к ним.

— Счастливого дня посвящения, Яра, — улыбнулся он. — Завтра у тебя великий день.

— Так мне сказали, — я покосилась в сторону Трегана, но, когда снова посмотрела на Дельмара, он уже плавал за мной. Я уловила только конец того, что Треган говорил ему.

— ... ты. Только солнце.

— Что солнце? — спросила я.

Трейган покачал головой.

— Нам пора. Тебе нужно отдохнуть.

Дельмар плыл с моей стороны.

— Кимбер с нетерпением ожидает встречи с тобой. Увидимся утром. Сладких снов, Яра.

Его жена с ним и в этом мире. Хорошо. Это порадовало меня.

— Я тоже буду рада познакомиться с ней.

Трейган был пугающе тихим на обратном пути к дому Коралины.

Когда мы пришли в гостиную, я пыталась разрушить неловкое молчание.

— Странное чувство — оставаться в доме Коралины, без самой Коралины.

— Извини. Мой дом не подходит для гостей. К тому же, она хотела бы, чтобы ты здесь осталась. Таким был план. Коралина из тех, кто придерживается плана.

Чувство вины поселилось у меня в животе. Эта церемония дала мне надежду, что она выживет, но я никогда не прощу себя за то, что из-за меня она чуть не погибла и все еще может погибнуть.

— Вы с Дельмаром говорили о солнце или о чем речь? — спросила я.

Он обошел комнату вокруг, заглянув за дверь и в каждое окно.

— Знак на твоей спине. Солнце — твой знак русалки. У каждого он разный.

Какая я дура! Я попыталась посмотреть на свою спину.

— О...

Я сегодня ночью изучала символы и рисунки на Панго, Меррике и Кае, стараясь сконцентрироваться на чем-то, кроме Трейгана. Не хотела, чтобы они слышали мои мысли о нем. Я посмотрела на синие волосы Трейгана и на все его синие, черные и серебристые знаки и старалась не засмеяться.

Он поднял глаза.

— Я что-то пропустил?

Кая рассказала мне об одной русалке, которая не смогла прийти на церемонию из-за того, что выполняла желание человека, о котором далее разъяснил Панго.

— Просто помни, что сказал Панго.

— Говори!

Я улыбалась, не размыкая губ, гоня из мыслей образ синего Джина из диснеевского Аладдина.

— Он объяснял обязанности синих русалок.

Трейган выпрямился. Пропал всякий намек на улыбку. Он ничего не сказал, потому я продолжила:

— Он сказал, что если люди узнают о Синих, то они должны выполнить их пожелание, прежде чем вернуться домой в воду.

— Это глупое правило. Мы боремся за его отмену.

Панго предупредил меня, что Синих это очень задевает. Многие стараются держаться подальше от поселений, дабы не наткнуться на людей. Они называют это комплексом Джина. Все стараются как можно быстрее пройти ранг Синих. Трейгана это определенно обидело, что выглядело невероятно мило.

Возможно, я смогу для себя извлечь из этого выгоду.

— Что ж, ты мой Синий телохранитель, так что ты подаришь мне желание.

Он дерзко хмыльнулся одной из своих самоуверенных улыбок.

— Мы дарим желание людям. А ты больше не человек.

— Но ты не подарил мне желание, ни когда я была ребенком, ни когда ты объявился в моем доме во время урагана.

— Нет, я подарил. Ты не помнишь времени, когда была ребенком, но я определенно это сделал. А во время урагана ты сказала, что хотела бы, чтобы я забрал тебя в безопасное место.

— Но ты ввел меня в какой-то гипноз, и заставил меня желать этого.

— Нет, я успокоил тебя и сказал, что если ты хочешь, чтобы я забрал тебя в безопасное

место, тебе нужно этого пожелать. Я не заставлял.

Выкрутился. Видимо лазейки всегда работают против меня.

— Не хочешь узнать, чего бы я пожелала сейчас?

— Я почти уверен, что знаю.

— Правда? И чего же?

— Не быть русалкой?

— Нет.

Мое сердце билось так сильно, что звук отдавался в ушах.

Я могла бы это сделать.

Я могла бы сказать это.

Я старалась сказать это громко, а не шепотом.

— Я хотела бы, чтобы ты поцеловал меня.

Мы встретились взглядом, и я изо всех сил старалась продолжать дышать. Ни один из нас не сдвинулся с места. Глубокие морщинки появились у его глаз. Затем он отвернулся и устоялся в пол.

«Господи, почему я такая идиотка? О чем я думала, когда говорила ему это? Трейгану, который никогда ни с кем не встречался и считал себя неромантичным.»

Я громко фыркнула и постаралась это переиграть.

— Я просто... — черт. Я не могла сказать и слова в насмешку. — Я не имела ввиду... — не-а, это тоже было бы ложью. — Так неловко, — простонала я, закрыв лицо руками.

Я не слышала его шагов, возможно, потому, что мое сердце стучало слишком громко. Его рука коснулась моей, заставив посмотреть вверх. Он был лишь в нескольких дюймах от меня, глядя этими гипнотизирующими кобальтовыми глазами. Одной рукой он положил мою руку себе на грудь, а другой коснулся моей щеки и провел большим пальцем по губам. Его сердце билось под моей рукой, как колющие булавки и иголки, дразня меня глубоко внутри.

— Ты такая загадка для меня, — прошептал он.

Я робко выдохнула.

— Я никогда раньше не чувствовала такого. Это часть природы русалок или... это ты?

Он стал взглядом изучать мое лицо. Когда Тейгран пристально смотрел на меня, я была уверена, что он мог видеть все мои секреты.

— Я не знаю, но было бы нелепо забрести в тупик.

Тупик? Он стал отстраняться, но я задержала его, уткнувшись щекой в его ладонь.

— Меня не волнует, как это закончится. Поцелуй меня, Трейган. Пожалуйста.

Он закрыл глаза и прикоснулся лбом к моему. Я хотела поднять голову и встретить его губы своими, но они оставались в недосягаемости, даже когда его дыхание грело мне подбородок.

— Яра, как это закончится, волнует меня. Я не хочу разбивать твое сердце.

— Мое сердце с этим справится.

Это было похоже на ложь. Одна лишь мысль, что он ранит или покинет меня казалась болезненной, но я сказала это громко, так что это, должно быть, правда. К тому же, мы не знали как бы это закончилось, если бы вообще закончилось.

Он отстранился, провел рукой по своим длинным волосам и повернулся ко мне спиной. Теперь мое лицо без его теплого дыхания почувствовало холод. Я попросила его поцеловать меня, дважды, и он отказался. Насколько жалкой я могла бы выглядеть?

— Ты думаешь, что хочешь этого Яра, но на самом деле — нет. Я защищаю тебя.

— Уходи.

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Что?

Я стиснула зубы, сопротивляясь унижению.

— Я сказала, уходи.

Его смущение в голосе сменилось то ли беспокойством, то ли болью, не знаю чем именно, хотя это и не важно. Он сделал шаг ко мне, я — два назад.

— Яра, имел ввиду не...

— Уходи! Чем дольше ты здесь стоишь, тем больше жалости я чувствую. Просто оставь меня и притворись, что ничего этого не было.

Я забежала в ванную, прежде чем сказала последнее слово. Хлопнув дверью, прислонилась к ней спиной и сползла на пол, обняла колени, ощущая себя полной дурой.

Как я смогу смотреть ему в лицо? Он не чувствует того же ко мне. Возможно, он не видит во мне никого, кроме как девушки, которая встречалась с его братом. Он ненавидел Ровнана. Он бы никогда не решился быть с той, которая целовалась с его злейшим врагом. Как я могла быть такой глупой? Мое влечение к Ровнану даже не было настоящим! Даже когда мой разум был затуманен, мои чувства были ничем, по сравнению с чувствами к Трейгану. Каждый раз, когда он смотрел на меня, говорил, или я слышала, как кто-то говорит о нем, я чувствовала...

— Яра, — позвал Трейган, его голос заглушала дверь между нами.

— Уходи! — я зарылась лицом в руки.

Звук, как он опускается на пол с другой стороны двери, заставил меня поднять голову. Я представила нас сидящих спиной к спине, разделенных только куском дерева. Его голос звучал близко.

— Ты хоть представляешь, как сильно я хочу тебя поцеловать?

Я подавила вздох.

— Что?

— Я хочу поцеловать тебя. С тех пор как мы столкнулись на твоём крыльце. Но ты должна мне верить, когда я говорю, что... мы не должны. Ты можешь пострадать, и я давал клятву защищать тебя, а не вредить.

Я повернулась и взялась за ручку двери, но остановилась.

— Объясни.

— Что?

— Ты сказал, что я не должна хотеть поцеловать тебя, и, должно быть, это правда. Но ты говоришь, что тоже хочешь поцеловать меня. Почему это должно быть так сложно?

— Ты можешь открыть дверь?

— Нет, пока ты не объяснишь, — я прислонилась ближе, не желая пропустить даже слово, едва услышав его вздох.

— Я наполовину горгона.

— Я в курсе.

— Многие горгоны могут превратить живое в камень.

— Это тоже знаю, — он думает, что я не обратила на это внимания?

— Если мои эмоции слишком сильны, я теряю контроль над способностями. Бывают несчастные случаи, — его голос был тихим, но я слышала каждое слово. Я переваривала

сказанное несколько секунд, а после подползла на коленях и прислонилась ближе к двери.

— То есть ты мог бы случайно превратить меня в камень?

Я услышала глухой стук, будто он стукнулся головой о дверь.

— Да.

Я была рада, что он не видит меня. Должно быть, выгляжу я ужасно.

— Но...

Я знаю, что он превратил акул в камень, и, как я поняла, он мог бы сделать то же самое с людьми, но это, казалось, просто безумием. Он не мог поцеловать кого-то, без опасения убить?

— Откуда ты знаешь? Может это только когда ты злишься.

Он молчал. И чем дольше я здесь сидела, смотря на стеклянную ручку двери, представляя его сидящим с другой ее стороны, тем больше я не хотела слышать его ответ. И тогда я поняла.

— Так уже было, верно?

— Однажды, — сказал он, — я был почти что ребенком. Мой первый поцелуй был с одной из моих лучших друзей.

Боль в его голосе вывала во мне дрожь. Я не могла этого больше выдерживать. Открыла дверь, и он качнулся назад, но удержался. Я подползла ближе и положила руку ему на колено.

— Что произошло? — прошептала я.

Он поскреб ногтем большого пальца доски пола.

— Она почувствовала, что произошло, и оттолкнула меня. За секунды поцелуя ее губы и часть языка окаменели. Я думал, превратить в камень можно только взглядом. Полагаю, с ней все будет хорошо. Но на это способны еще слюна или кровь.

Я не знала, что сказать. Я представила себя на месте этой девушки. Могла ли она говорить? Могла ли открывать рот? Кто захотел бы быть с тем, у кого каменные губы? Она уже не сможет снова почувствовать поцелуй.

— С ней это было лишь детской игрой, — продолжил Трейган. — Что я чувствую к тебе... Я не хочу даже думать, что я могу сделать с тобой.

Я кивнула, уставившись в пол.

— Но Ровнан наполовину горгона и... — я не хотела напоминать Трейгану, что целовалась с его так ненавистным братом. Я стараюсь забыть это каждый день. — Он не превратил меня в камень.

— Он не унаследовал эту способность. Его особенность — это способность следить за другими горгонами. Это не так опасно, как мое проклятие.

У меня сердце заболело. За него, за меня, за незнакомую мне девушку, приговоренную к одиночеству из-за каменных губ.

Он посмотрел на стену.

— Ты встретишься с ней завтра. Я скажу, кто она сейчас, так что ты не будешь в неведении.

— Хорошо.

Он повернулся ко мне лицом. Его глаза казались голубее, чем когда-либо.

— Это Кимбер, жена Дельмара.

ДЕНЬ 5

Я пробыл за пределами бассейна для отдыха Коралин до самой полуночи, но мне нужно было следить за Ярой. Я не хотел оставлять ее ради сбора урожая, но выбора у меня не было. Даже если бы она была в надежных руках, я бы бросил работу и мог вернуться к ней.

Дельмар сидел на диване и что-то читал, когда я пришел обратно. Он даже не взглянул на меня, поэтому я вырвал книгу из его рук.

— Почему не охраняешь комнату с бассейном? — спросил я громче, чем рассчитывал.

— Тише, — он поднял ноги на диван. — Я ее охраняю. Ты может и чувствовал необходимость потоптаться за дверью, но я уверен, что лишняя пара ног не будет иметь значения, если кто-то попытается вломиться.

Я взглянул на закрытые французские двери.

— Она спрашивала обо мне?

— Даже не шелохнулась. Если бы не знал, подумал бы, что она спит. Она никогда не узнает, что ты ушел. Не волнуйся, Прекрасный Принц.

— Не буду, — предупредил я, протягивая ему обратно его книгу.

— Что не будешь? — он наклонился вперед. — Думаешь, я не вижу? Ты влюблен в нее.

— Я не знаю, что такое любовь. Я даже на свидания никогда не ходил.

— Дерьмо. Ты любишь так самоотверженно, что временами даже на это смотреть тошно. Мне, Кимбер, Коралин. Черт, когда-нибудь ты полюбишь даже Панго и Меррика. Ты любишь Яру с тех пор, как она была еще ребенком. Но сейчас все по-другому. Ты влюблен в нее. А она в тебя, но ты слишком напуган, чтобы что-то сделать.

— Влюблен. Звучит так, словно ты в бассейн ныряешь. Что если я превращу любимого человека в камень, и она погрузится на дно? Не лучше ли было держаться подальше от воды?

Он хихикнул:

— Нет, всегда безопаснее в воде. Всегда.

— Тринадцать закатов, Дельмар. Это все, что у меня есть. Это было бы несправедливо по отношению к ней.

— Тринадцать больше двенадцати или вообще ни одного. Разве у нее нет права решить, достаточно этого времени или нет?

Я упал на диван рядом с ним.

— Она просила меня поцеловать ее прошлой ночью. Я не могу даже этого сделать для нее.

— Ну, — сказал он с наглой ухмылкой. — Я могу из собственного опыта сказать, что существуют другие способы выразить любовь. Поцелуй это еще не все.

— Ты с Кимбер это другое дело, — вздохнул я. — И это не главная проблема. Было бы

алчно поступать так с моими чувствами, зная, что мне придется оставить ее.

Он развернул книгу в руках и уставился на нее.

— Переосмысли свои чувства о любви, Трейган. Она такая же прекрасная, как и наша жизнь, она не лучшее во всем мироздании. Но любовь да, — он повернулся ко мне лицом. — Поверь мне, ты никогда не узнаешь, какой захватывающей может быть жизнь, пока не позволишь себе влюбиться.

Я ходил по комнате для отдыха, наблюдая за Ярой через стекло. Она мирно плавала в темной воде. Свет луны проникал сквозь высокие окна, освещая ее кожу и волосы.

— Она восхитительна, аж дух захватывает.

— Отлично. Наслаждайся этим, — Дельмар открыл входную дверь. — Ты слишком долго ровно дышал.

Тихо щелкнула задвижка, и он ушел домой, чтобы увидеться с Кимбер и подготовиться к большому дню. Скоро взойдет солнце. Мне недостаточно времени, чтобы отдохнуть, но было кое-что, что хотел сделать до того, как очнется Яра. Я направился на кухню Коралин и перебрал ящички в поисках ножниц.

— Я больше не могу сидеть без дела, — сказала Яра, открывая стеклянную дверь. — Я очень волнуюсь за...

Она резко остановилась напротив кухонного стола и уставилась на меня. Я откинулся на спинку стула, потирая шею.

— Ты обрезал волосы, — ахнула она.

— Я хотел выглядеть как следует в твой особенный день.

Она подошла ко мне, внимательно изучая мою голову.

— Мне понадобится время, чтобы привыкнуть.

— Тебе не нравится? — я чувствовал себя дураком. Я схватил свой стакан сока и встал.

— Нет, я..., - она коснулась моей груди и взглянула на меня. — Ты выглядишь таким молодым.

— Этого хорошо или плохо?

— Хорошо, но, — она поджала губы. — Даже не так. Я могла бы чуть поправить все это, если ты хочешь. Я много лет подстригала своего дядю.

— У нас не много времени. Скоро нужно уходить.

— Где ножницы?

— В ванной.

К тому времени, как она вернулась с полотенцем и ножницами, она уж смеялась.

— Что смешного? — спросил я.

— Ты такой же, как и все парни. Даже не попытался убрать там беспорядок.

Я проскользнул мимо нее.

— Черт, я вышел попить и забыл.

Она схватила меня за руку и толкнула обратно на стул.

— Когда я закончу, тебе придется убрать больше волос. Сможешь прибраться, пока я буду готовиться.

Она обернула полотенце вокруг моей шеи и пробежала пальцами по моим волосам. Я закрыл глаза и изумлялся от того, как это приятно. Я хотел обвить ее своими руками, посадить на колени. Сделать что-нибудь, чтобы быть ближе к ней, но вместо этого я поджал

руки под себя.

Она вытащила две пряди волос, подстриженные до подбородка, и наклонилась, оценивая меня.

— Возможно, мне придется подстричь короче, чтобы все подровнять.

— Отлично.

— Трейган, — она с жадностью посмотрела на меня. — Если бы мы могли поцеловаться, то я определенно сделала бы это прямо сейчас.

Мои пальцы напряглись у меня под бедрами. Я хотел, чтобы она знала, что я чувствую то же самое, но это было бы несправедливо. Я откинулся назад, и мои волосы выскользнули из ее рук.

— Панго и Меррик скоро будут здесь.

Она нахмурилась, выпрямилась встала позади меня.

— Да.

Она наклонила мою голову вперед и начала работать. Единственным звуком после происходящего стал скрип чистого стального лезвия, который доносился при каждой ее попытке исправить тот беспорядок, который я устроил. Мои руки и грудь стали ярко белого и серебряного цветов, но они почти смешивались с моим обычным окрасом. Надеюсь, она не заметила, каким восторженным и счастливым меня делала.

Как только прибыли Панго и Меррик, Яра начала расспросы. Что нужно надеть? Что ей придется делать на протяжении дня? Придется ли ей разговаривать с людьми? И так далее.

Я тихо стоял рядом и веселился от того, что Панго будет ее новым учителем. Учитывая состояние Коралин, он вызвался взяться за работу сестры. Я предположил, что Фиалки согласились с тем, что ему нужно чем-то заняться, чтобы отвлечься от мыслей о сестре, и, кажется, это работало.

Несколько жемчужных шпилек были зажаты у него в губах, когда он бормотал:

— Яра, мой сверкающий лучик солнца, — он приложил несколько локонов к макушке и вынул шпильки изо рта. — Оставь это мне. Сегодня я буду твоим личным Сэром Гавейном.

— Моим кем? — спросила Яра.

— Сэр Гавейн. Один из рыцарей Короля Артура. Пример благородства.

— Я слышала только о Сэре Ланселоте.

— Ну что ж, — Панго протянул ручное зеркало и наклонился перед ней. — Все мы знаем, кто играет Ланселота, не так ли?

Ее взгляд встретился с моим в отражении в зеркале, и она покраснела. Панго посмотрел на меня через ее плечо и подмигнул.

— Яре нужно одеваться, — вмешался Меррик. — Мы уже опаздываем.

— Опаздывать модно, — Панго забрал у Яры зеркало. — Идите в будуар, моя леди! Ваше платье вас уже ждет, — он махнул ручкой зеркала, и она засмеялась, когда прошла в спальню Коралин. Панго посмотрел на меня и дважды дернул бровью, прежде чем последовать за ней.

Меррик беззвучно произнес:

— Что происходит?

— Не знаю.

Другие замечали наше повышенное внимание друг к другу, и это было не хорошо, но я

не был уверен, стоит ли мне держаться в стороне от Яры. Может, это было так же смертельно, как и находиться рядом с акулами. Я чувствовал себя виноватым за то, что не мог тогда ее защитить. Может Дельмар был прав? Может я был в нее влюблен?

Мы стояли и слушали, как Яра и Панго разговаривают и смеются в другой комнате. Я был уверен, что Меррик в буквальном смысле прикусил язык, желая напомнить мне, что отношения с Ярой были невозможны, будто я сам не знал об этом, каждый раз моргая ему в ответ.

— Джентльмены, — торжественно произнес Панго, выпрямившись во весь рост так, что его зеленые кудри задевали верхушку арочного прохода. — Позвольте представить вам упрямую, излишне любопытную, но одновременно очаровательную Леди Яру.

У меня перехватило дыхание, когда она вышла. Ее платье подчеркивало каждый изгиб тела. Глубокий вырез и собранные назад волосы вызвали во мне желание остаться с ней наедине так, чтобы я мог поцеловать каждый дюйм ее неприкрытой кожи.

Мои собственные мысли заставили меня вернуться обратно в реальность. И что потом? Превратить ее в камень? Что со мной не так? У меня никогда не было подобных желаний.

Яра сделала реверанс, и Меррик сказал, как прекрасно она выглядит. Все трое пристально посмотрели на меня.

— Ты выглядишь замечательно, — сказал я, пытаюсь быть непринужденным.

Панго поднял руки.

— Я работал над ней с головы до ног, а ты не можешь придумать ничего лучше, чем «она выглядит замечательно»?

Яра не обратила внимания на Панго и поблагодарила меня.

— У меня есть кое-что для тебя, — я потянулся в карман и вытащил браслет, подходящий к ее медного цвета отметинам. — На случай, если ты не заметила, каждый морской житель носит такой, а сегодня ты официально становишься частью нас.

Она подняла руку.

— Наденешь его?

Я обернул браслет вокруг шелковой кожи ее руки, и наши взгляды встретились.

— Внутри есть подарок для тебя.

— Спасибо, — улыбнулась она и закатила глаза.

Я хотел сказать, что там было не просто место застежки, но Меррик откашлялся и открыл входную дверь, поэтому мы все вышли.

Панго и Яра шагали впереди меня и Меррика. Я восхищался движениями бедер Яры когда она шла. Несколько свободных завитых локонов тихонько ударялись о ее шею сзади, а ее кожа между лопатками светилась на солнце. Она была прекрасна, но я не мог позволить подобным мыслям обуревать меня весь оставшийся день. Если Фиалки догадаются о моих чувствах или подслушают мысли, это вызовет массу проблем.

Сегодня я должен получить награду за равнодушие к Яре, что, учитывая обстоятельства, казалось невозможным.

Ни разу в своей жизни я не носила платье. При каждом сделанном мною шаге я боялась, что споткнусь и упаду на украшенный складками подол, приземлюсь лицом прямо в грязь и безнадежно испорчу наряд. У Трейгана был бы прекрасный вид, а я вновь была бы опозорена.

Панго сказал, что мое бирюзово-желтое платье олицетворяет воду и солнце, но почему символизировать солнце не мог удобный, короткий сарафан? Я никогда раньше не видела, чтобы парни носили рубашки, поэтому было очевидно, что ожидалось какое-то шикарное мероприятие. Но казалось, что им комфортно в своих коротких брюках цвета хаки и льняных рубашках, застегивающийся на пуговицы до самого низа. Мне тоже хотелось что-то более удобное.

Когда я осторожно подняла голову и оторвала взгляд от пола, то увидела морской народ, идущий по холму в сторону тихо гудящих голосов и какого-то движения. Солнце еще не взошло. Пешая прогулка с рассветом туда-не-знай-куда, где собирается толпа незнакомцев, заставляла нервничать меня еще больше.

Панго держал мою руку, когда мы подошли ближе.

— Готова?

Его мягкая рука казалась огромной. От этого мне захотелось, чтобы тонкие, грубые пальцы Трейгана сплелись с моими. Я повернулась к нему.

— Сделай вдох и успокойся, — сказал он.

Панго и я обогнули холм, который открывал взору огромную долину с озером посередине. Когда я увидела всех этих людей, мне захотелось развернуться и убежать отсюда. Трейган сказал, что их будет чуть больше сотни, но мне казалось, что их чуть ли не миллион.

Толпа народу, собравшаяся вокруг озера, была разных оттенков белого, серебряного, медного и золотого. Их волосы носили все цвета радуги. Одни сидели на покрывалах, другие — стояли и разговаривали. Несколько детей бегали и смеялись, ловя друг друга или бросая в воздух пляжные мячи.

— Мисс Яра! — закричала Кая. Она стояла почти в пятидесяти ярдах, энергично махая мне, в то время как рыжеволосый малыш тянул другую ее руку.

Несколько человек обернулись в мою сторону. Толпа затихала по мере того, как все больше людей смотрели на меня. Когда все замерли, настала тишина. Они все смотрели на меня. Я сжала руку Панго так сильно, что чуть не сломала ее. Но Панго даже не вздрогнул.

— Думаю, мне нужно что-то сделать, верно? — спросила я его, едва шевеля губами.

— Просто помаши им.

Я едва разжала пальцы, прежде чем помахала рукой из стороны в сторону. Словно по команде, все разразились аплодисментами. Испуганная, я взглянула на Панго, но он посмеялся и провел пальцем по моей щеке.

— Мы будем сидеть там. Оттуда открывается чудесный вид.

Я вновь посмотрела через плечо, но Трейган исчез. Я разглядывала людей вокруг нас в

поисках него, но Панго продолжал тянуть меня, поэтому я сосредоточилась на том, чтобы не наступать на свое платье.

Меррик расстелил на траве покрывало. Большинство людей вернулись к своим разговорам и сели лицом к озеру. Синие и Индиго стояли в нескольких футах друг от друга по всему периметру. Они стояли, глядя на небо и наблюдая друг за другом, словно ждали момента погрузиться в воду одновременно.

— Это безумие, — пробормотала я на ухо Панго. — Все эти люди сейчас тут только потому, что я превратилась в русалку?

— Да, сверкающая звездочка. Ты почти что знаменитость в мире морских чудовищ. И подожди, пока они не узнают, что вы с Трейганом влюблены друг в друга. Папарацци почувствуют, когда запахнет жареным!

— Что! Влюблены?

— О, да перестань. Видела, какая ты растерянная рядом с ним? Видела, как он смотрит на тебя и защищает, словно ты дорогое украшение?

— Он выполняет свою работу, — я снова искала Трейгана и нашла стоящим чуть подале от нас.

— Нет, серьезно, — Панго поправил одну из шпилек у меня на голове. — Я спрашиваю, кто-нибудь уже показывал тебя? Если нет, я сейчас же оставлю тебя в своей памяти и позволю наблюдать за волшебством, которое смотрим мы. Это лучше любого реалити-шоу, которое только может представить человек.

Воздух пронзил высокий, свистящий звук, прервав их беседу. Дельмар показывал на озеро. Трейган стоял в нескольких футах от него, прищурившись, смотря в том же направлении. Я взглянула туда, куда указывал Дельмар, и увидела, как первые лучи солнца выглядывают из-за горизонта.

Протрубили в раковину, и этот звук эхом разлетелся над озером. Толпа вновь погрузилась в тишину. Кто-то начал петь песню, которую я никогда раньше не слышала. Затем к ним присоединились все Синие и Индиго. На одной определенной ноте они хлопали руками по ногам, и на минуту, когда пение прекратилось, мне показалось, что началось землетрясение.

Ровная поверхность озера покрылась рябью. Затем вода стала подступать к берегу, создавая огромное отверстие в форме воронки. Отражение восходящего солнца растворялось в озере, рождая водоворот оранжевого цвета, но в его центре была пустая темнота. Я наклонилась вперед, почти ожидая, что огромная воронка поглотит всех нас, но в центре вспыхнул яркий свет цвета слоновой кости. Из воды что-то поднималось.

Панго оперся на мое плечо.

— Замок Парагон, являющийся в сказочном свете.

Перед нами поднялась самая высокая башня, затем еще одна, и еще, а следом появился и весь огромный дворец. Под водой я не придавала значения всему его изяществу. Снаружи он сверкал, как перламутр. Окна и двери, выполненные из разноцветного морского стекла, создавали над озером радугу. По мере того как он все больше возвышался над нами, с его крыш и стен стекала вода, словно замок был гигантским богом, поднимающимся из ванной.

В этот момент я поняла, что почти не дышала.

— Он великолепен, — произнесла я на выдохе.

— Не то слово, — вздохнул Панго, держа мою и Меррика руки.

Когда замок полностью вышел на поверхность озера, я увидела Трейгана. Он и другие

окружающие периметр застыли в том же положении, в каком и были: руки по швам, пальцы широко разведены, а сами неистово сосредоточены на воде.

— Они подняли его? — спросила я Панго.

— Морской народ расположен тут, наверху, и внизу, под водой, работая вместе и контролируя потоки воды, чтобы поднять замок. Затем под ним они создадут что-то в роде тарелки из затвердевшей воды, поэтому он останется на поверхности до конца твоего праздника.

Чертовски круто.

— Они делают это для каждого новенького?

— Что я могу сказать? Нам только дай повод для праздника.

Я разглядывала толпу. Большинство людей смотрели с улыбкой, но кто-то почти не обращал внимания. Как по мне, так сверкающий замок, появляющийся из озера, был самым невероятным зрелищем, которое я когда-либо видела. Но большинство морских жителей смотрели на все без особого энтузиазма.

Меррик выглянул из-за Панго и подмигнул мне.

— Подожди, пока не увидишь вечеринки, которые мы внесли в наш мир.

Это все объясняло. Такое зрелище, как мне показалось, возможно, было привычным для этих людей. Но что могло быть лучше?

Мой взгляд упал на Трейгана, и ответ напросился сам собой. Он, его присутствие, делали все намного лучше. Даже на расстоянии я могла видеть его мускулистые, напряженные руки. Парень способен поднять замок в воздух. Завидуй, Золушка.

Главные двери замка открылись, и Андреа с Каспианом направились туда первыми, следом шли остальные Фиалки. Как и весь народ, они были одеты в роскошные одежды. Я была благодарна Коралин, за то, что она заранее подобрала для меня подходящее платье.

— Каспиан и Андреа похожи на короля и королеву Фиалок, верно? — спросила я.

Панго усмехнулся.

— По их мнению, нет, но мы все думаем, как ты.

— Почему?

Он провел ногами по траве.

— Ты знаешь о дне, когда ворота закрылись, да?

Я с грустью кивнула.

Он накручивал траву вокруг своих пальцев.

— Никого из Фиалок не было в этом мире, когда горгоны наслали заклятье. Фиалки, Индиго и Синие редко покидают наш мир. Когда Каспиан и Андреа поняли, как много морских жителей будут здесь в ловушке, они предпочли остаться с нами. Пока все пробивались через ворота, чтобы попасть домой, эти двое оставили Рате и добровольно согласились помочь нам выжить, — его глаза наполнили слезы, а Меррик, гладил его по плечу, успокаивая. — Можешь такое представить? — Панго шмыгал носом и начал обмахиваться, чтобы не заплакать. — Какая самоотверженность. Они великие герои.

Я с глубоким уважением посмотрела на Каспиана и Андреа. Не то, что бы я и раньше не была о них высокого мнения, но, Боже мой. Они оставили мир, который любили, ради неизвестного. Ровнан говорил, все думали, что запертые тут, умрут. Они знали, что могли умереть, но все равно пошли на это.

Я могла только мечтать о такой смелости.

Каспиан начал свою речь, приветствуя каждого и благодаря всех за то, что пришли

сюда. Когда я вновь взглянула на Трейгана, он наблюдал за мной. Я выпрямилась, смущенная его вниманием. Я тихонько помахала ему, но он отвернулся, сосредоточив свое внимание на Андреа, произносившей речь.

А потом я услышала свое имя.

Я не поняла, почему Андреа произнесла его, но она остановилась, и все посмотрели в мою сторону...

Я потянулась к руке Панго, но тот одернул ее.

— Иди, — потребовал он. — Андреа просит тебя присоединиться к ним.

У меня тряслись руки. Не сильно, но достаточно, чтобы я долго мусолила в руках юбку, пока вставала. Травянистый путь от меня до замка составлял приблизительно двадцать футов, но мои ноги дрожали. Я бы споткнулась или убежала от страха, я точно знала это. Слишком много народа пристально наблюдало за мной.

— Яра, пожалуйста, присоединись к нам, — повторила Андреа громко, но любезно.

Я не могла идти. Панго толкнул меня в голень, но страх приковал меня к земле. Щebetали птицы, люди вокруг ерзали на своих покрывалах, а дети хихикали и перешептывались.

Рядом со мной появился Трейган. Он поднял свой локоть, предложив мне руку. Я схватилась за нее, как за спасательный круг.

— Глубоко вдохни, — прошептал он, широко улыбаясь Андреа. — Возможно, Яра в замешательстве от того, что не знает, как добраться до замка. Дельмар, Сиксель, мост, пожалуйста.

С Трейганом тишина не казалась такой оглушительной. Люди расслабились и вновь закопошились. Дельмар и еще один Индиго встали напротив входа в замок. Струя воды отделила их от Фиалок. Они оба сделали простой жест рукой, и вода заструилась вверх, формируя прозрачный мост.

Трейган положил свою свободную руку на мою. Я впиалась в него ногтями, но не могла ослабить хватку.

— Пройдем? — спросил он, делая шаг вперед. Каким-то образом я оторвала свои ноги от земли, и прошла рядом с ним. С каждым шагом я чувствовала себя немного лучше, понимая, что Трейган не даст мне упасть. Но, когда я ступила на мост, он отпустил мою руку.

— Эту часть пути ты должна пройти сама, — мягко сказал он.

Я взглянула мост, потом на Фиалок. Они оба стояли на другой стороне и улыбались. Мост был недлинный, но без перил, к тому же сквозь него все было видно. Это окончательно убедило меня в том, что я свалюсь в воду.

Дельмар сделал сопроводительный жест, убеждая меня перейти на другую сторону.

Я мысленно повторяла слова Трейгана. Глубоко вдохни. Глубоко вдохни. Но я вновь остановилась, как вкопанная. Дыхание Трейгана согрело мое ухо:

— Чем скорее ты пройдешь, тем скорее сможешь вернуться сюда, ко мне.

Это все, что было мне нужно. Я прошла вперед, а по коже пробежала дрожь. Что бы Фиалки не хотели от меня, я надеялась, они сделают это быстро. Я хотела вернуться к Трейгану, как можно скорее.

Каждый из Фиалок крепко обнял меня, словно знал всю жизнь. Один из них вынес стул, сделанный из камня и дерева. Каспиан положил на сиденье сверкающую ткань, а Андреа пригласила меня присесть.

Панго упоминал, что мне придется долго сидеть, пока каждый не подарит мне подарок, символизирующий их пожелания мне и моему будущему. Я представляла себе, что это будет попозже в тот же день, но после того, как я присела и взглянула на травянистый берег озера, то увидела становящихся в линию людей. Трейгана среди них не было.

Каспиан вышел первым, протягивая мне огромную жемчужину, каких я раньше никогда. — Яра, желаю тебе бесконечной радости.

— Спасибо, — я сделала слишком большую паузу, прежде чем вспомнила, что должна сказать что-то в ответ. — Желаю вам того же.

Он поцеловал мне руку и ушел. Слава богу, Панго сказал мне, что нужно говорить. Тем не менее, я понятия не имела, что отвечать в ответ.

Андреа коснулась пальцами моего плеча.

— Ты можешь уже сейчас положить ее в свою чашу.

— Что? — я взглянула на нее и на чашу, которую она держала. Панго не упоминал никакую чашу.

— Ты принимаешь каждое желание, будучи новичком.

— О, верно, — я положила жемчужину в чашу, и она скатилась, испуская ровный, свистящий звук.

— Не нужно извиняться, — улыбнулась Андреа. — Они сохранятся у тебя.

Коренастая Фиалка с пухленьким пальцами протянула мне жемчужину, меньше, чем подаренная Каспианом, но очень миленькую, красновато-лилового цвета.

— Желаю тебе безмерного и искреннего смеха.

— Благодарю, — я заразительно усмехнулась и улыбнулась в ответ на ее пухлощековую улыбку. — Желаю тебе того же, — я полюбовалась жемчужиной, прежде чем опустила ее в чашу.

Следующая русалка подошла очень скромно.

Мы продолжали в том же темпе еще очень долго. Почти все дарили мне жемчужину, чем-либо отличающуюся от предыдущих. Большую, маленькую, идеально ровную, овальную, черную, серебряную, цвета шампанского и всех оттенков, какие только я могла себе представить. Где-то с двенадцатой я начала спрашивать каждого, где они ее нашли, и какая это была жемчужина. Это приводило к тому, что люди делились историями о том, почему они выбрали именно ее, или что она значит для них. Это делало каждую жемчужину и каждого человека еще более особенным для меня.

Панго подарил мне морское ушко в стиле барокко, жемчужина самой необычной формы, какую я только получала. Сине-зеленый цвет напоминал мне перья павлина. Он объяснил, что такая жемчужина очень редкая и таинственная, как он и я. Поцеловав мою руку, он отошел в сторону.

В этот момент я впервые увидела Кимбер.

Рядом с ней стоял Дельмар, его руки обхватили ее изящную талию. Ее сверкающие глаза были в тон, кудрявых, небесно-голубых волос. Кожа девушки была такой же бледной, как и у Дельмара, но отметины были серебряного цвета. В то время, как на его лице была сияла огромная улыбка, Кимбер стояла с закрытым, каменным ртом.

— Яра, это Кимбер, — объявил Дельмар. Выглядел он в сто раз счастливее, чем я когда-либо видела. Его кожа и метки были желтоватого оттенка. — Любовь всей моей жизни.

Кимбер шагнула вперед. Ее глаза излучали улыбку, но губы, как было понятно, не шевелились. Она протянула мне блестящую жемчужину в форме капельки серебряно-синего

цвета. Затем дала маленькую открытку. Внутри нее было написано следующее:

«Дражайшая Яра,

Я хочу пожелать, чтобы ты всегда следовала зову своего сердца. Невзирая на опасность.

С любовью,

Кимбер.»

Я встала и обняла ее.

— Благодарю тебя, Кимбер, и желаю тебе того же.

Она сжала меня еще сильнее, и Дельмар тихо посмеялся.

— Она оказывает на меня такое же влияние. Но не будем задерживаться, твои фанаты ждут.

Я села обратно, смотря, как она удаляется и становится рядом с Панго. Участки ее кожи были испещрены лиловыми полосами. Я задалась вопросом, какие чувства все это вызывало в ней. Дельмар вложил в мою руку черную жемчужину, и я с ужасом осознала, что еще не положила жемчужину Кимбер в чашу.

— Все в порядке, — он прикрыл пальцами обе жемчужины в моей ладони. — У нас общее пожелание, — он присел передо мной на корточки, все еще держа мой кулак в своей руке. — Яра, желаю тебе, чтобы ты смотрела вглубь человеческой натуры, пропуская мимо любые слабости, препятствия или каменную внешность, потому что лишь сердце и душа имеют значение.

Разве могла я хоть раз допустить мысль о том, что этот милый, сентиментальный мужчина напротив меня был напуган?

— Спасибо, Дельмар, — мой голос дрогнул. — И тебе желаю того же, — теперь эти слова казались мне забавными. Он уже пропустил из виду каменную внешность Кимбер. Я никогда раньше не видела пару, которая так явно была влюблена друг в друга.

Но цепочка людей все еще собиралась позади него. Несколько человек подарили мне драгоценные камни, но они тоже имели свою собственную интересную историю о том, почему выбрали именно этот подарок. Я ощущала связь с каждым.

Спустя сотню морских жителей, вручение подарков закончилось. Андреа сказала мне, что в замке чаша будет в сохранности и ее принесут мне сегодня ночью. Я чуть не начала спорить, что это еще не все.

В цепочке не было одного русала.

Трейган еще не подарил мне подарок и ничего не пожелал. Прежде чем я смогла что-либо сказать, Андреа объявила о начале завтрака. Все заликовали, и Каспиан предложил мне свою руку, что помочь пройти через мост.

Никто не ждал меня на другой стороне.

На протяжении всего завтрака блинчиками и французскими тостами, я искала хоть какие-нибудь признаки присутствия Трейгана, но он был на службе.

Позже меня везде сопровождал Панго, рассказывая о родах деятельности, мероприятиях и обычаях. У них были состязания в беге, плавании, конкурсы на лучшую скульптуру из песка, шоу синхронного плавания, живой музыки и фэйс-арта — этот список можно было продолжать бесконечно.

Соревнования по серфингу были впечатляющие, в особенности из-за того, что несколько Индиго и Синих стояли на суше, создавая неестественно высокие, вычурной

формы волны для соревнующихся. Принимавший участие Меррик выполнял на своей доске невероятные трюки. То же самое выполняла Кая и ее клан.

Были еще гонки на гидроциклах. Панго руководил мероприятием, поэтому я спросила Меррика, откуда они взяли так много гидроциклов. Он лишь усмехнулся и сказал, что Солис полон тайных сюрпризов.

— Морскому народу нравится играть, — добавил Дельмар, снимая с себя рубашку и протягивая ее Кимбер. — У нас есть довольно неплохая коллекция игрушек, — он поцеловал Кимбер в лоб, а затем побежал на пляж и запрыгнул на гидроцикл.

Наблюдая за тем, как Кимбер и Дельмар были романтичны и милы друг с другом весь день, я хотела поцеловать Трейгана еще сильнее, чем прежде.

На протяжении всего дня я ловила его мимолетные взгляды, относящего подносы с едой на обед, поднимавшего ребенка на стул, чтобы раскрасить ее лицо, подававшего сигареты довольно приятным людям, — но между нами всегда было слишком большое расстояние. Несколько раз наши взгляды встречались, но либо он отворачивался, либо кто-то заговаривал со мной. К тому времени, как я поднимала на него глаза, он снова уходил.

Даже с окружавшей меня толпой людей, я чувствовала себя покинутой, хотя некоторых я уже считала друзьями. Почему перед тем, как я пошла по мосту, Трейган произнес те слова, если не собирался проводить сегодня со мной время? Разве я сделала что-то не так?

На закате ужин провели уже за столами. Факелы в форме Бога Тики горели вокруг столов, покрытых богато украшенными скатертями. В центре каждого стола стояли искусные цветочные композиции. Напитки были разлиты по скорлупкам кокосового ореха, а еда выглядела и пахла очень аппетитно.

— Ого, они превзошли самих себя, — сказала я Кимбер, сидевшей рядом со мной. Она кивнула, и я отхлебнула из своего стакана. — Ммм, что это?

Панго сидел напротив меня и поднял свою кокосовую чашу.

— Шампанское Гуава. Обалденное, не правда ли?

Все подняли свои чаши и произнесли тост. Но это продолжалось до тех пор, пока Кимбер не опустила свой стакан, не сделав глотка. Тут меня осенило. Моя чашка с грохотом упала рядом с тарелкой.

— Ты не можешь... Боже мой, ни разу за весь день я не подумала..., - как бы вы вежливо спросили о неспособности есть или пить?

Кимбер прищурилась и пожалала плечами, словно хотела сказать, что все в порядке. Она коснулась моей руки, затем откинулась назад и сжала плечо Дельмара. Он и Сиксель разговаривали, но Дельмар поднял палец, прерывая разговор со своим другом Индиго, и взглянул на Кимбер. Она сделала несколько быстрых жестов рукой.

— Конечно, — сказал Дельмар. Он улыбнулся мне. — Не волнуйся, Яра. Она может и есть, и пить. Уже почти как булочка с безнадежным пристрастием к сладкому.

Кимбер закатила глаза и потрясла головой.

— Но как? — спросила я.

— У нее в желудке стоит Г-образная трубка, — ответил Дельмар, словно это было чем-то обыкновением.

Я разглядывала живот Кимбер, словно ожидала, что трубка будет торчать из-под ее платья.

— Ты не можешь попробовать еду на вкус? — она покачала головой. — Мне жаль, — она сильнее покачала головой и помахала руками.

— Не нужно сожалений, — сказал Дельмар. — Кимбер не любит слова жалости.

Я накрыла салфеткой свою тарелку с едой.

— Мы не можем сидеть тут, есть и пить, пока Кимбер не может ничем насладиться.

Дельмар обнял ее за плечи. Она наклонила голову, удерживая на мне взгляд своих синих, как лед глаз. Дельмар будто озвучивал ее мысли.

— Она живет так уже несколько десятилетий. Едва помнит хоть какие-нибудь вкусы, поэтому не сильно скучает по ним. Час назад мы тихонько сходили домой, и она поела, поэтому сама ешь и пей. Наслаждайся.

Я старалась не смотреть на нее с жалостью, но не могла представить, на что похожа ее жизнь. Без еды, без напитков, без разговоров.

— О, Боже, — простонала я, падая головой на руки. — Я такой ужасный человек.

Кимбер убрала руки от моего лица и вопросительно подняла бровь.

— За весь день у меня не возникло мысли, что ты и я можем поговорить, только если мы будем под водой. Я бы хотела посидеть, или, вернее поплавать, где-нибудь, чтобы лучше узнать тебя.

В ее глазах загорелся огонек, и она быстро кивнула. Каменные губы на ее бледном лице не были совсем невыразительными. Они застыли маленьким бантиком, а уголки были чуть вздернуты вверх. Должно быть, в таком положении они были, когда Трейган поцеловал ее. Она почти улыбалась.

Кимбер была живым доказательством того, что могло случиться со мной, если бы следовала желанию заполучить Трейгана. Что бы она сказала мне, если бы знала о моих чувствах к нему? Держаться от него подальше? Не приближаться? Я допила свое шампанское и старалась не думать об этом.

На сцену вышел русал и объявил о потерянных и найденных вещах, затем дал знак группе, чтобы начать играть. Пока солнце садилось за холм, все заканчивали с ужином. Я не могла есть. У меня пропал аппетит. Почему Трейган не подходил ко мне весь день? От мыслей о возможных причинах у меня скрутило желудок.

Как только отодвинула от себя десерт, то оглядела столы, за которыми сидел разноцветный морской народ, ища его. И, наконец, через четыре тускло освещенных стола, я увидела его. Он сидел, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной.

Я не понимала, почему, но взглянула на Кимбер и поджала губы. Только когда он склонил голову, вышел из-за стола и ушел с праздника, я осознала, как безрассудно вела себя.

— Кимбер, если ты не будешь это пить, — я указала на ее шампанское, — не возражаешь, если я возьму?

Она передала мне чашку, и Панго со смехом сказал:

— За Яру, преодолевающую свою застенчивость!

Я залпом выпила шампанское и пристально посмотрела на темный холм, за которым исчез Трейган.

Я никогда не был на полуночной вечеринке «лундеву». Джек и его спутница Ева бывали там каждые выходные, но я всегда обходил ее стороной. Они были совсем сумасшедшими, и без Виенны вечеринка уже не была вечеринкой. Но сегодня вечером мне пришлось прийти туда, и тонкие вибрации уже играли по моему телу.

Джек таинственным образом убедил какую-то богачку, провести концерт в ее усадьбе, пока той не было в городе. Ева выбрала тематику шикарного южного побережья. Сверкающие водяные лилии плавали в светящемся зеленом бассейне. Огоньки были и вне бассейна: в белых круглых бумажных фонариках, натянутых в воздухе, подсвеченных ледяных скульптурах, полупрозрачных шарах, вокруг внутреннего дворика. Даже в ножках бокалов для вина и мартини были огоньки.

Диджей всю ночь ставил крутые миксы. Люди повсюду танцевали. Морской народ может и был одарен способностью хорошо петь, но ни одна живая душа не сравнится с Селки в танцах. Я любил, когда мой народ вел себя помпезно. Мой желудок продолжало скручивать от волнения и чувства вины. Я скучал по танцам с Виенной. Ей бы понравилась эта вечеринка.

Дина упала в кресло рядом со мной

— Похоже на луну, да?

— Что? — проворчал я, убирая ее ноги с моего бедра.

— Это кресло. Оно большое, белое и круглое, как луна.

— Кажется, будто я сижу в яйце.

— Веселей, брызга. Пошли танцевать со мной.

Я всю ночь качал головой по ритм битов. Танцы снимали с меня напряжение, но Дина была одета в эту пошлую, светящуюся фиговню, сводившую меня с ума.

— Я жду Никси.

— Будто Никси не объявит о себе в ту же секунду, как появится, — она дернула меня за серьгу. — Мы могли бы незаметно скрыться в домике и немного попрактиковаться, пока не придет Яра.

— Мне не нужна практика. Она выпьет из меня.

Дина выловила кубик льда из своего стакана и провела им по своей шее и груди. В этом не было ничего сексуального, просто ночной воздух был влажен. Мы все хотели бы посидеть в баре «У Джека Фроста», но вечеринку устроили специально в честь Яры, чтобы не заморозить ее до смерти.

— Ты ведь понимаешь, что в тот момент, когда она выпьет твоей крови, ты захочешь съесть ее?

— Есть лишь один человек, которого я хотел бы съесть.

Она кинула мне то, что осталось от кубика льда.

— Я в бассейн. Ева заморозила его, офигенное ощущение.

Я кивнул ей в ответ и наблюдал, как она важно пошла прочь в своем черном бикини. У нее были потрясающие ноги, но у Виенны они были в десять раз лучше.

Над бассейном пронеслась крылатая тень. Я взглянул вверх, чтобы увидеть Никси, порхающую над землей рядом с одним из домиков. Я резко встал, но Джек опережал меня шагов на пять. Он держал белое полотно, пока Никси нырнула за дом с потерявшей сознание Ярой в руках.

— Не спрашивай ни о чем, — шикнула Никси на Джека, когда я вошел в домик. — Мы опоздали, потому что там была сотня находившихся поблизости морских жителей.

— Что случилось? Почему она без сознания? — я сел рядом с Ярой на шезлонг.

— С ней все в порядке, — огрызнулась Никси. Ее голос опустилась до шепота. — Мне пришлось ее вырубить, чтобы она не пиналась и не кричала. Ты понятия не имеешь, как близко мы были к тому, что нас мог поймать Дельмар. Он следил за ней, как голодный хищник.

— Тебя кто-нибудь видел? — спросил Джек.

Крылья Никси встрепнулись.

— Нет.

Яра зашевелилась и тихо застонала.

— Чшшш, все хорошо, крошка, — я убрал с ее лица небрежно лежащие пряди.

Никси приняла человеческое обличье. Поток воздуха от ее крыльев исчезли, развевая тканевые занавески домика.

— Ровнан? — пробормотала Яра, поморщившись от смущения.

— Привет, — я сжал ее руку. Как, черт возьми, я мог объяснить ее появление тут? Джек ничего не говорил про эту часть плана, а я, дурак, даже не спросил.

— Посмотри на себя, тусовщица, — перебила Никси, отталкивая меня с пути. — Проснулась, наконец?

— Что? — Яра протерла свои глаза. — Где я? Куда ты меня притащила?

— О, только не говори мне, что ты не помнишь, — Никси провела красными ногтями по предплечью Яры. — Мои сестры и я пришли на твой праздник, чтобы поздравить тебя, но ты ушла, и никто не знал, где ты. Когда я нашла тебя, — голос Никси стал нише и погрузился, — ты была одна и плакала по Трейгану. Не говоря уже о разбитой бутылке шампанского.

— Я? — спросила Яра.

Ее губы были красными и опухшими. Я взглянул на Джека, осознавая, что Никси высосала из ее памяти воспоминания о похищении из Солис. Джек лишь пожал плечами.

— Да, ты, — убеждала ее Никси. — Я сказала тебе, что Ровнан устроил для тебя вечеринку, и ты попросила меня доставить тебя сюда. То шампанское должно быть сильно ударило тебе в голову, потому что ты была без сознания, пока мы летели.

— Летели? — Яра села и оглянулась. — Но... Я не помню. Разве... что... Панго знает где я?

— Разумеется, — поддакивала Никси, кружа вокруг Яры. — Он взял с меня обещание доставить тебя домой к восходу.

Яра ни за что не купилась бы на это. Она выглядела растерянной и озадаченной, но, в конце концов, поняла бы, что Никси несет ахинею.

— Ты устроил для меня вечеринку? — спросила меня Яра, моргнув несколько раз.

— Ты не слышишь музыку и всех этих людей? — Джек отодвинул белую ткань, отделявшую нас от окружающего мира. — Они все здесь ради тебя.

— Ого, — пропищала Яра. — Выглядит очень мило.

Я проследил за ее взглядом. Все из моего вида танцевали в светящемся бассейне и за его пределами, производя глубокое впечатление.

Вошла Дина со светящимся в руках бокалом.

— Привет, Яра. Я Дина. Очень приятно наконец-то с тобой познакомиться.

Джек забрал у нее напиток и протянул его Яре.

— Выпей, — сказала Никси.

Яра отпила содержимое, похожее на мартини, но я предполагал, что в бокале было что-то покрепче водки. Обсуждали ли тайно без меня то, как заставить Яру проглотить это?

— Джек, покажешь мне, где тут бар? — спросила Никси.

— Конечно, — Джек помог ей встать с шезлонга. — Надо оставить Ровнана и Яру навестать упущенное, — он похлопал меня по плечу, когда выходил с девушкой из домика.

Яра похлопала по подушке рядом с ней.

— Сядь.

Я сел рядом, положив ноги на шезлонг.

— Хорошенькая нерпа, — грубо сказала Яра, а потом посмеялась и сделала еще один глоток.

— Никси права, ты пьяна.

— О, пожалуйста, — она откинулась назад и положила свои обнаженные ноги мне на живот. — От нескольких-то бокалов шампанского.

— Нескольких? Ты в жизни ни разу не пила ничего алкогольного, — я попытался забрать у нее светящийся бокал с мартини, но она держала его над головой, расплескивая содержимое на платье, и смеялась.

— Моя вечеринка. Мои правила.

— Хммм, ты так думаешь?

Она кивнула, как статуэтка с качающейся головой. В ее опьяненном состоянии было что-то милое... что-то менее напряженное и не такое болтливое.

— Мне нравится музыка, — она постукивала ножками по моим ребрам.

— Можем пойти танцевать, если хочешь.

— Но у меня кружится голова.

Последние несколько недель, что мы были парой, или кем-то там еще, были игрой, но удовольствие между нами было настоящим. По привычке я взял ее за ногу и помассировал голень. Она вздохнула и расслабилась.

— Ты же ела хоть что-то, да? Алкоголь сильно ударит тебе в голову, если будешь пить на голодный желудок.

— Ммм, я ела блинчики.

— Блинчики? — было почти одиннадцать часов вечера. Морские жители никогда не предлагали блинчики на приветственный обед. — Хочешь сказать, что в последний раз ты ела только за завтраком?

Она захихикала.

— Очень дооооолгий день.

— Черт, Яра, тебе надо поесть. Я принесу тебе чего-нибудь, — я поднялся, но она села передо мной и крепко схватила меня рукой.

— Не оставляй и ты меня, — ее голос был таким, словно она вот-вот заплачет.

— И я? — я сел обратно. — Кто еще тебя оставил?

— Трейган, — произнесла она сквозь опухшие губы. — Он не может поцеловать меня. Я

думаю, он меня ненавидит. Он даже не пожелал мне ничего.

О чем вообще она болтала? Трейган никого не мог поцеловать. Я положил ее на подушку.

— Не стоит расстраиваться из-за Трейгана. Я никогда не оставлю тебя, но тебе нужно поесть. Я вернусь через пару минут.

Один чизбургер, полдюжины закусок, три стакана воды и семь песен спустя, мы были на танцполе, выгоняя с потом весь алкоголь, какой был в Яре. Окруженные сорока танцующими Селки, она была неуклюжей, а странные движения казались еще хуже.

— Ты ужасно танцуешь, — прокричал я Яре, пытаясь не трясти головой, пока она дергалась взад-вперед.

— Знаю, но я умею петь, — она подняла локти вверх, изображая жалкую версию танца маленьких цыплят.

Я вытер с лица пот и глянул на бассейн. Люди прыгали в него, чтобы остыть, прежде чем снова отправиться танцевать. Кто-то танцевал прямо в воде.

— Идем, — настаивала Яра. — Эта жара, должно быть, убивает тебя.

— Я бы позвал тебя с собой, но вода всего 34 градуса.

— И я уверена, всем Селки понравится мой русалочий хвост, хлопающий по бассейну.

Я поцеловал ее влажную от пота руку.

— Потанцуй с Диной, пока меня не будет.

— Я хочу отдохнуть. Немного нехорошо себя чувствую.

Никси вписала меня в сознание Яры, когда забрала ее с острова. Она видела, как та пила без остановки в течение двух часов, после ужина. Когда Яра улизнула в сторону ванной, Никс нашла ее в обнимку с унитазом, холодную и порытую потом. Никс не могла сказать, что было причиной: большое количество выпитого или же первый признак жажды.

— Что такое? — спросил я ее.

— Мне просто нужно подышать, — ответила она, отворачиваясь.

Двадцать минут спустя, когда я вошел в домик, Яра лежала на диванчике, свернувшись калачиком. Дина прикладывала к ее лицу влажное полотенце.

— Обещаю, что так и случится, — шептала ей Дина.

— Нет, — стонала Яра.

Я сел рядом с ними.

— Что происходит?

Дина собрала волосы в хвост и покачала головой.

— У нее начинается жажда, но она отказывается пить кровь.

Я широко открыл глаза. Могла ли она быть деликатнее, говоря об этом?

— Успокойся, — продолжала Дина. — Она знает, что пила кровь у тебя дома. Они с Трейганом говорили об этом, и она обещала никогда больше этого не делать.

Черт. Теперь убедить ее выпить моей крови будет почти невозможно.

— Яра, — сказал я мягко, глядя ее ноги. — Будет только хуже. Тебе придется выпить, чтобы остановить боль. Чем скорее ты это сделаешь, тем меньше будешь страдать.

— Нет, — спорила Яра, поворачиваясь ко мне лицом. — Боль пройдет. Если я перенесу

это, не выпив кровь, то больше никогда не захочу этого снова.

— Ха! Кто тебе это сказал? — спросила Дина.

— Трейган.

— Откуда он знает, как это действует? — проворчала Дина.

Мы с Диной знали, что Трейган на себе испытал жажду, когда мы были детьми

— Поверь мне, — продолжала лгать Дина, — боль не пройдет, и ты всегда будешь жаждать еще глотка, — она подмигнула из-за спины Яры и бросила мне на ноги влажное полотенце. — Меня не будет рядом, чтобы наблюдать, как ты увядаешь от боли, но я поделюсь с тобой способом, который ее остановит.

Привычным для Селки образом, Дина схватила меня так быстро, что я даже не успел среагировать. Она вонзила свой коготь в мое предплечье открывая длинную рану. Кровь потекла мгновенно.

Яра выглядела взбешенной. Она облизала губы, но отвернулась.

— Уберите это от меня!

Я закрыл рану полотенцем и свернулся калачиком позади нее, обвивая ее талию некровоточащей рукой.

— Извини, — прошептал я. Я ненавижу смотреть, как она мучается. — Мне следовало предупредить тебя о том, что было у меня в холодильнике. Ты не должна проходить через это.

— Такое ощущение, будто меня тошнит, — простонала она.

— Знаю, но этого не будет, — я убрал мокрые волосы с ее лица. Девушку трясло. Трейган не мог рассказать ей все, иначе она не согласилась бы остаться на вечеринке. Не говорила бы со мной, и уже тем более не позволила мне или Дине заботиться о ней. Но они говорили об особенностях нашей крови. Она сама поняла, что пила кровь, или это выяснил кто-то другой? — В первый раз ты тоже плохо себя чувствовала?

Она покачала головой.

— Я смеялась.

— Тогда почему ты не хочешь пить сейчас?

— Потому что это отвратительно.

— Почему? Это наш способ делить себя с другими.

Она взглянула на меня через плечо, почти трясась.

— Ты пьешь кровь.

— А ты ешь еду.

Ее зубы стучали.

— Что это 3-значит?

— Ты ешь, чтобы выжить. Еда обеспечивает тебя энергией. Я видел, как ты ешь гамбургер и стейк. Ты ведь не отрицаешь, что в том мясе когда-то была кровь? Ты же поглощаешь жизненную силу животного, которое умерло, поэтому ты остаешься сытой?

Яра уставилась на меня, выпучив глаза.

— То, что мы делаем, не так уж плохо, — продолжал я. — Мы делимся. Мы не убиваем и не едим друг друга. Мы делимся кровью, чтобы другие были сильнее, здоровее, счастливее или влюблялись. Энергия наших душ пробегает через кровь так же, как с виду носятся в воде морские жители. Мы не хуже вас, просто другие.

Ее взгляд метнулся на полотенце на моей руке, сквозь которое проступило красное пятно. В ее глазах загорелась жажда, но она потрясла головой.

— Нет. Я русалка, не Селки, — она прижала колени к груди, обвивая их руками. — Если я глотну сейчас, то мне придется пить ее всегда.

Не всегда, подумал я. До Дня Троицы Восемнадцатилетних осталось меньше двух недель... — напоминание о том, что я не мог принять «нет» в качестве ответа.

— Инстинкт Селки у тебя в крови. Ты всегда будешь испытывать жажду, — это было так. Мне пришлось сказать ей. Я не был уверен, что она услышала меня, поэтому прильнул губами к ее уху. — Яра, твой отец был Селки.

Она завертела головой так быстро, что ударила подбородком под лоб.

— Ложь.

— Клянусь жизнью, это правда.

Яра застонала, а ее зубы стучали при попытке ответить.

— Он был смелым и сильным, — тихо сказал я. — И я уважал его.

На ее глазах навернулись слезы.

— Ты знал моего отца?

— Да. Еще до того, как он превратился в человека и ушел.

На секунду она выглядела так, словно хотела что-то спросить, но потом ее грудь дернулась вперед и она ахнула:

— Ой! Что это?

— Что такое?

— Ощущение, будто меня бьют током.

— Становится хуже. Пожалуйста, позволь мне помочь тебе, — я убрал полотенце со своей руки и затронул рану, кровь снова потекла. — Ты не можешь противиться своим генам. Видеть тебя такой, убийственно для меня.

Она облизала губы и потерла темные круги под глазами. Ее руки безудержно тряслись.

— К-к-клянешься душой В-В-Виенны, что мой отец был С-селки?

— Клянусь, — и я поднял руку. После долгой паузы, она взяла ее в свои руки и потянула мою кровоточащую рану к своим губам. Сильно сглотнув, она подалась вперед.

Но тут музыка остановилась, и громкий треск снаружи отвлек ее внимание. Кто-то прокричал ее имя.

— Черт побери! — я спрыгнул со своего места. Мы хранили место вечеринки в строжайшем секрете. Как он нашел нас? Когда я вышел из домика, то увидел Трейгана, окруженного сорока разозленными Селки. Я прикрыл рану и еле слышно выругался.

Оказывается, бывают и худшие времена.

Когда я увидел Ровнана, выходящего из домика, мне не пришлось спрашивать, где Яра. Я прокладывал себе путь сквозь толпу, но Джек схватил меня за руку, прежде чем я настиг своего братца-психа.

— Вход только по приглашению, — сказал Джек.

Я посмотрел на его руку.

— Убери ее от меня, пока я не превратил ее в камень, — он инстинктивно отпустил меня. Я слышал и чувствовал, как позади меня собирается сборище. — Скажи своим подручным отойти.

Ровнан подошел ближе ко мне.

— Твои угрозы не сработают со мной, Трейган.

— Я превращу в камень Джека вместо тебя.

— Ты этого не сделаешь, — прорычал он.

— Посмотрим.

— Она хочет быть тут. Она вольна принимать собственные решения.

— Тогда почему ты отправил Никси, чтобы украсть ее? — я оттолкнул его плечом, освобождая путь в домик.

Яра забила в клубок на диванчике, трясущаяся и покрытая потом.

— Насколько тебе плохо? — спросил я, опускаясь перед ней на колени.

— М-мой о-отец был С-с-селки?

Я сделал глубокий вдох.

— Прости. Я хотел тебе рассказать.

Ее налитые кровью глаза не могли сосредоточиться, а покрытые пятнами щеки были таким не только из-за болезни. Она плакала. Ее сильнее трясло.

— Я забираю тебя отсюда, — сказал я и начал поднимать ее на руки.

— Нет! Я х-хочу крови. Я та, кто я есть.

— Нет, это не так, — я взял ее лицо в свои руки. — Ты сама решаешь, кто ты. Мне все равно, кем был твой отец. Мы сами делаем выбор, и ты можешь с этим бороться. Если ты выпьешь хоть каплю их крови, они выигрывают.

— Выигрывают что?

— Я расскажу тебе все как можно скорее, обещаю. Но я должен забрать тебя отсюда. Пожалуйста, поверь мне.

— Ты бросил меня.

— Мне пришлось держаться подальше от тебя себя сегодня. Это я тоже тебе объясню, но тебе становится хуже. Нам нужно идти.

Селки бормотали что-то снаружи. Чем дальше мы находились тут, тем больше у них было времени, чтобы придумать, как остановить меня, но я отказывался уходить отсюда без Яры. Я не хотел превращать кого-либо в камень, но должен спасти Яру. Ее глаза медленно открылись и закрылись, затем она села, выглядя так, словно для этого ей понадобилось каждый грамм ее силы. Я наклонился вперед, чтобы поднять ее, но она снова слабо оттолкнула меня.

— Я могу идти. Я не беспомощна.

Она была не в состоянии встать, но я позволил ей попытаться. Когда ее ноги подкосились, я подхватил ее на руки.

— Я знаю, что ты не беспомощна, но сейчас не время упрямитесь, — я прошел через белые занавески и сделал шаг в толпу пьяных Селки.

Ровнан поднял свою кровоточащую рану перед лицом Яры.

— Последний шанс.

Я хотел вырвать ему руку, но Яра зарылась лицом мне в грудь.

— Уйди с дороги, — приказал я, бросив предупреждающий взгляд на Джека.

Он отошел в сторону, и все остальные Селки освободили нам путь. Когда я дошел до

железных ворот, Ровнан положил руку мне на плечо.

— Подожди, Трейган.

— Ровнан, клянусь...

— Остановись и послушай, идиот. Ей плохо. Ей нужна кровь. И если это будет кровь русалки, то будет пусть так, — он обнажил коготь, чтобы поцарапать меня, но я успел отпрыгнуть.

— Ты совсем разум потерял? Я превращаю все живое в камень! Кто знает, что с ней случится, если она выпьет мою кровь?

Его шокированное выражение лица лишь доказало, что он был круглым идиотом.

— Ох, — лишь произнес недоумок, убирая свой коготь.

Яра снова застонала. Я покачал головой от отвращения и прошел через ворота, надеясь, что Ровнан чувствовал себя таким же виноватым и неотесанным каким и выглядел.

Мы достигли океана, и я поплыл к уединенному, частному пирсу. Яра перестала дрожать, как только мы оказались в воде, но я знал, худшее еще впереди.

— Давно это началось? — спросил я.

Ее глаза были закрыты, а голова наклонилась вперед. Судя по ее слабости, я бы предположил, что прошло часов двенадцать, но отсутствовала она лишь четыре.

— Почти час назад, — пробормотала она.

Это не имело значения. Ее симптомы должны были проявиться в более мягкой форме, если она испытывала жажду всего час. Я подумал, что ее реакция могла быть слабее, потому что она не пила прямо от Селки, но ее симптомы, напротив, прогрессировали быстрее обычного.

Вокруг не было никаких признаков людей, но я хотел быть в безопасности. Процесс займет какое-то время, и мы не могли рисковать, нельзя, чтобы кто-то нас видел. Я остался в образе человека, желтый хвост Яры, блестящий на поверхности воды можно было легко заметить. Я доплыл до мелководного склона под причалом, где было очень темно. Вдавлив ноги в песок, чтобы зацепиться, я сел и притянул Яру к себе на колени, пытаясь оставить все, кроме головы, в воде.

Она, часто моргая, открыла глаза. Ее голос был слаб.

— Ты тоже его знал?

— Кого?

— Моего отца.

— Да, я знал его.

Ее веки снова закрылись.

— Это закончилось?

— Что кончилось?

— Жажда.

— Не думаю. Обычно есть период времени, когда кажется, будто по твоим венам пробивается электрический ток.

— Я уже чувствовала это, — она подняла руку из воды и положила мне на грудь.

— Уже? — она тихонько кивнула. — Сколько это продолжалось?

— Секунду.

Я положил ее голову себе на грудь, чтобы она не могла видеть беспокойство на моем

лице. В идеальном мире она бы никогда не почувствовала жжения электрического тока, а в справедливом — секунда боли была бы единственным, что ей пришлось бы пережить. Но мы не жили ни в идеальном, ни в справедливом мирах.

Она должна была услышать часть своей истории, прежде чем начнется настоящая волна ударов электричества. Главным образом потому, что она заслужила знать это, но еще и из-за того, что думала, что я покинул ее. Мне нужно было восстановить ее доверие, но сейчас не было времени объяснять, почему мне пришлось держаться от нее подальше.

— Тебе нравится слушать истории о своих родителях?

Ее подбородок плавно двигался по моей груди, когда девушка кивала.

— Твой отец, Вирон, был глубокоуважаемым Селки. За пять лет до твоего рождения, он влюбился в твою маму. Есть еще один факт, который люди скрывали от тебя, — я взглянул на макушку ее головы и глубоко вздохнул. — Твоя мать была сиреной.

Она медленно отодвинулась и посмотрела на меня трепещущим взглядом.

— Четыре года они жили под знаком запретной пары. Твой отец хотел, чтобы она было его парой, он хотел детей, но сирены не могут размножаться. Лишь одно морское чудовище за всю историю успешно стало человеком, но это было доказательством, что такое возможно. Твоя мать отправилась к Стено и Эвриаль, настоящим сестрам горгонам, и умоляла их превратить ее и твоего отца в людей, чтобы они смогли иметь ребенка.

— И они согласились, — пробормотала Яра.

— Они заключили сделку. Первый ребенок Вирона и Клео — то есть ты — должен быть отдан сестрам горгонам. Тогда твои родители были вольны иметь столько детей, сколько пожелают.

— Но... Зачем я нужна им? Я не понимаю.

Я ласково погладил ее лицо, ненавидя себя за то, что должен был рассказать все это.

— Медуза была единственной смертной сестрой. Когда ее убили, сестры потеряли огромную часть своей силы, потому что в их троице больше не было третьей. Стено и Эвриаль хотели, чтобы сила вернулась, но замена Медузы должна иметь кровь человека и монстра, как и сама Медуза. Ты идеально подходишь, и была бы слишком молодой, чтобы бороться.

— Они хотели, чтобы я стала горгоной?

— Да, частью их проклятой троицы. Иными словами, ты бы заняла место Медузы и никогда не смогла бы покинуть темный грот.

Она вздрогнула.

— Вот почему, мы ушли.

Белоснежная цапля приземлилась на воду почти рядом с Ярой. Я отгонял ее. Птица с изогнутой шеей, потянулась ко мне. Она пронзительно крикнула на меня, прежде чем перелететь на причал.

— Твои родители любили тебя, Яра. Морской монстр, превращенный в человека, о котором я тебе рассказывал, помог твоему отцу наложить на тебя связывающее заклятье. Ни одно морское создание не могло обратить тебя, пока тебе не исполнилось бы восемнадцать. Твой отец полагал, что к этому возрасту, ты сможешь сама решить, хочешь ли ты такой жизни или силы и сможешь ли сражаться, или же не пожелаешь подобного темного существования. Они забрали тебя отсюда, на случай, если сестры найдут способ снять заклятье.

— Мне восемнадцать. Они придут за мной? — ее дрожь становилась сильнее. Я должен

был рассказать ей все, прежде чем она совсем ослабнет, или наступит нестерпимая боль, из-за которой она не сможет все понять.

— Нет. Когда твои родители уплыли, горгоны были в ярости и заперли ворота. В день Троицы Восемнадцатилетних — твой настоящий день рожденья, который в мире морских созданий значит восемнадцать лет и восемнадцать дней, у нас будет лишь один шанс, чтобы предложить сестрам замену Медузы. Если к концу восемнадцатого часа — заката — никто не предложит себя, ворота закроются навечно.

Ее глаза стали огромными, похожими на два черных солнца.

— Я причина того, что ворота закрыты?

— Не ты, твои родители.

Ее тело вздрогнуло, и она застонала.

— Удары тока возвращаются, — слезы, похожие на бриллианты, скатились по ее щекам. — Вот почему ты не подходил ко мне. Ты знал, что скоро я стану горгоной.

— Не поэтому, — ее волосы были растрепаны. Я начал вынимать шпильки, которыми Панго закрепил их, позволяя ее длинным локонам упасть в воду.

Она закричала громче, сильно дрожа.

— Я сделаю это. Все смогут попасть домой.

— Нет. Твоя мама договорилась, чтобы тебя превратили в русалку, чтобы защитить. Теперь ты создание солнца. Твоя душа не выживет в их холодной, темной пещере.

Она крепче сжала мою руку, когда ее пронзил очередной удар.

— Больно!

Ее кожу стянуло от напряженных мышц. Скоро боль будет приходить волнами, она будет сильная и невыносимая. Она продолжала плакать, пытаясь выдохнуть.

— Почему ты превратил меня?

— Я поклялся твоей маме, что сделаю это.

— Но я могла открыть ворота.

— Они найдут другой способ, — я окунул ее голову в воду и провел пальцами по влажным волосам. — Кто-то другой будет заменой. Он добровольно займет твое место.

Цапля снова приземлилась рядом с нами. Лицо Яры исказилось от боли. Ее зубь стучали так сильно, что мне казалось, будто они сломаются. Она начала бормотать невнятные слова о своей маме.

— Скоро жажда станет еще мучительнее, — сказал я. — Мы на какое-то время исчезнем. Не знаю, как долго смогу продержаться, но мы возродим некоторые из моих воспоминаний. Сознанием ты будешь в моей душе, поэтому не почувствуешь физической боли.

— Это с-с-сработает?

Боже, я так на это надеялся.

— Узнаем. Не думай ни о чем. Я собираюсь попытаться удержать нас в другом времени, пока жажда не прекратится.

Она испустила истошный крик, когда ее кожу пронзила боль. Я надеялся, поблизости не было людей, способных ее услышать. Я положил руку ей на щеку.

— Открой глаза, Яра. Дай забрать тебя в безопасное место.

Ее заплаканный взгляд встретился с моим. Я заставил себя контролировать свои эмоции, когда мы переносились в другое время и место. Я тихо молился, чтобы я смог продержаться нас там достаточно долго... а лучше бы, конечно, навсегда.

ДЕНЬ 6

Трейган был прав. Боль и жажда прекратились в ту же секунду, когда сине-зеленые и серебряные облака пронеслись в его глазах.

Мы проследили за слишком большим количеством воспоминаний. Я оставалась в его сознании несколько часов, пока мягкий толчок не заставил меня выйти из души Трейгана в светлую дымку.

Я вернулась в свои тело и разум.

Первое, что я увидела, было залитое солнцем лицо Трейгана. Его синие глаза были уставшими, а иссиня-черные волосы сухими и торчали во все стороны. Вчера я думала, что он слишком коротко их остриг, но выглядел он потрясающе. Солнце светило высоко над морем. Должно быть, был почти полдень.

— Привет, — сказала я, глядя в его уставшие глаза.

— Добро пожаловать обратно.

Он бережно держал меня рядом с собой, но, когда я начала двигаться, русал отпустил меня и отодвинулся назад. Я спустилась в воду, теряя с ним контакт. Я ненавидела эти ощущения.

— Сработало, — я провела пальцами по песчаному дну подо мной. Я чувствовала себя сильной и здоровой. Ни дрожи, ни тошноты, ни невыносимой жажды крови, ни ударов током. — Я не помню ничего после того, как ты начал делиться воспоминаниями... только то, что чувствовал ты, счастливые воспоминания в основном.

— Хорошо, — он оттер ноги от песка и проплыл мимо меня поглубже.

— Ты, должно быть, держал меня несколько часов.

— Я хотел быть уверенным, что жажда полностью оставила тебя.

Прежде чем Трейган забрал меня, каждая минута немощи казалась вечностью. Боль была хуже всего, что я когда-либо испытывала в жизни. Я продолжала видеть и слышать маму. Я была уверена, что умираю.

Съжившись при мысли о том, какой ужасной была прошлая ночь, я поплыла за Трейганом. От скольких страданий он уберечь меня, решив впустить меня в свою душу на такой долгий период времени? Было ли ему от этого больно?

— Ты что-то тихий. Все хорошо?

— Я в порядке. Нам надо вернуться в Солис. Все беспокоятся за нас.

— Подожди, — я схватила его руку. — Я хочу знать больше о своих родителях. Ты сказал, что моя мама была сиреной, то есть в какой-то степени была как Никси и ее

сестры? — он кивнул. — Они знали ее? Ты знал ее?

— Да, и они, и я.

— Она могла летать? И жила в твоём мире?

— Сирены предпочитают этот мир. Они успешно живут, забирая человеческие песни.

Как и ее сестры, она очень много времени проводила здесь, с людьми. А потом и с твоим отцом.

— Стой, то есть сирены — это сестры моей мамы? Или, скорее, были ими?

— Мариза и Отабия были. Никси заняла место твоей мамы в этом трио, после того, как

твоя мама стала человеком. Их всегда должно быть три.

— Что значит «забирали человеческие песни»?

— Одна из исконных целей сирены была доставка человеческих воспоминаний сестрам горгоны. Лишь так они могут узнать жизнь за пределами грота, при помощи сирен. Сиренам приходится полностью забирать воспоминания из души человека, иначе не состоятся две передачи: человек — сирене, сирена — горгоне.

— Бедные люди. У них просто украли воспоминания?

— Да, но они не помнят, что их забрали. Они не знают, что эти воспоминания у них были, поэтому не скучают по ним.

— А что если кто-то посетит какое-нибудь мероприятие или заведет разговор, который у них уже был, а человек этого не помнит? Разве тогда они это не поймут?

— У людей ужасная память. Они не используют часть мыслительной способности, данной им. Они стараются избегать этого и используют мыслительную деятельность напрямую, когда стареют, или сваливают все на забывчивость.

— Моя мама крада у людей воспоминания, — повторяла я. — Как это ужасно.

— Ей приходилось. Это естественная черта, о которой, я говорил тебе. Мы не можем противиться законам природы. Это сравнимо с приказом человеку никогда ничего не есть или не пить. Без еды они не прожили бы и недели.

— Прекрати, я была бы в ужасе, если бы кто-нибудь забрал у меня воспоминания.

Его бровь вопросительно изогнулась. Он не смотрел ни на что, кроме моего лица. Вода плескалась вокруг его плеч и шеи. Такой умиротворяющий звук, но я чувствовала некую недосказанность между нами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Трейган, ты что-то мне не договариваешь?

— Что ты на днях говорила? Это не мое дело?

— Ахах. Это мои слова. Ты от меня что-то скрываешь. Говори уже.

Он сдвинул переносицу.

— Ты помнишь, как Никси забрала тебя с праздника?

— Нет, но она сказала, что я была пьяна.

— Ммгмм. Я бы мог в это поверить, если бы не одна свежая отметка на твоих губах.

Я пробежалась пальцами по появившемуся наросту.

— Поэтому они болят?

— Видишь, ты не помнишь, как у тебя украли воспоминания.

— Совсем не помню.

— Эти воспоминания ушли, но может это и к лучшему, — он подплыл ближе. — Не злись, но у тебя забрали много воспоминаний. Их передача, будь то от монстра к человеку или наоборот, требует временной откочки жизненных сил из души, поэтому процесс

происходит при помощи того «инструмента», каким существо располагает. Для нас — это наши воспоминания, для Селки — их кровь. Сиренам нужно и то, и другое. Никто никогда не истощает то, что он или она есть изначально. Это было бы смертельно.

— Но Дельмар делал это со мной, и у меня по-прежнему есть человеческие воспоминания.

— Прямо сейчас у тебя очень мало воспоминаний. Как я и сказал, если бы Дельмар забрал их все, ты бы умерла. Со временем самые яркие воспоминания вернутся. Только сирены способны полностью забирать их из твоей души.

Я долго соображала. У меня были воспоминания о дяде Ллойде. Всего несколько о матери, но она умерла, когда мне было восемь. Сколько же я могла тогда помнить?

— Нет, я многое помню.

— Ты подумай. Сколько событий или бесед ты помнишь из человеческой жизни? Учитывая, что ты прожила восемнадцать лет, много ли их будет? Кажется, что много, потому что ты не помнишь те, которые пропустила или знаешь, что она существовали.

— Нет. Я все помню. Я показала тебе воспоминание о том, как впервые встретила дядю. Я помню, как ты появился у меня дома в шторм, и ночь, когда спас меня от утопления.

— Дельмар оставил твои самые яркие, самые ранние и недавние воспоминания. Он не мог коснуться последних нескольких недель твоей жизни. Иначе ты бы проснулась, не помня никого, и почему заботаешься о них, где живешь, кто ты. Основные воспоминания. Некоторые из них твоя душа оставила. Эти он и оставил.

— Как он понимает, какие надо оставить?

— Он говорит, что они по-другому окрашены. Он видит их словно сквозь сепию, поэтому проходит мимо них.

— С ума сойти. Я знаю, что помню все. Возможно, Дельмар не много стер.

— Я бы хотел, чтобы это было правдой, но если бы было так, то ты не пережила бы трансформацию. Изменение в человека в чудовище сказывается на душе и теле. Хотя мы можем проверить твою теорию. Три года назад рядом с Эденс Хаммок прошел ураган. Помнишь это?

— Как его звали?

— Отабия назвала его Дриада. Сирены называют штормы в честь созданий из легенд и сказок, но люди дают им имена, на которые мы не обращаем внимания.

— Я не запомню шторм, если только он не был серьезным.

— Серьезным? — фыркнул он. — Это как сказать. Ты помогала Ллойду заколачивать окна и соскользнула с края крыши. Ты сломала левую руку, а на локоть наложили двенадцать швов, — он поднял из воды мою руку и повернул так, чтобы я заметила бледные шрамы на предплечье. — Ты и твой дядя остались в больнице Мёрси в Майями на две ночи, пока шторм не кончился. Помнишь хоть что-нибудь из этого?

— Нет, но..., - я не могла поверить в это. Как это я не знала о шрамах на локте? Как могла забыть о том, что лежала в больнице? — Откуда ты об этом знаешь?

— Я твой телохранитель, Яра. Это моя работа, сохранить тебя в целостности и сохранности. Хотя были моменты, как, например, со сломанной рукой, когда я довольно плохо справлялся со своей работой, — он отвернулся, но я коснулась его, желая заверить в обратном. Он поднял голову и наши взгляды встретились. — Я был твоим телохранителем целых четырнадцать лет.

— Ты... что? Четырнадцать лет! Ты следил за мной с тех пор, как мне исполнилось

четыре? И я никогда не видела тебя?

— Ты видела несколько раз. Чаще я использовал докладчиков. Я уверен, что это звучит немного тревожно, но в течение следующих нескольких часов, большинство твоих воспоминаний должно вернуться.

— Лет? Мне нужно присесть, — переварить все это, находясь в воде, было сложно, поэтому я поплыла к пляжу. Трейган последовал за мной безо всяких возражений.

Мы нашли мелкий песочный скат, и Трейган встал. Желтовато-коричневые шорты свисали с его бедер. Я взглянула на свое платье и хвост. Каждый раз, когда я выходила из воды, я поднималась по лестнице, подтягивалась на скалы или землю, где у моих ног было время, чтобы появиться, прежде чем я могла встать. Сейчас я была в тупике.

Трейган взглянул на меня.

— Тебе понадобятся ноги.

— Спасибо, Капитан Очевидность, но меня не научили изменяться, пока я в воде.

— Точно. Прости. Сосредоточься на том, как ты чувствуешь себя с ногами, представь пространство между ними, кости, сгибание пальцев. И они изменятся.

Из его уст все звучало так просто. Я натянула юбку и уставилась на хвост, лежащий в воде рядом со мной, пытаюсь представить человеческое обличье. Все что я почувствовала, это песок и платье, касающееся чешуек при отливе и наплыве волн.

— Не получается, — простонала я.

Он сел рядом со мной.

— Ты не сосредотачиваешься на том, что чувствуешь.

— Я так и делаю, но не получается. Может эта способность еще не сформировалась?

— Сформировалась. Но ты не должна так отчаянно желать.

— Я все делаю. Я стараюсь!

— Во-первых, сядь по-человечески. Твои ноги не должны быть перед тобой, а не рядом, — как только я поправила свой хвост, Трейган протянул руку в воду и дотронулся до того места, где должны быть мои колени. — Все нормально?

— Думаю, да.

Он сощурился из-за яркого света позади меня. Потом наклонился вперед, то ли чтобы быть ближе ко мне, то ли чтобы использовать меня, как тень. Я не была точно уверена, почему. Он подтянул мое платье и поднял руку так, что она была в дюйме от моего бедра и верхней части хвоста.

— Кожа более чувствительная. Через пять секунд я опущу руки вниз. Хочешь почувствовать мои пальцы на своей чешуе или на коже бедер?

Я не могла ответить. От сочетания хрипоты в его голосе с мыслью о его руке на моем бедре, я не могла говорить. Он долго держал на мне свой взгляд, ожидая ответа, но в следующую секунду мой хвост превратился в ноги, и слова уже были не нужны. Его теплые пальцы прижимались к моей коже.

Я так сильно хотела его поцеловать, что думала разорвусь от желания. Мои ноги выгнулись, когда он сжал мое бедро. Его рука твердо двигалась вниз к моей коленке и снова вверх. Я вдохнула теплый воздух, царивший между нами, и обвила рукой его шею, желая притянуть к себе. Вместо этого, он встал прямо передо мной. Он провел рукой выше по бедру к моей талии, а другой зацепил мою руку, вставая со мной из воды. От этого моя юбка упала вниз.

— Теперь видишь, как все было просто? — произнес он хрипло.

Я подняла голову, чтобы посмотреть на него. Почему, ну почему, я влюбилась в парня, который может превратить меня в камень? Я наклонилась вперед и прижалась губами к его шее. Она была соленой на вкус. На секунду он хотел оттолкнуть меня, но затем крепко прижал к себе, и я поцеловала снова. Он тяжело выдохнул и прижался ко мне.

— Мгм, да, так просто, — прошептала я, спускаясь поцелуями ниже к груди.

Я провела пальцами по его волосам, но он схватил меня за руки. Он отстранился, отталкивая меня.

— Хватит, — сказал он. — Мы не можем этого сделать. Как это ни странно, но это неправильно и несправедливо по отношению к тебе.

— Почему несправедливо? Я хочу быть с тобой, Трейган. Мы можем обойтись и без поцелуев.

— Дело не в этом. У нас не будет и двух недель. День Троицы Восемнадцатилетия уже скоро. Мы не можем начать что-то, понимая, что скоро этому придет конец.

— Конец? Ты сказал, что мне не придется жить с горгонами. Ты сказал, что кто-то добровольно займет мое место.

Он прижал мою руку к своей груди. Выпрямился и встал так, что его плечи казались вдвое шире. В его глазах я могла видеть свое отражение.

— Да. И этот кто-то — я.

— Ты? — посмотрела она с изумлением. — Нет. Прошлой ночью ты сказал мне, что я не выживу в пещере, потому что русалка. Но ведь и ты тоже русал.

— Русал с генами и кровью горгоны, — объяснил я, садясь на песок.

Яра пнула песок, когда села напротив меня.

— Ты сказал, что меня выбрали, потому что я родилась человеком. Твоя мать была русалкой, а отец — горгоной. В тебе нет ничего от человека. Ты ведь не подходишь в качестве замены.

— Мой отец был горгоной, превращенной в человека. Я говорил тебе об этом. Горгона и русалка не могут быть вместе — никогда. Его физическая страсть превратила бы ее в камень. Но он любил ее, поэтому нашел способ быть с ней. Отец превратился в человека, и у них появился я, отчасти человек.

— Несмотря на то, твой отец превратился в человека, ты все же унаследовал кое-что от горгоны. Как это возможно?

— Я рассказывал тебе. Когда обращается душа, часть того, кем ты был изначально, остается с тобой. Дети наследуют эту линию крови, — даже я слышал долю стыда в своем голосе. Скрывать было нечего, я был гадким отродьем. — Не важно, как сплетено и неестественно это может быть.

Яра села рядом со мной и обвила меня руками.

— Ты был создан именно так по какой-то причине. Ничто в этом мире не происходит случайно. Как говорится в стихотворении Коралин? Красота сокрыта под завесой драмы?

— Красота? Яра, я не могу поцеловать тебя. У меня никогда не будет жены или детей, потому что, если мои эмоции будут слишком сильными, я превращу человека в камень. Я знал свою судьбу всю свою жизнь. Я убил собственную мать через две секунды, после того, как она подарила мне жизнь. Она дала ее мне, а я отнял ее жизнь. Мой отец потерял свою половинку из-за меня. Как это вообще может быть прекрасным?

Яра отвернулась.

Когда ты растешь среди морских существ, легенды становятся частью тебя. Наш вид знал мою историю. Они знали о моем отце. Многие оплакивали кончину моей матери-Фиалки. Все родители-русалки предупреждали своих детей не подходить близко ко мне. Ни одна русалка никогда не рассматривала меня в качестве своей второй половины. Но все это было для Яры новым. Если вид Кимбер не спугнул ее, то подобное откровение точно сделает это.

— Ты был ребенком, — сказала Яра мягко. — Ты не контролировал то, что чувствовал или делал. Ты должен простить себе свое прошлое. Что твой отец говорит об этом?

— Мы не общаемся с ним.

— Почему?

— Я убил его жену. Каждое мое появление напоминает ему о его потере.

— Она была твоей матерью, Трейган. Вы оба страдали от этой утраты. Вы должны жить друг для друга.

Я смотрел через океан за горизонт. Казалось, будто каменная стена, которую я пытался построить вокруг своего сердца, вот вот треснет.

— Он бы потерял меня через несколько дней. Хорошо, что мы не близки.

Яра молчала. Она проводила пальцами вверх и вниз по моей руке, от чего по моей коже бежали мурашки. Это было слишком хорошее ощущение.

— Почему ты делаешь это? — спросил я.

— Делаю что?

— Сидишь тут, так близко ко мне. Ты знаешь, кто я, и на что я способен. Ты должна была бежать прочь.

— Ты спас мне жизнь, когда мне было восемь лет. Ты добровольно вызвался занять мое место с горгонами. Я видела и чувствовала ту любовь, которую ты испытываешь по отношению к Дельмару, Кимбер, Панго и остальным людям из твоей памяти. Именно это говорит о том, кто ты на самом деле, и на что способен, — она прижалась, положив голову мне на плечо.

Я хотел обвить ее руками, но пойдя на поводу наших чувств, мы бы усложнили себе задачу. Чувствовать запах ее волос было неизбежно.

— Ты всегда пахнешь яблочным цветом.

Она подняла на меня глаза и улыbnулась.

— Ни разу не приходилось вдыхать запах яблочного цвета. Он вкусно пахнет?

— Если бы у нас было больше времени, мы бы забрались на яблоню, и ты бы смогла узнать, как пахнешь.

Она поцеловала мое плечо.

— А ты на вкус, как соленая конфета. Но пахнешь... Даже не знаю чем. Я представляю, что так пахнет рай.

Я через силу засмеялся.

— Боже, это и есть те самые ванильные штучки, которые парочки говорят друг другу?

Яра тоже засмеялась.

— Думаю, да. А разве мы пара?

Еще больше трещин пронзили стену вокруг моего сердца. Мои мысли безудержно заполняли голову.

— Все, чего я хотел, это защитить тебя, удержать тебя и показать, как сильно я забочусь о тебе. Те мысли и слова кажутся мне странными, но они всегда со мной. Я постоянно борюсь с желанием сказать их тебе. Хочу дать тебе вечное обещание, но не могу. На восходе дня Троицы Восемнадцатилетия я уйду жить в грот. Навсегда.

Яра повернулась и села на колени между моих ног напротив.

— Пришло время тебе рассказать мне все. Что случится в день Троицы Восемнадцатилетия? Все детали.

Я сделал глубокий вдох.

— Я должен буду полностью принести себя в жертву горгонам. Все следы моего существования, как русала, будут стерты из моей души. Мне нужно будет подготовиться и пожелать стать полностью горгоной.

Она стучала пальцами по моим коленям, пока пыталась понять, что все это значит.

— Мы делим души через наши воспоминания, то есть это будет похоже на то, что сделал со мной Дельмар? Кто-то заберет у тебя твои воспоминания?

— Да.

Выражение ее лица изменилось, и она выглядела так, словно не желала принимать сказанное.

— И Дельмар согласился на это?

— Дельмар не может этого сделать. Это немного отличается от того, что он проделал с тобой.

— Чем отличается?

— Это должно быть полным пожертвованием. Мои воспоминания и моя душа должны быть поглощены полностью.

Она поежилась.

— Как это делают сирены?

— В какой-то мере. За исключением того, что у меня заберут каждую частичку русалочьей и человеческой жизненной силы. Это должен быть кто-то с кровью русалки, человека, а также сирены, чтобы он или она смогли навсегда забрать мои песни, — я сглотнул горечь, образовавшуюся у меня во рту. — Из-за твоего уникального сочетания генов, ты единственная, кто сможет это сделать.

Она отклонила голову назад.

— Я? Они хотят, чтобы я забрала у тебя твои воспоминания?

— К восходу дня Троицы Восемнадцатилетия тебе придется забрать мои песни. Все.

— Я никогда этого не сделаю!

— Яра, Фиалки потратили годы, чтобы расшифровать заклинание. Единственный способ открыть ворота — это полное пожертвование души. Я добровольно отдам свою, и ворота откроются.

— Но я даже не знаю, как. Ты разделишь свои воспоминания со мной. Но я понятия не имею, как забрать их у тебя.

— В тебе течет кровь твоей матери сирены. Фиалки считают, что, когда это начнется, то все произойдет естественным путем. Ты начнешь забирать их, привыкнешь и продолжишь

принимать их дальше. Мы готовились к этому годами. Мы натренируем и тебя.

— Нет. Ищите кого-то другого.

— Другого не существует. ты и есть та смешанная кровь, упоминаемая в стихе. Ты была душой, изначально обещанной, и единственной, кому они позволяют пройти через ворота. Единственное, почему я могу подойти им на место Медузы, потому что во мне течет кровь горгоны — кровь человека и чудовища. Ты единственная, кто может пройти через ворота и забрать мои воспоминания. Тебе придется.

— Без воспоминаний ты будешь... пуст. Если я заберу их всех, у тебя не останется души. Ты не...

— Умру? В каком-то смысле, да. До тех пор пока горгоны не оживят меня снова. Мою душу превратят в то, что нужно им.

— Нет! У тебя десятки воспоминаний. Другой мир, твои люди, свадьбы, твои родители, друзья, я, мы.

— Думаешь, я не хочу этого помнить? Я займу место Медузы в их троице. Я больше никогда не покину ту пещеру. Никогда больше не увижу солнца, пока сирены не доставят второсортные жизненные силы. Не смогу поговорить с тобой. Я даже не смогу увидеть тебя, если только не воспользуюсь их зеркалом, чтобы наблюдать за тобой, словно шпион. Ты хоть понимаешь, как это будет тяжело? Скучать по тебе, страдать, от того, что ты вроде бы рядом, и не способным что-то сделать с этим? Я хочу забыть, кто я, и то, какой прекрасной была моя жизнь. Ты поможешь мне, забрав все до капли. Я не смог бы этого сделать другим способом.

Она схватилась руками за лицо.

— Мне это не нравится. Ненавистна мысль о том, что кому-то придется жить в той пещере. Почему из всех должен быть именно ты? Как я должна жить, зная, что ты находишься в каком-то ужасном, холодном и темном месте? Что ты ушел туда из-за меня. Что я должна было быть там, а не ты.

— Пока ты будешь забирать мои воспоминания, я не буду страдать. Я не буду помнить, что был русалкой или жил такой жизнью.

— Но я буду страдать! — на ее глазах навернулись слезы, сверкая всеми цветами радуги. — Я проживу всю жизнь, любя тебя и скучая по тебе, зная, что ты и понятия не имеешь о моем существовании.

У меня ком встал в горле. Я посмотрел на ее хрупкие руки, отчаянно желая взять их.

— Я знаю. И ненавижу себя за то, что причиняю тебе боль таким образом, но у меня нет выбора.

— Был! Ты не должен был обращать меня. Я могла жить с горгонами.

— Я обещал твоей маме. Она все продумала, Яра. Горгоны забрали бы тебя, чтобы обратить в одну из них. Кто знает, какой болезненной была бы это трансформация? К тому же, ты ушла бы в пещеру со всеми своими человеческими воспоминаниями и чувствами. Ты бы всегда знала, на какое ужасное существование ты обречена. Я обещал ей, что не допущу этого.

Я не мог больше бороться с этим. Мои руки переплелись с ее руками.

— Я могу защитить тебя и открыть ворота. Это было моим смыслом в течение четырнадцати лет. Я хотел сделать это, и сделал правильный выбор. Чего я не знал, так это того, что мы полюбим друг друга. Если бы я предвидел это, я сделал бы все по-другому, но я не могу изменить прошлое. Это единственный способ. Только так все может пройти.

Она резко встала на ноги, вновь расхаживая.

— Мы можем убежать. Мир огромен, они никогда нас не найдут.

— Ты думаешь только о себе и обо мне. Но все это намного больше нас. Так много морских жителей страдало последние восемнадцать лет, цепляясь за надежду и веря, что ты и я — это ключ к возвращению в мир, который они любят.

— Но...

— Нет никаких «но», — я встал и схватил ее за плечи. — Ты видела, как красив наш мир. Наши люди любили кого-то на другой стороне. Некоторые из детей, рожденных тут, никогда не видели Рате. Ты хочешь, чтобы столько людей никогда не увидели снова свой дом, только чтобы сохранить мои воспоминания?

— Д-д-да..., - она изо всех сил пыталась что-то ответить.

— Нет, Яра. Ответ — нет. В глубине души ты знаешь это.

Тогда мы услышали вдалеке крик. Сквозь волны пробиралась Кая.

— Мисс Яра, мистер Трейган, — кричала она. — Мы уже несколько часов разыскиваем вас.

— Что случилось? — спросил я.

— Не знаю, но на ваши поиски были отправлены все посланники. Мистер Каспиан приказал немедленно вернуть вас в Солис.

Мое сердце бешено забилося. Яра, должно быть, заметила беспокойство в моих глазах.

— Как ты думаешь, что это? — спросила она.

— Не уверен, но, видимо, случилось что-то ужасное, раз Каспиан отдал такой приказ.

— Коралин, — вздохнула она и побежала в воду.

Я побежал за ней, но если мне правильно подсказывал мой инстинкт, то с Коралин все в порядке. Дело было в моем паршивом братце и его скользких Селки.

Я никогда раньше не видел замок Парагон над водой и был рад находиться в человеческом облики, общаясь обычным путем. Джек и Каспиан долго разговаривали, и, если бы мы были под водой, я мог упустить какую-то часть их разговора.

Андреа все утро смотрела на меня через весь стол. Взгляд ее лиловых глаз не пугал меня. Я никогда не проводил так много времени среди Фиалок. С русалками других цветов я мог справиться, но Каспиан и Андреа испускали неприятные телепатические вибрации. Никто никогда не упоминал, что морские жители могли читать мысли не под водой, но, возможно, это был один из их секретов в целях защиты.

За последние два часа я вызывал своей голове случайные мысли, чтобы посмотреть дрогнула бы Андреа от них: волосы вашего мужа похожи на красную капусту. Яра пьянеет от крови. В этом замке бомба!

Бомбы не было, но я полагал, что она не могла не обратить внимания на эту мысль. Однако, она даже не сморщила лоб и не дернула носом. Никаких намеков на то, что она слышала меня.

Джек поерзал в своем кресле.

— Я не понимаю, почему мы должны ждать, когда эти двое появятся.

Каспиан поднял перед ним руку.

— Если ваши обвинения правдивы, нам, возможно, нужно будет пересмотреть наш план. Кажется, ничего не будет развиваться так, как на то надеялись мы.

— Это потому что ваш план был идиотским с самого начала, — проворчал Джек.

Каспиан встал и протянул руку через стол. Андреа положила свою руку в его ладонь. Я хрустнул пальцами, готовый бороться от имени Джека. Выдержав его долгий взгляд, Каспиан сел.

— Слушай, — сказал Джек. — Ворота должны быть открыты. Мне не важно, восстанет ли Медуза из мертвых и прикует девчонку к пещере. Я и мои люди просто хотят домой. У тебя такая же цель, верно?

— Разумеется, — ответил Каспиан.

— Тогда давай не позволим это паре голубков пустить все псу под хвост.

Каспиан открыл рот, и я подумал, что нам будут в очередной раз говорить о преданности Трейгана, о том, что он никогда не будет таким безответственным и прочую чушь, но внимание всех привлек шум шагов в коридоре. Сначала пошли два Индиго, следом за ними Яра и Трейган. Ужас на ее лице при виде нас, сидящих за одним столом с их неприкосновенными Фиалками, был неопишуем.

— Что здесь происходит? — спросил Трейган.

— Трейган, Яра, присядьте, пожалуйста, — приказал Каспиан.

Трейган предложил стул Яре, и она села, но не могла оторвать от меня свой смущенный взгляд.

— Я предпочту постоять, — ответил Трейган.

— Джек, — начал Каспиан. — будь любезен, расскажи Трейгану и Яре, почему вы здесь?

Джек поднял ноги на стол.

— Этот ваш глупый план всегда казался нам стопроцентным провалом, но после того, как я увидел вас двоих вчера на нашей вечеринке, мы не верим, что вы пройдете через все это.

Трейган встал, выпрямившись, и обратился только к Каспиану и Андреа.

— Мы переживем все это.

Андреа наклонилась вперед.

— Джек и Ровнан, кажется, думают, что вы двое, — она водила пальцем от него к Яре и обратно, — влюблены друг в друга.

Яра оглянулась на меня.

— У тебя нет никакого права обсуждать с кем-либо мою личную жизнь!

Джек опустил ноги на пол.

— Ты не была частью всего этого достаточное количество времени, чтобы понять, насколько ты важна для нашего мира. Мы будем обсуждать тебя, когда пожелаем, и будем делать все, что потребуется, чтобы быть уверенными, что ты не кинешь нас на открытии ворот.

— Достаточно, — прервала его Андреа. — Яра, ты же понимаешь, что тебе придется сделать в День Троицы Восемнадцатилетних, и ты готова сделать это, верно?

Яра опустила глаза.

— Она этого не сделает, — сказал я. — Я знаю ее лучше каждого из вас. Я видел, как Трейган смотрит на нее. Он не выполнит эту часть плана.

Трейган направился в мою сторону, но Джек преградил ему путь. Взгляд Трегана был прикован ко мне.

— Ты понятия не имеешь, на что я способен, — прорычал Трейган, стиснув зубы. — Как ты смеешь приходить сюда и сомневаться в моей преданности?!

Все, что нам было нужно, это посеять семена сомнения в головах Фиалок. Я никогда не видел, чтобы Трейган смотрел на какую-нибудь девушку так же, как смотрит на Яру. Он не смог бы об этом лгать.

— Так докажи, что мы ошибаемся. Скажи, что ты не влюблен в Яру. Что тебе все равно, что остались считанные дни до того момента, как ты забудешь о ее существовании.

Его кожа выглядела так, словно при нас же покрылась синяками. Вокруг его отметин закружились оттенки синего, серого и зеленого. Печаль, злость и стыд — все всплыло на поверхность. Это Фиалки и увидели.

— Трейган, — произнес решительно Каспиан.

На золотой коже Яры стусились рассеянные красные пятна. Я не знал ее достаточно долго в качестве русалки, чтобы понимать, что это значит, но был уверен, что это была печаль.

Трейган посмотрел в лицо Каспиана и Андреа.

— Мы сделаем все, что необходимо, чтобы открыть ворота.

— Хорошо, — сказал Джек. — Я уверен, Яра понимает, что ваш план довольно логичен, особенно сейчас, когда она кровавая обжорка.

— Что? — ахнула Андреа.

Трейган схватился за спинку стула Яры. Мускулы на его шее и руках дернулись от напряжения. Он не сказал Фиалкам об инциденте с пьющей кровью Ярой. Было ли еще что-то важное, что он, по их мнению, скрывал от них?

— Яра пила мою кровь, — сказал я.

Каменный стул раскрошился на кусочки под хваткой Трейгана.

— Это ложь! Она пила кровь Селки, но не напрямую у тебя.

— И ты скрыл от нас эту информацию? — спросил его Каспиан осуждающе.

— Я объяснял ей это. Я объяснял, что такое жажда, что ей нужно бороться с этим и никогда не пить снова. Она выдержала процесс выведения, — его голос был отчаянным и виноватым. — Спросите ее. У нее нет лунных отметин. Холод не часть ее.

Яра выглядела напуганной. Я задался вопросом, видела ли она когда-нибудь мощь гнева Трейгана. Дробление стульев было для него детской игрой.

— Это не имеет значения, — упрекала Андреа. — Ты скрыл это от нас, так же как и свои чувства к Яре. Панго сказал, что у него даже не было возможность научить ее делиться воспоминаниями. Ничто из этого не способствует успешному выполнению нашего плана.

— Но я знаю, как делиться воспоминаниями! — воскликнула Яра.

— Яра, — сказал Трейган. — Помолчи, пожалуйста.

— Почему она должна молчать? — спросила Андреа. — Пусть говорит.

Трейган и Яра обменялись взглядами, о чем-то разговаривая, но я не знал, о чем именно. Яра засомневалась, но затем взглянула на Андреа.

— Трейган и я обменивались воспоминаниями несколько раз.

Глаза Андреа и Каспиана расширились от удивления. Трейган опустил голову на руки.

Это все только облегчало.

Каспиан подошел к нему.

— Ты делился с ней воспоминаниями? Ты был первым? Разве мы не запретили это? Эта связь сильнее, чем любые другие! Ты понимаешь, что ты наделал?

Яра встала.

— Он не сделал ничего плохого. Я вынудила его научить меня. Он пытался сказать...

— Прекрати, Яра, — сказал Трейган. — Я прошу прощения, Каспиан. Она ненавидела наш вид. Ненавидела то, кем стала. Коралин осталась в живых с минимальными шансами на выздоровление. Яре нужно было больше узнать нас и соединиться с одним из нашего вида.

— Да, но не с тобой! — закричал Каспиан. — Кто угодно, но не ты, Трейган. Святые океаны и небеса. Из-за тебя мы теперь лишены всякой веры в то, что вы двое исполните задуманное.

— Нет! — Трейган схватил Каспиана за руку. — Клянусь, мы исполним. Ты знаешь, насколько велика моя преданность.

— Твоя преданность — да, но твои действия сделали невозможной задачу Яры, — он взглянул на Яру, которая стояла, нервно наблюдая за нами. — Она, скорее всего, не сможет сделать то, что мы ее попросим.

Трейган попытался говорить тише, так, чтобы никто бы их не услышал. Но Джек и я стояли достаточно близко, чтобы разобрать его слова.

— Пожалуйста, дай мне объяснить это ей. Я заставлю ее понять. Она сделает это.

Каспиан секунду изучал его, а затем повернулся к Яре.

— Ты влюблена в Трейгана?

Ее взгляд метнулся к Трейгану и вернулся обратно к Каспиану.

— Предпочитаю, не отвечать на этот вопрос.

Каспиан опустил перед собой руки.

— Я спрошу тебя еще раз, Яра. Если ты снова воздержишься от ответа, я приму меры, и это будет последний раз, когда ты видишь Трейгана. На всю жизнь.

Она тяжело сглотнула. В ее глазах мелькнула паника.

— Ты влюблена в Трейгана? — спросил Каспиан снова.

Яра склонила голову и закрыла глаза.

— Да.

Джек хлопнул меня по спине. По моей груди прошла тупая боль, но я не понял почему. Я не любил Яру. Какая мне разница, что она полюбила Трейгана?

— Андреа, на пару слов, — Каспиан указал на дверь. Она встала, и они вместе покинули комнату.

Трейгна пристально смотрел на Яру. Она продолжала смотреть в пол, но Трейган поднял ее лицо.

— Почему это так ужасно, мне любить тебя? — спросила она. — Почему они ведут себя так, словно мы совершили преступление?

Джек собрался с духом, чтобы сказать.

— Потому что Трейган...

— Заткнись, Джек! — Трейган повернулся к нему. В его глазах сверкала ярость. — Почему вы еще здесь? Вы своего добились. Возвращайтесь в свой грязный бар.

— Слушай, ты, ничтожество...

Я встал между ними.

— Джек, остановись. Он прав. Нам больше нечего тут делать.

— Ваше присутствие тут не нужно, — прошипел Трейган.

Каспиан и Андреа вернулись в комнату в сопровождении четырех Индиго. Дельмара среди них не было, что было плохим знаком. Трейган тоже понимал это. Он шагнул перед Ярой, складывая руки, как в защите, словно закрывая ее от того, что могло произойти.

Каспиан выступил вперед.

— Ты и Яра будете разлучены до самого утра Дня Троицы Восемнадцатилетних.

— Нет! — возразил Трейган.

— Да, — настаивал Каспиан. — Панго продолжит ее обучение, а ты будешь держаться от нее подальше.

— Вы не можете так поступить! — закричала Яра, пытаясь выйти из-за Трейгана.

— Можем, Яра. Мы должны. Это не твоя вина. Трейган совершил необдуманные поступки, которые имеют серьезные последствия. Мы идем на этот шаг, чтобы защитить тебя.

— Трейган защищает меня! Он мой телохранитель и единственный, кому я доверила свою жизнь. Он не сделал бы ничего плохого, чтобы навредить мне.

Выражение лица Трейгана стало каменным. Я мог разобрать, что это значит.

Он медленно повернулся и посмотрел на Яру. Он присел, так, чтобы их глаза были на одном уровне, и взял руками ее лицо.

— Яра, послушай меня. Они правы.

— Нет, — захныкала она, качая головой. — Ты не сделал ничего плохого. Мы не можем быть врозь.

— Нам придется.

— Они не могут приказать нам держаться подальше друг от друга.

— Я согласен на это, — сказал он угрюмо. — Я принес слишком много проблем.

— Нет!

— Достаточно, — произнес Каспиан. — Трейган, иди в мои личные апартаменты.

Трейган провел большим пальцем по щеке Яры.

— Прощай, Ямабуки.

— Нет! — она сжала его руку.

Даже мне было больно наблюдать за тем, как он отпускает ее и уходит прочь. Она побежала за ним, но два Индиго схватили ее. Она вырывалась, боролась и одновременно кричала его имя.

Я впал в транс. Мы сделали то, за чем пришли. Я был не согласен с планом морских жителей настолько же, насколько был уверен, что Яру придется принести в жертву ради нашего будущего. От этого мне было плохо. На лице Джека появилась довольная усмешка.

— Яра, успокойся, — молила Андреа. — Эти устроенные сцены не помогут ситуации.

— Вы бездушные монстры! — кричала Яра. — Все вы!

Андреа одернула платье и высоко подняла подбородок, но выглядела она оскорбленной.

— Уведите ее в библиотеку, — сказала она Индиго. — Я скоро подойду туда.

Они выводили Яру из комнаты, когда она крикнула через плечо.

— Ровнан, как ты мог? Я никогда бы не поступила так с тобой и Виенной! Никогда!

Если раньше я не чувствовал себя виноватым, то теперь это точно было так. Я упал на стул, чувствуя слабость и тошноту.

Ее крики разносились по коридору.

Каспиан повернулся ко мне и Джеку.

— Как бы я не хотел этого говорить, но нам придется пересмотреть наш план. Мы проведем несколько дней наблюдая за ситуацией, а затем в конце недели встретимся с вами и посоветуемся. Если покажется, что Яра, и вправду, не сможет пойти по заданному плану, — Каспиан опустил голову, — мы передадим ее вам.

Джек улыбнулся и протянул руку для рукопожатия.

Но Каспиан держал свои руки за спиной.

— У нас нет другого выбора. Это не значит, что мы согласны с этим, или когда-либо простим себе случившееся и позволим дойти до такого.

Андреа кивнула один раз в знак согласия, и из ее глаз потекли лилового цвета слезы.

ЗАКАТ 10

Солнце пересекло небо четыре раза с тех пор, как нас с Ярой разлучили.

Панго и Меррику было приказано прекратить помощь в сборе урожая. Их место заняли двое других Зеленых. Фиалки беспокоились, что Панго мог передавать сообщения между мной и Ярой. Дельмару позволили оставаться на службе, но с тех пор он проводил дни со мной, не разрешая приближаться к Яре и на пятьдесят футов.

Мы закончили подвешивать растения, поэтому двое Зеленых попрощались, как только Дельмар и я положили инструменты в кладовку.

— Выглядишь печальным, — подметил Дельмар.

Он знал, что случилось на собрании у Фиалок, и я сказал ему, что никогда не буду обсуждать это снова.

— Даже больше, чем печальный, — продолжал он. — Я ни разу не видел тебя таким.

Я свернул веревку и сунул ее на полку.

— Трейган, что я могу сделать?

— Убедись, что все сумки снаружи.

Он положил руку мне на плечо.

— Я не это имел в виду. Что я могу сделать, чтобы помочь тебе и Яре?

— Нет никаких меня и Яры.

— Брось. Ты ведь со мной говоришь. Разлука с ней разъедает тебя.

— Это к лучшему.

— Полный бред.

— Что ты предлагаешь делать, Дел? Ослушаться Фиалок, пробиваться в дом Панго и требовать, чтобы он и Меррик поставили под угрозу свои должности, звания, разрешив мне

увидеть Яру?

— Классный план. Вперед.

Я закатил глаза.

— Это безрассудно.

— Любовь безрассудна. У тебя остались считанные дни, чтобы повидать ее. Панго и Меррик сделают что угодно, чтобы помочь вам. Они видели то же, что и я. Ты впервые в жизни влюбился и безумно счастлив... Даже тогда, когда пытался скрыть это. Ты должен бороться за это.

Я сел на скамейку, изнуренный своей собственной опустошенностью.

— Я должен был держаться подальше. Но в случае с ней это в миллион раз тяжелее.

— Эта девушка любит тебя. Даже после того, как увидела Кимбер и поняла, на что ты способен в самом худшем случае, она смотрит на тебя с тем блеском в глазах, который, даже дураку понятно, и есть любовь. Ты думаешь, Яру заботит то, что случится через неделю? Она внутри умирает, потому что не может быть с тобой.

— Она крепкая, как морская дамба. С ней все будет в порядке.

Он сел рядом со мной.

— Панго сказал, она ничего не ест. Не говорит, не улыбается, не смеется над шутками. Она не плавает и не выходит на солнце. Она не в порядке. Как и ты.

От слов о том, что Яра изнуряет себя, у меня в животе все свернулось в узел.

— Она курит, верно?

— Нет. Панго сказал, единственное, что ее спасает, это то, что она много времени проводит в бассейне, но делает она это, чтобы побыть одной. Она просила навестить Ллойда, и когда Фиалки разрешили, она не выказала и намека на радость или волнение.

— Даже когда увидела его?

— Его не было дома.

Я встал и оперся на косяк дверного проема в кладовую, наблюдая за последними следами солнца, исчезающего в воде.

— Что же делать? Какой путь навредит ей меньше всего?

— Что ты хочешь делать? Впервые за всю свою жизнь делай то, что лучше для тебя. Не изображай вину за свою мать и бабушку. Не делай этого ради твоих людей, чести или Рате. Делай это ради себя. Ты это заслужил.

— Заслужил? Что я заслужил? Я поклялся защищать Яру. Я обещал ее матери, что уберегу ее от мучительного будущего. Я нарушил эту клятву. Я собственноручно сделал ее более несчастной, чем она была когда-либо.

Он встал рядом.

— Она несчастна, потому что не может быть рядом с тобой.

— Она уже знает? Панго рассказал ей план Селки?

Щеки Дельмара поникли, когда он громко выдохнул.

— Он хотел подождать, пока она не покажет хоть какие-нибудь улучшения. Она слишком нестабильна в эмоциональном плане. Он беспокоится, что, рассказав ей, он доведет ее до крайности. Фиалки согласны.

Я кивнул.

— Трейган, Фиалки колеблются в своей вере. Через два дня, если Яра не будет готова выполнить свою часть, тогда... - кожа Дельмара замелькала оттенками зеленого. Он редко показывал свою печаль.

— Что? Что потом?

— Они вернут ее Селки.

— Нет! Как они могли на это согласиться? Это же варварство!

— Они не знают, что еще делать. Они обезумели.

Мое сердце заколотилось. Все мои метки змеями извивались по моей коже. Кожа стала темно-серой.

— Они не могут этого сделать!

— Ты сказал, как хочешь поступить, и я не остановлюсь ни перед чем, пока это не произойдет.

— Мне нужно увидеть Яру. Мне придется убедить ее, что наш путь — самый правильный.

— Когда?

— Сейчас.

— Дай мне несколько часов. Я выясню, кто охраняет Панго, и дам сигнал. Я не хочу бороться с кем-либо из наших, если нам это без надобности. Ты можешь потерять контроль.

— Нет. То есть. Конечно, — я не мог ясно соображать. Жизнь Яры висела на волоске, и мне придется подождать несколько часов перед тем, как я смогу сделать что-то, чтобы защитить ее. — Дельмар, Селки не могут приближаться к ней. Мне все равно, если нам придется бежать, пока не наступит День Троицы Восемнадцатилетних.

— Я позабочусь о месте, где вы сможете спрятаться, на случай, если до этого дойдет.

Я обнял его.

— Ты рискуешь всем, помогая мне. Не знаю, как благодарить тебя.

— Хочешь отблагодарить? — он сжал мои плечи. — Люби ее, Трейган. И позволь ей любить тебя. Помни слова Коралин: Люби, пока любовь не убьет тебя, потому что нет ничего, кроме нее, за что стоит умереть.

Болезнь сделала мою связь с матерью сильнее.

Я не могла сказать Панго. Я хотела, но он бы подумал, что я сошла с ума, если бы сказала, что нарочно делаю себе хуже, чтобы снова и снова видеть призрак моей мамы. Я убедила его, что извожу себя из-за депрессии. Никто мне поверил бы мне, если бы я сказала правду. Никто, кроме дяди Ллойда.

Я продолжала надеяться на то, чтобы увидеть маму снова, как я это сделала на пристани. Она выглядела, как белый шар света, но я знала, это была она. Она пыталась мне что-то сказать, но я испытала слишком сильную боль, чтобы понять ее.

Два дня назад, воспоминание о другом времени, когда я увидела ее призрак, вернулось ко мне. Несколько лет назад, когда я болела пневмонией, я видела ее в больнице. Я сказала об этом дяде Ллойду, а он ответил, что я не сумасшедшая. Он верил, что ангелы-хранители витают рядом, чтобы помогать нам, и что связь с другими душами возможна. Возможно, моя мама могла помочь мне и Трейгану.

Панго отказывался раскрывать мне план Селки до тех пор, пока я не начну есть. Все, что он мог сказать, это то, что он не сработает. Моя мама была сиреной, вступившей в связь с горгоной. Что если она знала что-то, что не знают остальные? Что если она могла помочь?

Бассейн для отдыха у Панго был более уединенным, чем у Коралин. Он и Меррик были далеко, чтобы что-то услышать, поэтому я закрыла дверь в комнату. Тучи закрыли луну. Сквозь окно не проходило и лучика света. Я села на край бассейна и погрузила ноги в холодную, жидкую темноту.

Моя голова раскалывалась уже несколько дней, а живот так сильно болел от голода, что меня тошнило. Мои мышцы трясло от усталости. Но если бы у мамы были ответы на мои вопросы, то все это стоило бы страданий.

— Мам, — шептала я. — Ты здесь? — я сидела очень тихо, искоса смотря на темную воду и наблюдая за вспышками света и за тем, как он качается по волнам. Я ждала, что от ее появления у меня начнет щипать кожу. А потом я что-то заметила. Сначала это выглядело, как белое, каменное свечение на дне бассейна, хотя я знала, что каменная линия была сделана из черных и коричневых камней. Поэтому я наклонилась ближе, часто моргая, пытаясь не обращать внимания на головную боль. Я сосредоточилась на белом расплывшемся пятне в воде.

Мутное пятно становилось больше, плывя в мою сторону, пульсируя и изгибаясь. Из него появились туманные очертания лица. Я чувствовала такую слабость, что едва могла держать голову, но я наклонилась ближе. Мое лицо было в нескольких дюймах от воды, а пальцы крепко вцепились в край бассейна.

Голос моей мамы разливался по моей больной голове.

Мне казалось, будто в моих ушах вата. Большинство ее слов были слабым шепотом, который я не могла разобрать, но я уловила несколько слов.

Правда... секрет... посетить... сирены... кровь... умереть.

— Умереть? — лишь это слово вырвало меня из сосредоточенного состояния. — Кто умрет?

Облачко растворилось. Шепот прекратился.

— Мама, пожалуйста, не уходи.

В окно надо мной врезалась белая птица. Она билась о стекло снова и снова. Он громкого шума мне казалось, будто моя голова разрывается. Резкая боль ударила в виски.

Я потянулась до того места, где исчез свет, и упала вперед, расплескав воду. Я была слишком слаба, чтобы плыть. Мои глаза закрылись, как только я погрузилась на дно бассейна. Я тянулась за мамой, хватаясь за способ спасти Трейгана, но ни того, ни другого не нашла.

На самом деле, я никогда не падала в обморок.

Мое тело начало неметь, а разум затуманился, когда вокруг меня начало что-то происходить, но я помнила какие-то кусочки и отрывки: Панго достал меня из бассейна, завернул в полотенце, а затем опустил на кровать. Один раз я увидела Меррика, он шевелил губами, говоря что-то, но я не слышала его. Я помню запах спирта, укол в руку, затем, в итоге, взгляд сосредоточился на потолке из деревянных балок.

Я долго смотрела на них, думая о том, что нужно двигаться или хоть что-нибудь делать, что угодно, но я не могла. Я не могла открыть глаза, но и уснуть тоже не удавалось.

Долгое время мой мир состоял только из того, что я видела, закрыв глаза. Я не заметила, что все было мерцающего золотого оттенка. Не могла вспомнить, что видела, когда закрыла глаза, будучи человеком, но оно точно не было таким ярким и сверкающим.

Я заставила себя открыть глаза и снова посмотрела на дощатый потолок.

Затем я закрыла веки.

Потолок.

Веки.

Снова и снова, кое-что не изменилось: потолок, веки, Панго.

Я держала глаза открытыми, и он улыбнулся.

— Вот и она. Добро пожаловать обратно в Оз, Леди Дороти. Мы по вам скучали.

Мой живот больше не болел. Я села, а мышцы не казались размякшими. Панго поправил подушку позади меня. Я лежала на его кровати с катетером в руке. Рядом со мной на трехзубчатом торшере висел пакетик с жидкостью.

Я чувствовала себя намного лучше.

Бред.

— Хорошо, что ты русалка, — поддразнивал Панго. — Иначе ты бы утонула в том бассейне. Предполагалось, что ты останешься лицом кверху, понимаешь? Будешь находиться лицом вниз, кожа обвиснет.

— Яра, как ты себя чувствуешь? — спросил Меррик, сидя с другой стороны от меня.

— Лучше, — они все испортили. Я сделала сильные успехи, ослабляя себя и налаживая связь с мамой, а они все испортили, накачав чудесным соком.

Панго положил на меня руку.

— Пожалуйста, скажи, что это была не попытка суицида. Жалость к себе не в моде.

— Я не самоубийца.

— Тогда почему довела себя до такого? Ты и моя сестра, мое слабое сердце не вынесет такого.

— Прости, Панго, — он заслужил право знать правду. У нас осталась лишь неделя. Если бы я ему все объяснила, он, возможно, понял бы, и мы бы попытались снова. — Это был единственный способ, когда я могла..., — я взглянула в его изумрудные глаза и сделала глубокий вдох, — связаться с мамой.

Кровать подпрыгнула, как только Панго и Меррик резко с нее встали.

— Еще раз, — сказал Панго.

— Ночью, когда Никси забрала меня на вечеринку Ровнана, мне было плохо... очень плохо... и я видела маму. Я думаю, она хотела мне что-то сказать. Перед тем, как я упала в бассейн, она сказала, что кто-то может умереть. Я думаю, у нее есть ответы на мои вопросы, но чтобы говорить с ней, мне нужно быть в очень плохом состоянии.

Меррик выпучил глаза, напоминая по цвету лимон.

— Ты понимаешь, как безумно это звучит?

— Ты шутишь? Мы наполовину рыбы. Мы управляем водой, говорим при помощи телепатии и передаем друг другу воспоминания, а общение с духами кажется бредом?

Панго массировал свои виски.

— Что еще она сказала?

Меррик подпрыгнул.

— Панго, ты серьезно в это веришь?

— Яра права. Почему это должно казаться невозможным, учитывая то, каким

магическим является все существующее? — Панго положил голову мне на голову. — Продолжай, что еще сказала твоя дорогая мамочка?

Я вновь прокрутила ее слова в своей голове. Посетить... сирена... кровь.

— Я думаю, она хотела, чтобы я отправилась к сиренам.

— Невозможно, — сказал Меррик. — Этого не будет.

Я попыталась сорвать с себя одеяло, но на моей руке дернулся катетер.

— Подумай об этом. Объяснение того, как открыть ворота лежит в форме стиха, а морские жители и Селки по-разному интерпретируют его. Сирен создали в качестве дополнения горгонам, чтобы они доставляли им сообщения, верно?

Панго кивнул, но Меррик смотрел на меня так, словно настороженная рысь, готовая наброситься.

— Это могло иметь хоть какой-то смысл, — продолжала я, — то, что сирены будут лучшим способом верной интерпретации стиха?

Меррик подбоченился.

— Думаешь, Фиалки до этого не додумались? Они просили их перевести стих, как только ворота закрылись.

— И что они сказали? — спросила я.

Панго качал головой из стороны в сторону.

— Мне кажется, их ответ был чем-то в роде «Катитесь к черту».

— Они не помогут вам?

— Конечно, нет, — ответил Меррик. — Им тут нравится. Им становится плохо так, как нам. С тех пор как ворота закрылись, они им уже не нужно проводить время, передавая воспоминания горгонам, чтобы те были сыты. Они не хотят, чтобы ворота открылись.

Сирены знали ответ. Я была в этом уверена. Вот почему моя мама пыталась поговорить со мной. Я должна их увидеть.

— Моя мама была одной из них. Разве это не дает мне хоть какие-то права на их секрет?

Меррик засмеялся, но Панго смотрел на меня все серьезнее и задумчивее. Было странно видеть их поменявшимися ролями.

— Фиалки никогда не позволят тебе увидеть их, — произнес Меррик. — Никси украла тебя, боже правый.

— Он прав, — пробормотал Панго. — Фиалки не позволят.

— Все это абсурд, — Меррик встал позади Панго, похлопывая его по спине. — Мы должны завтра встретиться с Фиалками, чтобы сообщим им о Яре. И что мы им расскажем? Что она вообразила новый план с ее умершей матерью? — фыркнул он. — Я так не думаю.

Я села и наклонилась вперед.

— Панго, ты должен рассказать, каков план Селки. Возможно, это поможет мне выяснить, что имела в виду моя мама.

— Не раньше, чем тебе станет лучше, — рассердился Меррик.

Панго потряс головой.

— Меррик, ты мне нравишься, но заткнись. Ты слоняешься позади меня, как изводящая мужа старуха. Иди приготовь пирог или еще чего-нибудь.

— Не затыкай меня. Если тебе не нужна моя помощь, так и скажи.

— Не нужна, — Панго встал и вытолкнул Меррика из комнаты. — Я не говорю, что верю в глупости с духами, но мне нравятся хорошие истории, как Моби Дике. Так что тихо, — он помахал ему из-за двери и закрыл ее. — Святые горгоны, этот парень может

помотать нервы.

Панго опустил стакан с соком на мою тумбочку у кровати.

— Как бы я хотел, чтобы это был гранатовый мартини. Хороший владыка выпивки знает, что мне нужен один для того, что я собираюсь тебе рассказать. У нас немного времени, поэтому я надеюсь, что ты надела свои девчачьи панталоны храбрости.

— Я смогу с этим справиться.

Панго перекрестился.

— План Селки — убить тебя.

— Что? — прохрипела я.

— Я понимаю. Бессердечная шпана.

— Ровнан никогда бы не позволил им навредить мне.

— Оу. Мило, что ты веришь в это. Но в их сумасбродных мыслях, Ровнан единственный, кто может отвести тебя к воротам. Любой, кто не является горгоной, или горгона хотя бы отчасти, и плавает в Катакомбах, будет превращен в камень.

Я почувствовала, как кровь приливает к моему лицу.

— Вот почему Ровнан заколдовывал меня? Он хотел, чтобы я доверяла ему, тогда он мог отвести меня в Катакомбы и превратить в камень?

— Нет, Сеньорита Солнечный лучик. В соответствии с проклятьем горгон, душа должна быть принесена в жертву. Селки и морской народ понимают это совершенно по-разному. Помни, они делятся своими душами через кровь.

Я так сильно сглотнула, что чуть не поперхнулась.

— Ровнан хочет моей крови?

— Они верят, что твоя кровь распространится по могилам в Катакомбах... по всем. В стихе есть какая-то чушь о принесении в жертву ради всех потерянных душ, поэтому они могут вернуться... или это какой-то вздор, и те отмороженные болваны разобрали все неправильно. Появился слух, что твоя кровь воскресит погребенные там души.

— Моя... может, это возможно... нет, ведь? Это бред.

— Конечно же бред. Когда ты умрешь, ты просто умрешь. У меня есть друзья, которые погребены в тех Катакомбах, и я хотел бы увидеть, как они поднимутся со дна океана, но ты не думаешь, что они, возможно, будут рассержены, узнав, что прожили восемнадцать лет в состоянии камня? Это нелогично.

С трубкой в своей руке, я заерзала на кровати.

— Ты не веришь, что моя мама говорила со мной, верно?

Он посмотрел на дверь и тихо сказал:

— Возможно. Если бы она узнала что-нибудь из того места, где находится, тогда, наверно, она попыталась бы тебя вразумить, прежде чем стало бы слишком поздно. Сейчас наши два единственных плана заканчиваются по-шекспировски, как у Ромео и Джульетты... ни одна мать не хотела бы такого для своей дочери.

Моя мама недолго заботилась обо мне, пока была жива. Возможно, она хотела попытаться все исправить, находясь по другую сторону.

Я зачесалась в том месте, где была трубка.

— Ты можешь убрать эту штуку? Она надоедает.

— Конечно, — Панго встал и принял на себя роль медсестры. Он издал вздох разочарования, когда постучался Меррик. — Минутку, мистер Гранди!

— Две минуты, Панго! — кричал Меррик через закрытую дверь. — Если к тому

времени вы двое еще не закончите свое заседание, я звоню Фиалкам, чтобы показать сеанс экзорцизма.

Панго взглянул на дверь и высунул язык.

— Он пытается пошутить, но шутки не для него. Я расскажу тебе мой план, но мне придется поторопиться. У нас немного времени.

Я кивнула, когда он приклеил пластырь к моей руке.

— Если есть другой способ открыть ворота, то тебе придется его выяснить. И ты не сможешь сделать это здесь, в Солис. Завтра Фиалки будут требовать от нас правду, а лгать мы не можем. Меррик, как верный пес, выдаст все до мелочи, а Фиалки никогда бы не поверили, что на доске Уиджи может быть расписан другой план. Возможно, сирены будут лучшим вариантом. Оставайся с ними, пока все не выяснишь. Потому что, если ты не согласишься с нашим способом и не сможешь поклясться Фиалкам в том, чтобы забереешь у Трейгана все его песни, Фиалкам придется отдать тебя Селки. Никто из нас этого не хочет. Что ж, мой законный арестант, тебе придется долететь до этого курятника и найти свое последнее чудо.

— Но что на счет Меррика?

— Об этом я позабочусь. Просто слушайся меня, когда мы выйдем из комнаты, — перед тем, как Панго повернул ручку двери, он сделал паузу и прошептал. — Будь осторожна с сиренами. Если тебе покажется, что они в сговоре с Селки, удирай оттуда.

Посетить... сирены... кровь... умереть.

Я тихо молилась о том, что я правильно поняла сообщение мамы.

Я споткнулся о первую ступеньку крыльца, посылая проклятья себе под нос. Постучал в дверь, прислонился к перилам и стал ждать. Через несколько минут дверь со скрипом открылась, и мы пристально смотрели друг на друга.

— Ты мог хоть включить свет на крыльце? — проворчал я.

— Ты пьян? — спросил Ллойд.

Мне казалось, что крыльцо качается подо мной.

— С чего бы? Предлагаешь мне выпить?

— Я ничего тебе не предлагаю, но задаюсь вопросом, какого черта ты делаешь у меня на пороге посреди ночи?

— Яра. Что же еще?

Он шире открыл дверь.

— Заходи, но оставь всю свою злость за дверью. У меня нет достаточно сил, чтобы бороться с тобой.

В жуткой тишине мы сели за стол на кухне. Ллойд не дал мне сказать и слова, пока я не поел и не выпил немного кофе.

— Ненавижу кофе, — эти слова я произнес неразборчиво. — Он не отрезвляет. Все это сказки.

— Он взбодрит тебя. Выглядишь так, будто вот-вот упадешь. Не говоря уже о запахе спиртного, которым провонял мой дом.

— Пройдет через несколько дней.

Он хмыкнул и стал наблюдать за тем, как я отхлебываю эту испускающую пар, негустую жижу. Я боролся с желанием выплюнуть ее.

— Ладно, — сказал Ллойд. — Выкладывай.

— Ваша приемная племянница влюблена в Трейгана.

— Вон оно как.

Я поставил кружку на стол.

— Я пришел сюда, чтобы просить совета. Можешь не быть придурком?

— Прости. Напомни мне, когда в последний раз мы сидели вместе и мило разговаривали? Я не могу припомнить ни одного случая, когда у нас был хоть один разговор как у отца с сыном.

— Избавь меня от своих саркастичных шуточек. Ты знал, где меня найти, если бы хотел увидеться.

— Месяц ты выхаживал вокруг этого острова, перед моей дверью, как минимум, уютно устроился в одном из моих домов, и едва сказал мне пару слов. Думаешь, я не знал, для чего это? Тебе повезло, что я не рассказал Яре, кто ты и что затеваешь.

— На себя посмотри, — ухмыльнулся я. — Чем больше ты суешь свой нос, тем слабее становишься. Джек знал, что ты не сможешь меня остановить. Посмотри, что стало с твоими почками, когда ты помог Вирону создать то заклятье. Ты едва держишься. Мы все сильно удивлены, что ты еще не умер.

— Не шути, — проворчал он. — Мне приходится каждый день следить за своей походкой. Если бы я вмешался снова, у Яры бы никого не осталось. Ты хоть сколько-нибудь понимаешь, сколько раз я хотел привнести хоть какой-то смысл в твою жизнь?

— Пытаясь заработать очередную награду «Отец года»?

— Черт, Ровнан, ты мой сын! — он хлопнул рукой по столу, разбрызгав кофе вокруг моей кружки. — Мне ужасно не нравится, что ты позволяешь Джеку садиться тебе на голову и командовать тобой, даже когда ты неправ. Но я все равно люблю тебя. Не важно, веришь ты в это или нет, но я всегда любил тебя.

— Полный бред! Оглянись вокруг. Все твои драгоценные статуэтки вырезаны в форме русалок, сирен и горгон, но ведь ни одного Селки, так? Упаси боже, если хоть один из видов твоих внебрачных детей представлен в доме.

Он опустил глаза и повернул в сторону свою лысеющую голову.

Я сжал свою кружку и уставился на круг, оставшийся на столе от кофе.

— Ты мой единственный отец, но ты ненавидишь меня за то, что сделала моя мама.

— Я уже давно простил твою мать. И я, и Лиора простили ее.

— Ха! Думаешь, Лиора умирала, не возмущаясь от того, что моя мама родила тебе первенца?

— Лиора тоже подарила мне ребенка.

— Ребенка, который убил ее.

Он снова ударил рукой по столу.

— Заткнись!

— Ты предпочел бы, чтобы это был я, не так ли? Чтобы я добровольно отправился жить к горгонам? Для Трейгана, твоего любимого сына, ты сделал бы все, что угодно. Для меня — ничего

— Твой брат проклят способностью превращать людей в камень. Думаешь, он считает себя моим любимым сыном? Разве ты не понимаешь, что вы трое прокляты, это тяжелое бремя и роковая ошибка? Большую часть времени я ненавижу себя за то, что вмешивался в дела природы. Я жадно бросал камни в воду и смотрел на гладь, разрушаемую рябью, — он сделал глубокий вдох. — Но потом я думаю о вас, мальчиках, и о Яре, и о том, как сильно я люблю вас. И понимаю, что делал бы это снова и снова.

Я покачал головой и встал.

— Да, верно.

Обратиться к Ллойдю за помощью было огромной ошибкой.

— Сядь. Я еще не закончил, — он наклонился вперед, положив свои бледные руки на стол. — Последние восемнадцать лет похожи на ночной кошмар. В последнее время, единственное, что делало это время сносным, это Яра и Лиора.

— Лиора?

Он провел рукой в воздухе.

— Она по-прежнему здесь. Она убедила меня, что все это не зря. Моя помощь Вирону и Клео в превращении в людей, нарушенное обещание, закрытые ворота, война между морскими существами, между моими сыновьями — все это произошло по какой-то причине. Это единственное, почему я продолжаю жить. Иначе я бы сказал Яре правду много лет назад и позволил бы проклятью убить меня. Я не мог оставить ее одну. Мне пришлось поступить правильно.

— Ты с ума сошел. Еще и утверждаешь, что разговариваешь с призраками.

— Одним призраком. Можешь считать, что я сумасшедший. Мне плевать. Я знаю правду, что правильно, и что должно быть сделано.

— Ты клялся, что никогда не встанешь ни на чью сторону.

Он покачал передо мной своим мозолистым пальцем.

— И я сдержал это обещание.

— Ты позволил Трейгану превратить ее в русалку.

— Меня тут не было, когда это случилось. Я ничего не мог с этим поделать.

— Они любят друг друга! Его эмоции могли превратить ее в камень от одного лишь взгляда.

— Я не мог изменить то, что он сделал. Все, что я мог, это убедиться, что она под защитой.

— Защитой? Она беззащитна. Ты видел их вместе. Он смотрит на нее с такой страстью, и это просто чудо, что она еще не статуя.

— У нее есть ожерелье. С ней все будет в порядке.

Я покосился на него, пытаясь понять его чудаковатые, стариковские мысли.

— Какое ожерелье?

— Я дал ей ожерелье, содержащее мою кровь горгоны. Она защищена от превращений в камень.

— Я никогда не видел, чтобы она носила это ожерелье.

От удивления он поднял свои вьющиеся, поседевшие брови.

— Что?

— На Яре не было этого ожерелья, когда я в последний раз видел ее. Русалочий браслет, множество отметин, платье в складку — это да, но ожерелья не было.

Он встал, ухватившись за стол.

— Без защиты, которую дает ожерелье, у них мог произойти несчастный случай. Один пылкий или напряженный момент, и Трейган мог убить ее.

Он несколько раз дернул носом и руками, когда окинул взглядом кухню. Я впервые увидел его напуганным. Потом на меня снизошло озарение.

— Ты знал, что они любят друг друга. Почему бы тогда ты дал ей ожерелье с горгоньей кровью внутри.

— Они много лет любили друг друга. Он появился задолго до тебя, даже в ту ночь, когда он спас ее, не дав утонуть... просто она никогда не знала, кто он.

— Серьезно? Трейган спас Яре жизнь? Почему я этого не знал?

— Знаешь, сколько раз я наблюдал за ней, стоящей у прибоя, кричащей в океан? Она, возможно, не помнила, как он спас ее, но ее душа знала, что он был где-то, — Ллойд повертел рукой больничный браслет на его запястье. — Они уже были связаны. Нет способа прекратить связь двух душ-половинок, которые уже однажды встречались. Посмотри на себя Виенну.

Он упоминания Виенны мое сердце растаяло.

— Ты, правда, веришь, что Трейган и Яра половинки друг друга?

— Я это знаю. Но это не значит, что ее жизнь вне опасности, когда она с ним и не под защитой.

— Они разлучены. Фиалки приказали разделить их до Дня Троицы Восемнадцатилетних. Они не верят, что Яра пойдет по их плану сейчас, когда она влюблена в Трейгана.

— Что они собираются делать?

Я оперся на стол. Я не хотел говорить ему, но мне придется.

— Помочь нам с нашим планом.

— Нет, — выдохнул Ллойд.

— Видишь, ты выбрал для себя сторону.

— У Джека тупой план. Я не понимаю, как он мог подумать, что убийство ее и есть ответ. Он же вроде умный парень.

— Он считает, что это единственный способ открыть ворота.

Ллойд начал ходить, прихрамывая, по кухне.

— Я должен найти ее.

— Чтобы предупредить ее о нас? Для этого уже слишком поздно, папа. У нее нет других вариантов.

— Ровнан, мне нужна твоя помощь.

Я засмеялся. Спиртное, должно быть, ослабило мои защитные рефлексы. Время рассказать старику правду.

— Я пришел сюда, чтобы просить твоей помощи.

— Моей?

Он подозрительно наблюдал за мной, но впервые за двадцать лет я подумал, что мог сказать что-то, чем мой отец будет гордиться.

— Я не знаю, смогу ли я пройти через это. Я продолжаю твердить Джеку, что смогу, но когда придет время, когда мы с Ярой будем у ворот, я не думаю, что смогу причинить ей

боль.

Все его тело, кажется, расслабилось. Он провел рукой по подбородку и отошел к стойке. — Что ж, тогда, я заварю еще кофе. Кажется, впереди у нас долгая ночь.

ДЕНЬ 11

Через несколько часов взойдет солнце. Дельмар и я прятались за парой валунов, уже час изучая дом Панго. Дельмар настоял на том, чтобы мы подождали, когда сменится охрана, но я не мог найти себе места.

Все казалось неправильным — и разлука с Ярой, и то, что Дельмар рисковал своим званием, помогая мне, и просьба охранников посмотреть в другую сторону, и то, что Фиалки поддерживали план Селки. Совершать правильные поступки на этой неделе, казалось невозможным, но способ должен был быть.

— Джейлен и Энзо идут на смену, — сказал Дельмар. — Скоро и мы сможем пройти.

— Что если они передумали?

— Тогда будем драться.

— Панго и Меррик правда не знают, что мы идем?

Дельмар покачал головой, не отрывая взгляда от Джейлена и Энзо.

— Они не покидали дом с восхода солнца. Я не мог связаться с ними, не вызывая при этом подозрений.

— Что Кимбер думает обо всем этом?

Он вскользянул по мне взглядом и усмехнулся.

— А кто, как ты думаешь, наблюдал за домом всю ночь?

— Хм. Дельмар, мне не нравится, что она в этом участвует.

— Ой, да перестань. Все, как в старые добрые времена, когда мы втроем вместе попадали в передраги. Только сейчас мы играем против Ровнана, а не с ним.

— То были безобидные детские шалости. Кто знает, какотреагируют Фиалки, если мы попадемся.

— Не беспокойся об этом, пока оно не случилось, — он дал знак следовать за ним. — Пора идти.

Мы быстро шли по тропинке, прячась в тени, пока не добрались до дома. Джейлен ушел, когда почуял нас, и сделал вид, будто ему нужно проверить периметр, но Энзо смотрел на нас, когда мы к нему подошли.

— Ударь меня, — сказал он.

— Что? — Дельмар и я переглянулись.

Энзо показал на лицо.

— Ударь. И тебе лучше вывести меня из строя. Если Фиалки будут меня спрашивать, я хочу сказать, что ты меня вырубил.

— Энзо, — начал было я, — не думаю, что это необходимо...

Но прежде чем я закончил, Дельмар ударил Энзо так сильно, что тот отлетел назад, упав без сознания на землю.

— Дельмар, какого черта?

Он пожал плечами.

— Теперь сможет сказать, что ничего не видел, и не это не будет ложью.

— Он же твой друг.

— Верно. Поэтому я и сделал то, что он просил. Теперь пошли за твоей девчонкой.

Он открыл парадную дверь дома Панго, но ни один из нас не был готов к тому, что мы увидели: Меррик был привязан полотенцем к стулу с кляпом во рту, а для больше безопасности перевязан клейкой лентой.

— Что ж, неожиданно, — сказал Дельмар, закрывая дверь позади нас.

Панго вышел из-за угла, держа в руках мартини. На нем красовался фартук со словами «Обними меня, станцуй со мной, я принес вина».

— Привет, джентльмены. Могу предложить вам выпить, пока готовятся булочки с корицей?

Я подошел к Меррику, который пытался подпрыгнуть на стуле к нам.

— Почему Меррик связан?

Панго отхлебнул содержимое своего бокала.

— Он упрямился, и его пришлось немного усмирить.

— Упрямился чему?

— Помощи мне и Яре. Он хотел пойти к Фиалкам и рассказать им все.

Я едва вытащил кляп изо рта Меррика, но засунул его обратно, прежде чем он смог сказать хоть слово.

— Дай мне ленту.

Меррик застонал и попытался ударить меня, но Панго связал его слишком крепко.

Дельмар обхватил рукой широкую шею Панго и засмеялся.

— Черт, мы двое забавная парочка.

— Яра отдыхает? — спросил я.

Панго вскинул зеленую бровь, сделал еще один глоток мартини и направился в кухню.

— Вроде таймер прозвенел, нет?

— Панго, — я тянул «о», пока он не повернулся.

Он поставил бокал.

— Ладно. Скажу правду. Ее тут нет.

— Что значит, ее тут нет? Где она?

— Она сбежала.

— Она снова пошла повидаться с Ллойдом? — спросил Дельмар.

Панго смотрел на потолок, качая головой и стороны в сторону.

— Не совсем. Возможно «сбежала» — не то слово. Скорее упорхнула в гнездышко.

— Гнездо сирен! — я зашагал через комнату, готовый задушить его.

Дельмар встал между нами.

— Успокойся, давай выслушаем, почему. Панго не стал бы связывать Меррика, не будь

на то веской причины.

— Конечно, не стал бы. Я единственный, кому нравится быть связанным, — Панго послал воздушный поцелуй Меррику, который бурчал что-то сквозь кляп.

Я отошел от всех. Мыслями я был уже на улице и рассекал океан. Мне нужно было найти Яру.

— Начинай объяснять, Панго, и побыстрее.

— Технически, вы моя тетья, — сказала я Отабии. — Разве вы не обязаны мне помогать? Разве не связаны кровью, или, как там еще, со своей погибшей сестрой?

Отабия кружила по затопленной гостинной, где сидели Никси и я. Каждые десять секунд она выпускала пронзительный крик. От постоянного дерганья ее черная челка качалась перед глазами, которыми она быстро моргала. Это было немного пугающе и тревожно.

— С вами все в порядке? — спросила я ее.

Никси положила свою голову мне на колени, крутя в руках прядь моих волос.

— Она голодна и окружает тебя.

— Окружает?

— Сейчас время ее обеда, а твой неожиданный визит вынудил ее защищаться. Это ее естественный инстинкт — считать тебя хищником. Она хочет покинуть наше гнездо.

— Но ты в порядке, находясь здесь со мной.

— Я думаю, это хорошо, что ты тут, — переливающиеся красные волосы Никси щекотали мне ноги каждый раз, когда она двигала своей головой. Ее сестры меня пугали, но что-то в ней меня успокаивало.

— Почему ты так добра со мной, а она, — я взглянула на Отабию, — кажется, меня ненавидит?

Рубиновые глаза Никси излучали радость.

— Я обязана жизнью твоей матери. Ни одна другая водная душа за всю историю не была «повышена» до сирены. Я могла бы умереть, как и остальные, если бы она не выбрала меня в качестве своей замены, — ногти бордового цвета на ее босых ногах указывали на Отабию. — Она и Мариза всегда были сиренами. Они просто злятся от того, что Клео решила оставить их и стать человеком.

Белая цапля тихо уселась на подоконник, но противно закричала, когда в комнату влетела Мариза. Она так сильно хлопала коричневыми крыльями, что волосы разлетелись у меня по лицу.

Отабия испустила еще один пронзительный крик.

— Бестолковая гарпия! Я целый час звала тебя. Где ты была?

— Еще раз назовешь меня гарпией, — грозилась Мариза, — и я выщипываю все твои перья.

Отабия продолжала наворачивать круги по комнате. Мариза оглядела меня с ног до

головы и быстро заморгала. Она кружила следом за своей сестрой, но чуть медленнее.

— Я пришла сюда за помощью, — объяснила я. — Мне просто нужны ответы.

— Тебе нужны ответы? — прошипела она. — Отлично! Они у меня они есть, но прежде тебе придется отпить у меня кровь, чтобы узнать правду.

Я сильно сглотнула.

— Тебе придется поймать ее на слове, — Никси провела пальцем по моей шее. — Она может больше не предложить такого.

Я обещала Трейгану, что больше никогда не буду пить кровь, но когда я рассказала сиренам, что планы морских жителей и Селки, на мой взгляд, неверны, они не лишили меня возможности узнать правду. Если Отабия предоставила мне шанс, чтобы спасти мою жизнь и Трейгана, то разве это не стоит того, чтобы сделать малый глоток крови?

— Хорошо, — пробормотала я.

Цапля влетела в комнату. Факелы вспыхнули бушующим огнем. Никси соскочила с моих ног. Мариза и Отабия двигались так быстро, что казались сплошным черно-коричневым пятном. Неожиданно все три сестры оказались в дюйме от моей лица, их зрачки расширились, а сами они качали головами и щелкали языками.

Отабия с важным видом расправила крылья, скрипя зубами в сторону Никси и Маризы, пока те не отошли.

— Моя. Она моя, ведьмы. Старые курицы!

Отабия схватила мои запястья и дернула меня за ноги. Ее пальцы казались твердыми и грубыми. Большим пальцем она проткнула мне кожу. Я посмотрела вниз. Ее пальцы оказались когтями, изогнутыми, уродливыми и страшными. По моей руке потекла кровь.

Никси и Мариза запели, а их крылья затрепетали. Почему я согласилась на это? У меня было настолько дурное чувство, словно я могла умереть в считанные минуты.

— Сначала я выпью твою кровь, — Отабия облизала свои темно-серые губы. — Иначе я умру с голоду и не смогу поделиться воспоминаниями.

Другие сестры засмеялись. Я поняла, что она лжет, но была не в том положении, чтобы спорить. Чем дольше она держала меня, тем сильнее становилась боль в запястьях.

— Хорошо.

Крылья Отабии обвили нас так быстро, что я не успела заметить реакцию Никси и Маризы. Мы были заперты в полной темноте. Две другие сестры неистово пищали по другую сторону стены, которую образовали крылья Отабии, но я сосредоточилась на низком дыхании.

— Тебе лучше делиться страшными воспоминаниями, — проурчала она. — Печаль, страдание — вот, что мне нужно от тебя.

Я ничего не видела. Ни ее лица, ни глаз... только тьма.

— Как на счет ночи, когда умерла моя мама?

Она ослабила хватку на моих запястьях. Ее влажный язык успокоил жжение, но затем ее зубы впились в мою плоть, и я вскрикнула от боли. Но мои крики ослабли, как только она стала высасывать тепло из моей руки, и мы закружились в холодной темноте.

Я пережила заново ту ночь, когда умерла моя мама.

Звезд не было видно. Я сидела на качелях, мотая маленькими, босыми ножками туда-

сюда, заставляя качели раскачиваться. Сверчки сильно стрекотали, когда ветер пронизывал пальмы своим дуновением. Ко мне подкрадывался розоватый туман. Трава клонилась к земле, и перезванивались металлические колокольчики, когда легкий ветерок долетел до крыльца. Я закрыла глаза, как только ветер подул мне в лицо, развевая мои волосы по ветру так, будто мог унести меня. Затем он тихонько засвистел, провожая меня через входную дверь в дом.

— Довольно, — произнесла я.

Сверчки замолкли. Я будто ощущала, как они припали в траве в ожидании, наблюдая за мной своими крошечными глазками. Меня охватило чувство, что что-то не так.

Я сползла с качелей так медленно, как только могла, пытаюсь не нарушить жуткую тишину, которая окутала наш двор. Я зашагала к двери и вгляделась внутрь. Когда я дернула ручку, петли заскрипели так сильно, что у меня зазвенело в ушах.

Я схватилась за перила и сделала первые шаги по ступенькам, с каждым разом поднимаясь едва на дюйм, надеясь на то, что если буду двигаться медленнее, мои страхи не станут явью. Даже будучи восьмилетним ребенком, я поняла. Задолго до того, как сделала последний шаг и посмотрела вниз по коридору в сторону спальни мамы, я все поняла.

Перед дверью спальни загорелся светлячок. Я задалась вопросом, просили ли его сверчки полететь и проследить за мной из-за того, что не видели меня со двора. Я пошла дальше, медленно двигаясь, как улитка. Даже была уверена, что если бы я обернулась, то увидела бы после себя размазанный по полу скользкий след душевной боли.

Светлячок загорелся снова. Он был у мамы в комнате. Она бы крикнула мне уходить отсюда, если бы не спала, но мама не кричала. Она вообще не издавала ни звука. На пороге ее комнаты я раз шесть сглотнула. У меня так сильно пересохло во рту, что я представила, будто каждый глоток — это вишневый лимонад, который я пила за ужином у дяди Ллойда. Светлячок начал мелькать. Сверчки снаружи притихли. Пол подо мной заскрипел, как только я шагнула в комнату мамы.

Она смотрела вперед точно так же, как обычно смотрела каждую ночь с крыльца. Ее глаза всегда были широко открыты, она не моргала, смотря на что-то в воде, что я никак не могла разглядеть, и бормотала что-то о моем отце. Однажды я спросила ее, что она видит. Она ответила: «Рай».

Мой дядя говорил мне, что Рай — это то место, куда попадают люди после смерти, поэтому я думала, что мой папа был не в океане, а в какой-то его части, называемой Раем. Поэтому мама так долго смотрела на него. Сейчас она таким же взглядом смотрела на потолок, но я знала, что моего папы там нет.

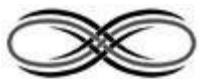
Он должен был быть где-то в воде, ожидая ее. Я четыре часа сидела на полу рядом с ее кроватью, плача и теребя коленки, спрашивая себя, как я могла бы привести маму в Рай. Потом у меня возникла мысль.

Я поцеловала мамину холодную руку, спустила ее с кровати, затем вниз по лестнице к задней двери. Сквозь слезы я извинялась перед ней за каждый раз, когда ее ноги или руки ударялись о ступень или о дверь. К тому времени, как мы достигли на пляже старой лодки, я истекала потом, а мои мышцы дрожали от напряжения. Старая лодка была самым подходящим способом для того, чтобы отвезти маму к папе. В ее нижней части даже выросли цветы.

Кажется, я выбивалась из сил на целую вечность, перекатывая маму через край в лодку. Но потом подул сильный ветер, и я была рада тому, как легко стало толкать лодку в воду.

Сначала я вскрикнула и тяжело задышала от того, какой холодной была вода. Весел не было, поэтому я держалась за спинку лодки и толкала ее, веря в слова мамы о том, что где-то там есть место, называемое Раем. Я продолжу грести, пока мы не найдем его.

К тому времени я заметила, что лодка начала тонуть. Я была слишком далеко, чтобы повернуть назад, поэтому продолжала толкать, несмотря на то, что соленые морские волны били мне в лицо, отчего нос и рот будто загорелись. Мои руки и ноги совсем замерзли, к тому времени как вода поднялась до краев лодки. Грубая древесина выскользнула из моих рук. Я вцепилась в тело мамы. Я слишком устала, чтобы толкать дальше. И вместе мы погрузились в темную воду, надеясь отыскать моего папу.

По моим щекам ручьем текли слезы, когда передо мной снова появилась Отабия. Она больше не держала меня в своих крыльях, как в коконе. Никси и Мариза стояли позади нее. Все они выглядели грустными и казались спокойными.

— Кого ты любила больше? — спросила Отабия. — Мать или отца?

Я шмыгнула носом и вытерла лицо. По моей руке медленно текла кровь.

— Я любила их обоих.

— О, да брось, ребенок. Не нужно быть со мной такой тактичной. Ты чувствовала связь с одним из них сильнее, чем с другим. Ты, может, и любила их обоих, но ради кого ты бы отдала жизнь?

— Я не знаю. Думаю, за маму. Если бы я могла поменяться с ней в ночь, когда она умерла, то так бы и поступила.

— Понимаю. Когда твой отец так трагически погиб, у тебя было то же самое чувство, инстинкт защитить его?

— Мой отец умер, когда мне было четыре. Я не помню этого.

— Он умер во время пожара. Не выдержали легкие. Ты знала, что он был пожарным?

Я кивнула.

— Род деятельности кое-что говорит о его духе, не так ли? Смелый герой, самоотверженный и бесстрашный. Вот кем был этот мужчина, первая и единственная любовь твоей матери. Мы видели, как она была привязана к нему, и от этого нам с Маризой становилось не по себе. Она поддавалась любой прихоти твоего отца, мечтая о браке на всю жизнь, доме и детях. Но для обоих все закончилось катастрофой.

Я обхватила себя руками.

— Она потеряла себя после его смерти, потому что сильно скучала по нему.

— Твоя мать сделала бы все что угодно, чтобы твой отец был счастлив, — ответила Мариза. — Больше всего она боялась, что однажды ее идеальный мужчина, герой, увидит в ней обычного, слабого человека, которым она стала. Что он оставил бы ее или нашел бы кого-то, кого полюбил бы сильнее.

Отабия одним быстрым движением подлетела ближе.

— Определенные моменты навсегда меняют нашу жизнь. Хочешь знать, какими были твои родители на самом деле? Я была с ними в тот день, когда ты родилась. Я стояла рядом с кроватью твоей матери, — она вонзила коготь себе в руку и по ней потекла черная струйка крови. — Попробуй и переживи это ради себя самой. Ты найдешь ответ, который ищешь.

Мои руки тряслись, но я крепко сжала руку Отабии. Я обдумывала все снова и снова.

Прости, Трейган.

Затем я приникла ртом к ее кровоточащей ране.

Ее кровь по вкусу напоминала лакрицу. После первого глотка я поморщилась, а затем я будто по спирали окунулась в душу Отабии и начала переживать ее воспоминание.

Мы были в доме дяди Ллойда. Отабия держала покрытую потом руку мамы, в то время как дядя, Мариза и Никси сутились вокруг нее. Моя мама часто и тяжело дышала, ее глаза выглядели уставшими, но лицо светилось. Сирены были эмоционально связаны, но помимо чувств моей мамы Отабия знала и ее мысли.

Она была на седьмом небе от счастья, от того, что осуществила мечту моего папы, была уверена, что ребенок свяжет их навечно, но и чувствовала облегчение, что ей не придется держать ребенка. Мой отец выглядел обеспокоенным, убирая с лица мамы мокрые волосы и помогая восстановить ее дыхание.

Мама сделала последнее усилие. Отабия, Никси и Мариза закричали с ней в голос, все они чувствовали ту же боль, что и она. С первым же моим криком, Мариза объявила, что родилась девочка — я. Она положила меня маме на руки. Папа смотрела на меня, свою новорожденную дочь, и его глаза наполнились слезами счастья.

Моя мама чувствовала в нем изменения. Она понимала, что скользкий ребенок, плачущий между ними, стал самой важной причиной, ради которой ему стоило жить. Ее самый сильный ужас стал явью.

Мой отец нашел того, кого полюбил сильнее моей мамы.

Она яростно сжала зубы, а нос раздувался от злости. Она протянула меня папе, закрыла глаза и сказала, что лучше бы я никогда не рождалась.

Я заставила себя выйти из воспоминания и отпрянула от Отабии.

— Почему ты показала мне это?

Мои глаза жгло от того, что я старалась сдержать слезы.

— Глупая! Ты должна увидеть гораздо больше, — она подняла мою кровоточащую руку. — Пей.

— Нет! Не хочу больше.

Моя мама никогда не любила меня, но я убедила себя, что это из-за того, что ей больно, что она сильно скучала по отцу, что у нее не осталось ничего, чтобы дать мне. Мой дядя заставил меня поверить, что она любила меня, что она просто не знала, как это показать. Теперь я вижу и чувствую правду. Моя мать ненавидела собственного ребенка.

Хуже того, это воспоминание открыло очередную, разбивающую сердце правду. Я смотрела в окно на солнце, пытающееся выглянуть из-за дождевых облаков на далекий остров.

— Дядя Ллойд, — пробормотала я, пытаюсь сложить все кусочки пазла вместе. — В воспоминании у Маризы и Никси были крылья. Вы все были не в человеческом облике, а сиренами. Моя дядя знает о вас. Он знает все о вас, верно?

Никси плавно подошла ко мне с опущенными крыльями.

— Конечно, он знает, милая Яра. Как ты думаешь, кто помог твоим родителям

превратиться в людей? Почему же еще твоя мать принесла тебя обратно в Эденс Хаммок?

Мне не хватало воздуха, чтобы дышать. То, что Ровнан был частью этого и лгал мне, было ужасно, но дядя Ллойд? Любящий мужчина, который приглядывал за мной, вырастил меня, как собственную дочь? Он тоже был частью всего этого? С какой стороны он плел интриги? Я подумала о том, как Ровнан посещал остров. Дядя Ллойд никогда много о нем не рассказывал, но он никогда не запрещал мне видеться или быть с ним осторожнее.

Мой дядя, должно быть, был на стороне Селки. Почему еще тогда он позволял Ровнану приходить на его остров? Сестры что-то говорили мне, но их слова расплывались. Я чувствовала слабость.

Единственная семья, которая у меня была, — мой дядя, все это время он принимал участие во всем этом. Мужчина, о котором я беспокоилась и за которого молилась каждую ночь, был никем иным, как основоположником плана, чтобы обескровить меня и передать горгонам. Всю мою жизнь все, кого я любила, либо ненавидели меня, либо обманывали.

Все, кроме Трейгана.

Вокруг меня запорхали крылья. Огонь в факелах заплясал по всей комнате. Я закрыла руками уши, чтобы приглушить крик сирен.

Когда я повернулась и увидела Трейгана, стоящего напротив меня, я чуть не упала в обморок. Он обхватил меня руками, и я зарылась лицом в его грудь.

— Забери меня в какое-нибудь безопасное место, — молила я его.

С каждым уходящим днем восходы для меня становились все ценнее.

За четырнадцать лет моя жизнь была постоянным отсчетом. Меня это не беспокоило до сегодняшнего дня, когда Яра стала моей любовью, а не обязанностью. В те моменты, когда ее тонкая натура проскальзывала сквозь трещины упрямой внешней оболочки, я задавался вопросом, всегда ли я любил ее. Возможно, мой непреодолимый инстинкт обезопасить ее был чем-то большим, нежели просто сочувствием или давним обещанием ее матери.

Яра не проронила ни слова с тех пор, как мы покинули гнездо сирен. Она плавала и ела. Она даже позволила мне помочь принять ей душ, но не издала ни звука, ни разу не посмотрела на меня. И лишь смотрела куда-то отсутствующим взглядом, в какой-то мир, частью которого я быть не мог. Я оставил ее в покое, не вынуждая говорить о том, что случилось.

Несколько часов она лежала на диване, будто в коме. Я взял белый сарафан из тех вещей, что Дельмар, очень кстати, принес, и сел рядом с ней.

— Яра, тебе нужно посидеть снаружи на солнце, пока оно не зашло. Может, от этого ты почувствуешь себя лучше.

Она села, выполняя движения на автомате, и уставилась вперед. Яра выглядела подавленной, потрепанной жизнью или тем, о чем сирены с ней говорили. Или может она думала, что я разочаровал ее. Мы были разлучены. Панго пытался вспомнить все важные новости, но я мог лишь вообразить, какие, должно быть, мысли прошли в ее голове за

последние несколько дней.

— Я не хотел разлучаться с тобой, — произнес я. — Может показаться, что я бросил тебя, но...

— Что? — она повернулась и посмотрела на меня.

— Прости. Я не знаю, какие мысли мучают тебя весь день, но если причина твоей печали я, то обещаю, что постараюсь загладить свою вину.

Она моргнула. Казалось, впервые за то время, как мы покинули гнездо, я был с ней.

— Ты? Нет, — ее взгляд метнулся к стеклянной стене, находящейся позади меня. Затем она бегло посмотрела на окружающие нас вещи: дорогая мебель, старинные напольные вазы, итальянские мраморные полы и огромную гостиную. — Где мы?

— В уединенном пляжном доме. Мы можем укрыться тут.

— Дом? Выглядит, как усадьба.

Я тоже огляделся вокруг, впервые оценивая великолепие этого места.

— Дельмару нравится преувеличивать.

Она посмотрела свой махровый халат, а затем на платье в моих руках.

— Я смутно помню, что мы вместе принимали душ.

— Ты плакала, а теплый душ успокаивает людей. Я подумал, может это поможет тебе почувствовать себя лучше, — ее щеки вспыхнули румянцем, как, наверно, и мои. — Я старался держать взгляд выше твоей шеи.

— Старался? — она пробежала пальцами по кончикам своих волос, вздыхая и улыбаясь. — Шампунь.

— И кондиционер. Опять же, удобства для человека. Я выяснил...

Она обвила меня руками и положила голову мне на грудь. Несколько минут мы просто стояли так, держась друг за друга.

— Это значит, ты простила меня? — спросил я.

— Простила тебя? За что? — она немного отпрянула назад и взглянула на меня, сжимая халат у себя на груди.

— За то, что не пришел за тобой раньше.

— Тут нечего прощать. Сейчас ты здесь, все остальное не имеет значения.

Я провел по ее мягкой щеке, прося каждого бога на небесах о том, чтобы все было по-другому, чтобы у меня было долгое будущее, вместо нескольких скоротечных дней.

— Это платье для меня? — спросила Яра.

Я снова поднял его.

— С чего ты взяла, что оно для тебя? Думаешь, на мне оно не будет хорошо смотреться?

Она засмеялась, блеск в ее глазах и живость в голосе начали медленно возвращаться.

— Не могу представить тебя в платье.

Мы по-прежнему смеялись, когда Яра встала и сдернула с себя халат. Она подняла руки над головой, пока я с трудом справлялся с ее сарафаном, пытаюсь не пялиться на ее прекрасное обнаженное тело. В моей голове проносились отчетливые картинки того, что хотелось сделать с ней, но я сохранял над собой контроль и продел сарафан через ее руки и голову, спуская его ниже, пока он не прикрыл девушку. Мои руки задержались на ее запястье. Я одернул ткань, притворяясь, что расправлял невидимые складки.

— Что ж, желтовато-белый означает, что ты смущен, — произнесла она.

Я почувствовал, как мне стало еще больше не по себе, а она улыбнулась еще шире. Боже, как же я любил смотреть на ее улыбку, она была заразительной.

— Нам нужно на солнце, прежде чем оно зайдет.

— Ладно.

— Поднимемся на крышу?

— Крышу?

— Когда тебе было пятнадцать, я наблюдал за тобой, ты сидела на крыше своего дома. Я просил Коралин дать мне знать, когда ты сделаешь это снова. И ты делала. Много раз.

В ее глазах появилось недоумение.

— Я так делала? Не помню такого.

— Я хочу щелкнуть пальцами и вернуть тебе все твои воспоминания, — со временем большинство из них вернутся, но я никогда не смогу увидеть ее такой, полностью уверенной в себе, в своем прошлом... или будущем.

— Хорошо. Высасывающая воспоминания штука, но не мог бы Дельмар просто вернуть их мне? Или это не работает в обратную сторону?

— Если бы это было возможно, он бы уже это сделал.

— Ладно, тогда пошли на крышу. Может, это что-нибудь возродит в моем сознании.

Когда мы проходили через комнату с бассейном, Яра просвистела:

— Суперкласс.

Дельмар все предусмотрел. Половина бассейна была крытой, но окна высотой от пола до потолка пропускали очень много солнечного света. У нас было место, где отдохнуть или поплавать и не быть при этом обнаруженными шпионами. Не то, что бы я беспокоился о сиренах, разыскивающих Яру. Они были сыты по горло происходящим. Но если бы Джек понял, что мы бежали вместе, он бы отправился на наши поиски. Если Ровнан не мог пойти по моему следу, то Джек мог мистическим способом убедить какого-нибудь богатого жителя острова на поиски с самолетом. Но у нас все же был денек-другой, прежде чем Джек обнаружил бы нас. Не нужно сидеть взаперти, если в этом нет нужды.

Я шагнул на площадку перед бассейном, и Яра последовала за мной, изучая внешний вид дома.

— Ступеньки, лесенка или что-то еще?

— Что-то еще, — ответил я, водя рукой по воде в бассейне, будто мешая ее.

— Отлично. Могу я попробовать поуправлять водным подъемником?

Я взглянул на нее.

— Не знаю. Будешь долго погружаться, если не станешь крепко держать его.

— Ты не веришь в меня?

Я вздохнул про себя.

— Давай для начала разберем основы.

Она хрустнула пальцами и пожала плечами, готовясь к первому уроку по созданию водного моста. Мне не нужно было разогреваться, но я подготовил руки на тот случай, если ее первая попытка не будет успешной.

Но она оказалась почти безупречной. Она не заметила маленького наклона, который, в конце концов, врезался бы во внутренний дворик, но, когда я указал ей на это, она быстро все исправила и следовала моим указаниям безо всякого упрямства.

После того, как мы взяли одеяло, и еще одной попытки за едой и напитками, она стала прекрасно сама со всем справляться, и моя помощь была ей больше не нужна.

— Ты был прав. Мне это нравится. Вид оттуда замечательный, — она перекадилась на живот и положила подбородок мне на грудь. — Почему у нас не бывает солнечных ожогов?

— Одна из привилегий быть русалкой, — я лежал рядом, одна моя рука была за головой, другой я водил по ее плечам, стараясь не обращать внимания на заходящее солнце на небе.

— Я не могу этого сделать, — произнесла она. — Не могу забрать у тебя твои воспоминания. Ты должен понять, насколько для меня это будет невозможно.

Я провел пальцами по ее волосам.

— Если ты этого не сделаешь, Селки убьют тебя.

— Нет, если не найдут меня.

— Думаешь, они перестанут нас искать, если ворота не откроются? Они убьют нас обоих, и я не буду винить их в этом.

Ее голос дрогнул.

— Ты — все, что у меня есть, Трейган. Я не могу тебя потерять.

— У тебя есть друзья: Панго, Дельмар, Кимбер. У тебя есть Ллойд.

— Он лжец. Вся моя жизнь с ним была ложью.

— Кто тебе это сказал? — она отвернулась от меня, смотря на заходящее солнце. На ее спине появились новые отметки медных крыльев — отметка сирены. Я вздохнул. — Ты пила кровь сирен.

— Они обещали показать мне способ, чтобы все это исправить.

— И они это сделали?

— Нет. Они солгали. Как ты и говорил.

Я повернулся и обнял ее.

— Прости. Я должен был прийти туда раньше.

— Это не твоя вина. Все — мои родители, мужчина, которого я звала дядей, Ровнан — они все мне ввали. Ты единственная правда в моей жизни, Трейган. Ты единственная душа в этом мире, кому я доверяю, а ты говоришь мне, что я должна помочь тебе забыть и оставить меня навечно. Как? Как я должна это сделать?

— Ты должна быть сильной.

— Ты тоже сильный.

— Я силен благодаря тебе.

Она облокотилась на меня и вдохнула сладкий аромат яблочного цветения. Я не знал, что еще сказать. Если все так сильно изменилось, я не знал, смогу ли сделать это. Моя работа была простой. Яра должна была обойти стороной все, что причиняло страдания. Я ненавидел себя за то, что поставил ее в такое положение именно сейчас.

— Мой... Ллойд, — произнесла она. — Он твой отец, верно? Он горгона, превращенная в человека.

— Да.

— Я хочу увидеть его. Я хочу, чтобы он понял, что я все знаю. Хочу спросить его, как мог он вести себя так, словно любил меня, и врать мне на протяжении четырнадцати лет.

— Он любит тебя. Он стоит в стороне от этой битвы. Он поклялся не принимать ничьей стороны. Ровнан и я просили его о помощи, хотя бы в наших случаях, но он отказал нам обоим. Мы его сыновья, но он сказал, что не будет вмешиваться в наши дела. Ты можешь ему доверять.

Она молчала, а мне так отчаянно хотелось услышать ее мысли.

— Пойдешь со мной? — спросила она.

— Я не упусти тебя снова из виду, пока не наступит конец.

— Не говори так. Конец. Мне не нравится, как это звучит.

Я кивнул.

— Идем, давай дадим моему отцу шанс объясниться. Он его заслужил.

Спустя несколько секунд после того, как мы уже проплыли сквозь воду, Ллойд стоял у задней двери, неистово махая нам, чтобы мы зашли в дом.

— Торопитесь! Торопитесь!

— Что случилось? — спросил я.

— Они где-то поблизости разыскивают вас двоих.

— Селки?

Он толкнул нас в дом и задвинул шторы.

— Селки, морские жители, сирены. Единственным заколдованным местом на этом острове является этот дом и место в двадцати футах вокруг него. Но если хоть один морской житель находился в воде поблизости, то он, возможно, уже учуял вас.

Яра уставилась на него, разинув рот.

— Взгляни на себя. Наконец-то перестал притворяться, что ты ничего не понимаешь, да? Ты мог защитить меня от всего этого. Мог защитить своего собственного сына!

На мгновение дядя Ллойд казался задетым, но потом он взглянул на потолок.

— Яра, нам с тобой нужно поговорить наверху. Трейган, следи за каждым, кто приблизится к дому.

— Мы можем поговорить прямо тут, — Яра скрестила руки на груди и села на диван.

Ллойд выпрямился.

— Что-то мне подсказывает, что у тебя есть несколько крепких словцов для меня, и я предпочел бы, чтобы ты сказала их мне лично, наедине со мной, не при моем сыне.

Яра взглянула на меня и кивнула. Он знал характер Яры. Я не винил его в том, что он хотел поговорить за закрытыми дверями.

Она пошла вверх по лестнице, а Ллойд следом за ней. Сначала крики Яры были такими громкими, что я заволновался, что сирены могли бы услышать их из своего гнезда, но через несколько минут, единственными звуками, которые я слышал, был звук их шагов надо мной.

Я молился, чтобы она простила его. Скоро они будут нужны друг другу как никогда раньше.

— Ты не мог знать, что я поверю в это! — я качала головой, пытаюсь прояснить свой ум.

— Это правда, детка, — бурчал себе под нос дядя Ллойд.

— Ты говоришь, что твои больные почки и мамино больное сердце — это результат того, что ты держал меня подальше от горгон?

— И проблемы с легкими у твоего отца тоже. Стено и Юриэль дали ясно понять. Как

только мы стали людьми, нам было запрещено вмешиваться в дела подводного мира. Но мы вмешались, поэтому нам пришлось столкнуться с последствиями.

Я села у ножки кровати рядом с ним.

— Как они могли... Как это вообще возможно?

— У сестер есть друзья рангом повыше. Бог Посейдон. Он дал нам жизнь. И он с легкостью может забрать ее или заставить нас страдать.

Моя злость постепенно утихала, появлялось все больше вопросов.

— Что ж, если ты не на стороне Ровнана, тогда почему ты позволил ему быть так близко отсюда? Ты знал, что Селки хотят убить меня.

Он подошел к моему туалетному столику и открыл верхний ящик.

— Ты чертовски симпатичная. Я знал, что чем ближе он станет тебе, тем сложнее ему будет следовать плану Джека, — он протянул мне ожерелье из камня. — Вот, ты потеряла это. Нашел по дороге между нашими домами. Всегда держи его при себе, слышишь?

Я открыла кулон и взглянула на выцветшее фото своих родителей.

— Ты и мой отец наложили на меня заклятье, действующее восемнадцать лет. Я понимаю, почему это плохо. Но что сделала такого ужасного моя мама? Она ведь хотела, чтобы я жила с горгонами.

— Где, черт возьми, ты этого набралась? Она хотела сделать все, что угодно, лишь бы удержать тебя подальше от этой пещеры.

— Она ненавидела меня. Отабия показала день моего рождения. Она хотела, чтобы я никогда не рождалась.

Ллойд фыркнул и провел пальцами по своему щетинистому подбородку.

— Слушай, я не знаю, что показала тебе Отабия, но Клео делала все, на что была способна ее убитое горем сердце, чтобы защитить тебя. Именно она придумала бежать отсюда и спрятать тебя. После того, как не стало твоего отца, она боялась, что тоже умрет, и у тебя никого не останется. Тогда горгоны в любом случае нашли бы тебя и забрали. Она вернула тебя обратно и отправила Никси к Андреа, чтобы посоветоваться с ней. Они встретились с Трейганом, попросили его быть твоим телохранителем и идеально спланировали твоё превращение. Она знала, что зашла слишком далеко. Знала, что это убьет ее, но все равно делала. Твоя мать была уверена, что достаточно людей поклялись присмотреть за тобой, когда ее не станет.

Я не могла вымолвить и слова. Я лишь рассматривала крошечное, выцветшее фото улыбающихся родителей и хотела, чтобы их любовь ко мне не была таким же блеклым воспоминанием в моем сердце.

Дядя Ллойд прокашлялся.

— Я хотел сказать тебе, но не мог. Если бы я вмешался, то тоже мог умереть. Ты бы осталась одна. Ты была ребенком. Мы все хотели, чтобы у тебя было обычное детство. Настолько нормальное, насколько могло быть, учитывая обстоятельства.

— Я думаю, она пыталась сказать мне что-то.

— Твоя мама?

Я кивнула.

— Я видела и слышала ее дважды с тех пор, как превратилась.

Дядя Ллойд взглянул в угол комнаты, а затем обратно на меня.

— Уверена, что это была она?

— А кто же еще это мог быть?

Он почесал шелушащуюся кожу руки и выглядел хуже, чем когда-либо.

— Лиора. Она проверяла тебя несколько раз. Мне нужно было знать, что с тобой все в порядке.

— Ты можешь говорить с ней, когда захочешь?

Он улыбнулся.

— Ты единственная, с кем она общается за все время.

— Что? — выдохнула я.

— С тех пор, как ты появилась на острове, она наблюдала за тобой. Когда ты была ребенком, твой разум был открыт для нее. Она начала учить тебя, стараясь подготовить к шумихе Дня Троицы Восемнадцатилетних. Воспоминания о твоих с ней занятиях были стерты после твоего обращения. Ты думаешь, кто сделал тебя Желтой?

От удивления я широко раскрыла глаза.

— Лиора сделала меня Желтой? Как?

— Она была Фиалкой. Чертовски сильной. К тому же умной. Господи, я любил эту женщину. Она могла предугадать мои ходы в игре в шахматы на десять шагов вперед, — он снова взглянул в угол комнаты и улыбнулся. — Лиора была там, когда Дельмар обратил тебя. Она хотела быть уверенной, что все пошло правильно. Он не мог ее видеть, разумеется, и ей было немного обидно, что ты не сохранила в памяти все, чему она учила тебя о морском народе. Однако, к тому времени она уже даровала тебе статус Желтой.

— Почему Желтой?

— Она знала, что ты научила бы остальных паре-тройке вещей о любви и верности.

У меня было очень много вопросов, но я боялась, что ответы причинят дяде еще больше боли. Он уже держался за колени, словно боль в них была больше, чем обычно.

— Ты можешь умереть из-за того, что рассказываешь мне все это?

— Возможно. Но тебе уже восемнадцать. У тебя есть дом, новая семья. С тобой все будет хорошо. И не важно, что случится со мной.

Мысль о том, чтобы потерять его, и тот факт, что все эти годы он был болен из-за нее, казались душераздирающими. Слишком много людей пожертвовали собой ради нее. Я была недостойна всей этой боли и страданий. Это должно прекратиться.

— Трейган не займет мое место. Я не допущу этого. Скажи, что мне нужно сделать, чтобы стать сестрой горгонам и жить с ними.

Он засмеялся, причем смех его был громким и глубоким, идущим будто из живота.

— Ты не допустишь этого? Хах.

— Нет. Не допущу. И я не понимаю, как ты мог. Он же твой сын.

— Яра, ты забываешь, что я горгона. Я знаю, как они мыслят. Трейган никогда не смог бы занять их место. Вся троица должна состоять из девушек.

У меня сбилось дыхание.

— Тогда почему ты позволил Трейгану верить в это все эти годы?

— Он никогда не говорил мне об этом. Ни слова. Он никогда не спрашивал моего мнения и не просил помощи. Возможно, беспокоился о том, что случилось бы, если бы я вмешался еще раз. Он, твоя мать и Андреа придумали этот дурацкий план. Лиора сказала, что Трейган впервые почувствовал, что у него есть цель. Он, наконец, смог помочь кому-то, а не навредить. Я оставался в стороне от этого, поэтому жил достаточно долго, чтобы вырастить тебя. За это время Лиора подготовила тебя к тому, что нужно сделать.

— Но я понятия не имею, что нужно сделать.

— Нет, знаешь. Глубоко внутри ты знаешь. Ты уже сделала первый шаг, добровольно вызвавшись занять место Медузы. Это самая важная часть жертвоприношения.

— Что еще я должна сделать? — и снова он сосредоточил взгляд в углу. Комната стала казаться теплее и меньше, словно воздуха в ней было недостаточно для нас двоих. — Почему ты смотришь туда?

— Лиора, — сказал он, но это не был ответ. Он говорил с ней. — Думаю, сейчас самое подходящее время.

Я отчаянно искала в комнате любые признаки света, светящейся сферы, хоть чего-нибудь, но это была лишь моя комната. Без единого признака духа.

Дядя Ллойд встал.

— Идем, леди, мы сделаем это в моей комнате.

Мы встали напротив одной из дядиных вырезанных из дерева панелей. Русалка, похожая на ту, что была внизу, была вырезана еще более замысловато. У меня возникло какое-то смутное видение разговора с женщиной, но затем оно исчезло.

— Как я раньше этого не заметила? — спросила я. — Русалка во всех твоих вырезанных фигурках — это Лиора.

— Ты не так много помнишь об этих фигурках, не так ли?

Я покачала головой.

— Что ж, тогда, — он прокашлялся и прохрипел, прислонившись к портрету. — Это может показаться неестественным, но отнесись к этому с пониманием. Через минуту она будет выглядеть более похожей на живую. Сосредоточься на ее глазах, — он заговорил на языке, который я не понимала и, казалось, читал стихотворение, когда проводил пальцами вдоль гребней и волн, которыми оказались волосы русалки.

— Я бы спросила, шутка ли это, но учитывая последние пару недель, что-то внутри подсказывает, что ты серьезно болен.

— Уверю, Лиора готова показать тебе что-то, что никогда не видела ни одна живая душа. Помни все, что ты умеешь. Храни это не только в своей памяти, но и в душе. Это невероятно важно для того, чтобы выжить в День Троицы Восемнадцатилетних. Я объясню оставшееся, когда ты вернешься. Ей уже не терпится, — он произнес одно, последнее предложение на отрывистом, незнакомом языке, а затем отошел от портрета в сторону.

Я сделала глубокий вдох и уставилась на вырезанные из тика глаза напротив меня.

Когда яркий аметистовый свет погас, я выдохнула. Я видела жену дяди Ллойда на фотографиях, развешенных по всему дому, но она выглядела как человек. Сейчас она была русалкой-Фиалкой, красота которой захватывала дух, движение глаз, тела и жизнь.

В ее глазах отражались плывущие облака, мою грудь стянуло, прежде чем я смогла понять, что происходит.

Я была Лиорой, стоящей напротив водопада. Но в отличие от моих занятий с Трейганом, я могла отделиться от Лиоры, даже если переживала ее чувства. Точно так же было с Отабией.

Напротив меня ревел сверкающий, разноцветный водопад. Его вершина терялась из

виду. Вода шептала что-то прекрасное.

— Все, что тебе нужно, это пройти сквозь него, — произнес ангельский голос.

Как бы ни было сложно оторвать взгляд от великолепного водопада, Лиора все же повернулась к говорящему.

Та женщина светила словно солнце. В волосах у нее были вплетены цветущие виноградные лозы. Ее кожа сверкала, как вода, искрилась оттенками розового, лилового, фиолетово-голубого, зеленовато-желтого и золотистого. Женщина улыбалась, и Лиора подумала о бледном полумесяце в летний вечер — один из тех редких случаев, когда солнце и луна одновременно видны в небе.

Лиора знала, что она достигла места между жизнью и смертью. Она знала, кто была та женщина, и понимала, чем была переливающаяся стена воды.

— Там, за стеной, чудесно, — говорила Медуза. — Ни боли, ни ненависти, лишь любовь и красота.

Лиора оглянулась и увидела хмурое небо. Красная молния пронзила серо-коричневые облака. Из грозного моря поднимались темно-зеленые волны и ударялись друг о друга. Из воды вылетела чайка, задушенная пластиковыми шестиблоковыми кольцами. Она упала на землю у ног Лиоры с выпученными глазами и скользкими от масла перьями.

Лиора перевела взгляд с раненой птицы на свой серебряный живот, покрытый метками аметистового цвета. Ее накрыло чувство пустоты, но она не понимала почему. Левая половина ее тела превратилась в русалку, правая — осталась человеком, но соединялись они вместе, как единое целое.

Она подняла чайку и отправила ее в водопад. Он разделился, словно занавеска и поглотил ее. На другой стороне глаза чайки тот час ожили, а пластик растворился. Она радостно вскрикнула и улетела прочь на сильных и здоровых крыльях.

— Так просто, — произнесла Лиора.

— Так просто, — согласилась Медуза.

Стоя у водопада, Лиора не видела, как жизнь мелькнула у нее перед глазами. Люди, которых она оставила, не сильно занимали ее мысли. Жизнь и все, кого она знала, были похожи на тоненькую ниточку, касающуюся ее щек, в то время как остальная ее часть была окутана пышным, теплым одеялом мира, любви и счастья. Крошечная ниточка могла с легкостью упасть незамеченной, но она чувствовала ее, мысленно ухватилась за нее и крепко держала.

— Мой муж и ребенок, — сказала Лиора Медузе. — Я не могу пока уйти.

— За ними присмотрят другие.

— Мой сын превратил меня в камень. Ты прокляла его, чтобы наказать меня. Он никогда не будет жить нормальной жизнью.

— Я накладываю проклятья на своих детей. Ты выбрала этот путь. Ты выбрала любовь горгоны.

— Мы не можем контролировать тех, кого любим. Ты знала, это правда, — Лиора указала на водопад. — Это твой рай. У тебя была любовь и дар предвидения для того, чтобы создать иной мир для всех твоих детей. Позволь и мне внести частичку, чтобы убедиться, что с моим сыном все будет в порядке.

Они обе взглянули на бушующую, поднимающуюся бурю позади нас.

Медуза скрестила руки перед собой.

— У меня нет возможности отправить тебя назад.

Разбитая, Лиора была бессильна, в ее голове видения светящегося водопада и волнующегося моря сменяли друг друга. Свет, тьма, затем снова свет. Она знала, должен быть способ связаться с Ллойдом и защитить Трейгана.

— Ангелы, — пробормотала она. — У людей есть ангелы. У нас тоже есть нечто подобное?

На лице Медузы появилась легкая улыбка. Она встала напротив Лиоры, повернувшись к водопаду. Сначала Лиора внимательно рассматривала глаза Медузы, полные отражений звезд, ожидая ответа, но затем она увидела что-то позади нее. Едва уловимые очертания лиц и тел пролетали сквозь воду. Лиора поняла, что это были души тех, кто не прошел полностью на ту сторону.

— Находиться между небом и землей намного сложнее, чем жить или умереть, — предупредила Медуза.

— Но они делают это, верно? Они нашли способ общаться и помогать живым.

— Некоторые, да.

— Я хочу быть ангелом, — сказала Лиора решительно.

— Ты уверена, Лиора?

— Да. Я найду способ обеспечить моему сыну хорошую жизнь, даже если это убьет меня, — она иронично посмеялась над своими последними словами, когда волна унесла нас в водопад.

— О, Боже мой, — выдохнула я, падая на пол в комнате моего дяди. Моя кожа казалась мне тяжелой и чужой. Деревянная панель вновь стала обычной, но я не могла перестать пристально смотреть на нее.

— Я могу лишь представить, — Ллойд сел на кровать и вздохнул. — Яра, ты хочешь открыть ворота?

— Разумеется, — сказала я, будучи еще в шоке от того, что пережила.

— Ты хочешь занять место Медузы?

Изображения темной пещеры, окруженной красным, бушующим морем пугало меня, но все хотят вернуться домой. Будут спасены сотни жизней. Я кивнула в знак согласия.

— Если бы для вас с Трейганом был способ быть вместе, когда все кончится, ты сделала бы все, что угодно, не важно, как ужасно и безумно это кажется?

Мое сердце забилося так сильно, что пульс отдавался в пальцах ног и рук. Мы с Трейганом и правда могли бы быть вместе?

— Да, я все сделаю!

Он сделал глубокий вдох и взглянул на пустое пространство позади него.

— Этого достаточно? Ты уверена, что она вспомнит, когда придет время?

Он спрашивал Лиору. Я не смогла услышать ее ответа, но какое отношение имело ее воспоминание со мной к открытию ворот?

— Хорошо, тогда, — произнес дядя Ллойд, — слушай внимательно. У Лиоры есть план. Мы вырастили тебя сильной, умной и готовой сражаться за то, что ты хочешь. Будем надеяться, мы проделали тщательную работу.

Мы с Трейганом скрывались три дня.

Ночью вместе отдыхали в бассейне. Днем разговаривали, рассказывали разные истории, смеялись, смотрели фильмы, играли в игры, тренировали мои способности и выходили за границы физического наслаждения друг другом.

Чаще всего мы лишь касались и гладили друг друга, но несколько раз он позволил мне поцеловать его в шею, в плечи и в грудь. Его губы были под запретом, от чего я желала их еще больше. Дважды я пыталась подкрасться к его губам, но он всегда сдерживался, и это сводило меня с ума, потому что я никогда не могла держать себя в руках.

Мы играли в игру, где писали пальцами слова или сообщения на коже друг друга. Вообще-то, это была моя игра. Он лишь составлял компанию иногда неохотно, до тех пор, пока я не начинала зевать. Тогда он писал большое предложение, начинающееся на моей шее и заканчивающееся у пальцев ног. Я ни разу не разгадала ни одно из них. Моя голова переставала соображать уже к половине его послания.

Я никогда в жизни не чувствовала себя настолько близкой к кому-либо, но мне нельзя было говорить Трейгану о нашем плане. Я даже не могла рассказать ему, о чем мы говорили с дядей, потому что беспокоилась, что любые детали вызовут еще больше вопросов. Вопросы, которые могут выдать правду, которую я должна скрывать от него.

Трейган уже несколько раз ненавязчиво спрашивал, хорошо ли все прошло, объяснился ли Ллойд, злюсь ли я еще, доверяю ли дяде снова. Дядя Ллойд посоветовал мне обращать все в форму вопроса, потому что я не могла лгать.

— Если бы я не доверяла ему, почему бы тогда я согласилась наложить на дом чары? — я оглядела комнату, но не увидела никакой разницы. — Думаешь, оно действует?

— Без понятия, — Трейган пожал плечами. — У меня никогда не было отцовской вспышки для заклинаний. Будем надеяться, что я все сделал правильно.

— Ты знал, что у тебя может быть способность накладывать чары, но ты никогда не пробовал ее использовать?

— Всю свою жизнь я боролся против использования способностей горгоны. Если бы я мог убрать эту часть себя, то сделал бы это.

— Это возможно?

— Нет. Даже Ллойд, ставший человеком, по-прежнему имеет в себе частичку горгоны. Она в моих жилах, мышцах, коже, спрятана в моей душе. И нет способа удалить ее полностью, — он остановился. — Нам нужно поупражняться.

Я застонала и отвернулась. Нам не нужно было упражняться, но я не могла сказать ему об этом.

Он поднял мой подбородок.

— Тебе скучно от моих воспоминаний?

— Конечно же, нет. Просто я ненавижу тот факт, что ты до сих пор думаешь, будто я заберу их у тебя.

— Тебе придется, Яра.

— Ты продолжаешь так говорить, — я пожала плечами. — Но я способна чувствовать, когда тебе больно от этого.

Он обвил меня руками, специально дыша мне в шею.

— И, тем не менее, я буду писать на твоём теле столько, сколько ты захочешь. Хотя целый роман.

Мы дошли до той черты, где начинали чуть ли не заключать сделки. Он всегда мог убедить меня пойти тренироваться, заставляя физически почти таять. Я хотела было сказать «нет», но он оказывал на меня какой-то гипнотический эффект, от чего я чувствовала себя безоружной.

— Хорошо, но ты же знаешь, я это ненавижу. Как только сделаю первую удачную попытку, я закончу с этим до самого Дня Троицы Восемнадцатилетних.

— Идет.

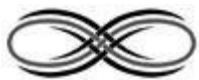
Он сел на пол, и я переползла к нему на колени. Это была моя любимая часть, затишье перед бурей, момент спокойствия, прежде чем его взгляд затуманился. Он тоже понимал это, поэтому каждый раз ждал чуть дольше, держа меня и пристально глядя на меня. Между нами не было ни звука, кроме звуков дыхания. Желание поцеловать его душило меня. Каждая клеточка моей кожи кричала, зовя его губы, но мои желания оставались неисполненными. Это была самая ужасная часть.

— Следуй своим желаниям до самого конца, — говорил Трейган, — до тех пор, пока жажда не утолится.

Наши мысли слишком разнились по поводу того, чего я желала.

— Угу. Просто продолжай.

В его глазах пробежали серебряные и голубые облака. Наши души становились единым целым.

Это был день, изменивший жизнь Кимбер. Она была Красной, и выглядела едва на двенадцать лет. Из ее маленького розового ротика торчала палочка от леденца. Если бы я не проживала этот день на месте Трейгана, то засмеялась бы над каждым, собравшимся вокруг вертящейся стеклянной бутылочки. Прежде я видела эту игру в кино. Какой-то смешной способ заставить кого-то тебя поцеловать.

Трейган тоже так думал. Когда бутылочка указала на него, он не нервничал и не был взволнован. Он был мрачным. Он взглянул на Дельмара, который, будучи маленьким ребенком, выглядел милым и худеньким.

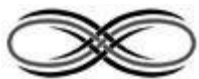
Трейган опустился на колени и пополз к середине круга. Остальные дети хихикали или подшучивали. Кожа Кимбер вспыхнула голубым, когда она вытащила изо рта розовый леденец и поползла навстречу Трейгану.

На доли секунды я вернулась в свое тело, в котором смотрела на россыпь веснушек на щеке Трейгана, но вспомнив его обещание, я вернулась обратно в облака в его глазах. Если

мне удастся вытащить из него это воспоминание, мне никогда больше не придется браться за это снова. Это его огорчило. Ему было бы лучше не вспоминать об этом.

Губы Трейгана прижались к губам Кимбер, но что-то пошло не так. Я не погружалась в его память полностью. Воспоминания Трейгана и я реальная, сидящая у него на коленях, перемешивались. Прошлое и настоящее, снова и снова. Это очень сбивало с толку.

Ревность и желание накрыли меня, словно волны прилива. Я не могла поверить, что бывает так сложно сохранять контроль, или хотя бы просто оставаться в памяти Трейгана. Как Трейган, я почувствовала, как губы Кимбер превратились в камень, и услышала детский крик. Потом я снова стала собой, и ощутила тепло на губах и плоть между зубами.

— Яра! — паника в голосе Трейгана вернула меня обратно в мое тело, и я тяжело дыша, скользила зубами по его нижней губе. — Выплюнь! Сейчас же!

Кровь и слюна из моего рта капали на пол. Трейган отчаянно вытирал мои губы. Столкнув меня с колен, он резко поднялся на ноги.

— Выплювай. Не глотай. Я принесу тебе воды.

Молодой человек побежал на кухню, пока я ползала на коленях. У меня закружилась голова. Золотистые прожилки на мраморных плитах расплывались. Что заставило меня прокусить его губу? Он научил меня питаться мысленно, без крови. Почему я его укусила?

Трейган заставил меня приподняться, держа стакан у моего лица.

— Сполосни рот и выплюнь. Господи, Яра, ты не можешь пить мою кровь. Пожалуйста, не глотай ее.

Я сделала, как он сказал, набрала в рот воды и полоскала рот. Я оглянулась с надутыми щеками.

— Просто выплюнь! Потом приберемся!

Я сплюнула в ближайшую вазу. Повторив весь процесс еще раз, я посмотрела на Трейгана, мои руки тряслись.

— Это что сейчас было?

— Твоя жажда крови проявилась слишком резко. Сирены могут пить кровь горгон, не раня их, но в случае с русалками, я не знаю, как это действует. Мы не можем рисковать.

— Бог мой, ты посмотри, что я с тобой сделала! — я практически продырявила его губу. И кровь текла по его подбородку.

— Со мной все хорошо. Как ты? — он осматривал мое лицо. — Открой рот.

— Ничего не произошло. Если бы часть меня превратилась в камень, я бы знала.

Он смотрел мне в рот, будто пациенту, у которого болело горло.

— Не понимаю, — сказал он. — Когда ты укусила меня, мои эмоции зашкаливали. У тебя во рту были моя кровь и слюна. Я не могу понять, как это не превратило тебя в камень.

— Может, у меня иммунитет, как у сирен, — я сложила губки и прикрыла глаза. — Поцелуй меня, и мы все поймем.

Он провел большими пальцами по моим щекам.

— Не шути на эту тему.

Но это все, что я могла сделать. Не говорить ему правду, повредить его губу и вынуждать его беспокоиться — все это будило во мне чувство вины.

— Нам следует поработать с воспоминаниями.

— Так и сделаем, — он убрал руки с моего лица.

Такие простые действия всегда жалят. Мне осталось лишь несколько прекрасных дней с ним. Каждый раз, когда он перестает меня касаться, отворачивается или выходит из комнаты, я вижу набросок будущего, в котором мы, возможно, не будем вместе. Что если нелепый план Ллойда провалился. Я должна выяснить, как Трейган относится к привидениям, но это еще нужно было правильно выразить.

— Пообещай мне кое-что, — попросила я.

— Если смогу.

— Пообещай, что если этот сумасшедший план убьет тебя, ты вернешься и будешь являться мне. Никаких «идти к свету» или «продолжай жить» даже если ты считаешь, что это мне во благо. Это чушь. Ты нужен мне навсегда. Даже если это только твой призрак.

— Это не жизнь, Яра, — он вытер кровь с лица кухонным полотенцем.

— А если бы ты был на моем месте? Ты бы хотел, чтобы я осталась здесь с тобой?

— Это бессмысленный разговор. Я буду горгоной. Я не умру.

Он не заглывал наживку. Придется спросить в лоб.

— Что если я умру? Ты бы хотел, чтобы я являлась тебе?

— Не думаю, что в этом случае мы можем выбирать.

Я хотела рассказать ему о его матери и дяде Ллойде, и о водопаде, но я обещала им этого не делать.

— Я верю, что это возможно, но, пожалуйста, будь добр и ответь.

— А о чем ты спрашивала?

Я толкнула его в плечо.

— Ты бы хотел, чтобы я являлась тебе?

Он посадил меня на свои колени, зарылся пальцами в мои волосы, посылая мне волны тепла.

— Хочу ли я, чтобы ты была со мной? Думаю, это твой настоящий вопрос. Да, хочу. Будь у меня возможность все это изменить, чтобы мы могли быть вместе, я бы ею воспользовался. Но если ты умрешь, не знаю, чего бы я хотел. Сейчас, зная, какого это быть рядом с тобой, жизнь без тебя будет лишь существованием, — его рука скользила по моему плечу, опускаясь к по вырезу на платье. — С призраком такое не прокатит.

Его прикосновения пустили по моей коже пламя удовольствия, от которого терялись мысли. И я не хотела, чтобы он останавливался.

— Ты моя Ямабуки, — прошептал он. — Ты сильная. Ты это переживешь.

Сильная, волевая, не принимающая отказа. Дядя Ллойд сказал, что я, разумеется, обладаю этими качествами, и поэтому он верил, что наш секретный план сработает. Если он был так уверен, то почему я не могу сказать Трейгану? Почему я должна прятать от него такую важную информацию? Я согнула руку подобно культуристу.

— Да, я сильная. То же самое сказал и дядя Ллойд.

Трейган поцеловал мои руки.

— Ты должна слушать его. Он знает, о чем говорит.

Всем сердцем и душой я надеялась, что это так и есть.

Последние несколько ночей я провел в закрытом подвале бара. Отсутствие лунного света плохо сказывалось, но Джека это не волновало. С каждым днем пытки становились хуже.

Стальная дверь распахнулась, разбудив меня от воображаемого кошмара, откидывая в реальный.

— Ты уже готов говорить? — спросил Джек.

Я наклонил голову, ибо был слишком слаб, чтобы ее держать. Он дернул меня за ноги и потащил вниз по коридору, через темноту, пустой бар и наверх. Джек пинком открыл дверь и вытолкнул меня на крышу. Под палящее солнце. Все как вчера.

Я уже знал, что ждет меня. Наручники свисали с цепи, закрытой на замок на толстой трубе, соединяя электрический провод с остальными частями. Мое пальто валялось на металлической коробке в нескольких шагах от меня.

Джек мог даже не говорить мне сесть. Я сам рухнул на колени. Он натянул цепь и защелкнул на моих запястьях наручники. Стояла изнуряющая жара. Моя жажда с каждой минутой становилась сильнее, но Джек не стал бы убивать меня, по крайней мере, я на это надеялся, так что приходилось терпеть.

Он закурил и наклонился, выдохнув мне в лицо холодное облако дыма. Я старался вдохнуть все, что мог, но мои легкие будто растаяли в груди.

— Ровнан, это самое глупое из всего, что ты когда-либо делал. Просто скажи мне, где они.

Я перестал отвечать на его вопросы еще со вчерашнего дня, когда солнце поджаривало мой мозг, превратив в омлет все мысли. И больше не начинал.

— Ты предатель. Ты готов умереть, чтобы твой брат-полукровка смог спрятаться и поиграть в семью с этой гарпией?

Полукровка. Должно быть, у него вылетело из головы, что я такой же.

— Я думал, что обучил тебя лучше, — он сплюнул. — Думал, что ты верен нашему виду. Я верен. Черт возьми, верен.

Дина подошла с охлажденной кружкой крови и присела на корточки рядом со мной.

— Скажи ему, где они, и ты сможешь это выпить. Я ненавижу, что должна это делать.

Я прислонил голову к горячему металлическому корпусу кондиционера и закрыл глаза. В первый день у меня так текли слюни, что на сегодня у меня ничего не осталось. Мой рот стал суше, чем пустыня Мохаве.

— Поставь ее здесь, — приказал Джек, будто Дина не повторяла это вчера несколько раз. Она понимала, что кружку надо поставить так, чтобы я не дотянулся, и мы оба знали,

что будет дальше. — Пей из него.

— Джек, он белый, как моллюск. Не думаю...

— Сделай это!

Она взяла мою руку в свои ладони. Я не открывал глаз.

— Ровнан, мне жаль.

Ее клыки, рвущие мою кожу, не причиняли боли. Моя душа была разделена с кем-то, кроме Виенны, и эта часть находилась в агонии. Я не знаю, как долго она пила из меня. Я пытался подавить все: боль, жару, жажду. Еще один день. Мне нужно пережить еще один день.

Джек выкрикивал угрозы и приказы, но в моем полусознательном состоянии все теряло смысл. Дина держала передо мной свою истекающую кровью руку, касаясь теплой жидкостью моих губ. Часть меня хотела открыть рот, вцепиться в нее и высосать до конца, но я вспомнил ангельскую улыбку Виенны и заставил себя крепче сжать зубы и губы.

В итоге Джек что-то пробормотал, и они вышли. Я перевернулся вниз лицом на горячий бетон. Металл кусал запястья, но уже не так сильно как вчера. Шум крутящихся то включающихся, то выключающихся блоков переменного тока, грохот стального корпуса и визг ремней вентилятора — все это сливалось в колыбельную ада. Вентиляторы гнали вокруг теплый воздух, чем и душили меня, сжигая легкие.

Я отказывался смотреть на свое пальто. Мысли о ледяной воде, прохладном и волнующем поцелуе Виенны и наше будущее вместе в Роте не утихали в моем затуманенном разуме. Я сосредоточился на солнце, пока оно не стало жечь мне глаза. Наконец, оно из ярко-оранжевого стало черным, прямо как кончик зажженной сигареты.

Я проснулся и из тумана ужаса попал к трепещущим крыльям и подумал, что, возможно, я уже умер. Надо мной стоял ангел, чьи крылья тянулись по бокам выше его роста. Свет создавал сияние вокруг всего его тела.

— Упрямый выродок.

А нет, не ангел. Просто Никси, стоящая в свете солнца и смотрящая на меня, как на беспомощное создание у ее ног. Коим я и был.

— Какого черта ты их защищаешь?

Я никому не мог рассказать о плане. Вряд ли я сам его понял, но если бы это сработало, как обещал Ллойд, то я вынес бы и большие мучения. Я воспрял духом, когда подумал, что Никси могла бы мне помочь. Она могла бы освободить меня, вернуть мое пальто и перенести обратно в воду.

О, вода. Мысли о ней разбудили во мне надежду. Но удача была не на моей стороне.

За ней появился Джек, выпуская дым щербатой улыбкой.

— Никси со мной согласна. Ваш план позволить Трейгану и Яре побыть вместе был идиотским, но вы в этом преуспели. Время вышло. Где она?

Я не мог вспомнить, сколько дней прошло. Их время вышло? Могло ли солнце скрыться за крышами ко Дню Троицы Восемнадцатилетних? Я пытался говорить, но мои губы не отрывались.

Джек наклонился и стряхнул на меня пепел.

— Я выхожу из этой игры. Выпей кровь и скажи мне, где девчонка, или Никси начнет забирать твои воспоминания о Виенне, одно за другим, пока не останется ничего.

Мое тело не реагировало, но пульс бил в каждой его части.

— Нет! — я с трудом вздохнул.

— Так, смотрите-ка, — посмеялся Джек, — на это он реагирует. Жаль, я не подумал о такой уловке раньше.

— Мне все равно нужна песня, Джек. Ты обещал, — стуча по бетону высокими каблуками, Никси присела передо мной. — Думаю, эта паника в глазах означает, что ты согласен выпить.

Представлял ли я себе ее слова? Ллойд не мог так точно предсказать каждый шаг. Но пока мы здесь, все идет, как задумано, актеры читают свой текст почти дословно.

— Да, конечно, — согласился Джек. — Как только он выйдет из состояния растения, ты получишь свой душевный коктейль, — Джек за волосы дернул меня наверх и поднес ко рту стакан. Я использовал все имеющиеся силы, чтобы открыть рот и выпить кровь. — Начинай говорить.

Пока я пил из стакана мелкими глотками, Дина накрыла меня моим пальто. Покрывало из холода еще никогда не было таким приятным.

— Я не следил за ним, — произнес я слабым шепотом. — Но я могу. После того как вернутся мои силы.

— Сегодня ты будешь спать под светом луны и исцелишься. Завтра ты выследишь своего братца-плохиша; мы забираем девушку и все вместе возвращаемся домой.

Я кивнул и продолжил пить.

— Не стоило быть таким упрямым, Ровнан, — Джек потушил сигарету на моей шее. Я скривился от жгучей боли, и он щелчком отправил окурок мне в кружку. — Никси, возьми его в бассейн за соседней дверью. Он охлажден. Опустить его в воду и можешь забрать любое его воспоминание, какое захочешь.

Никси усмехнулась мне и облизала губы.

«Нет, Никс, — подумал я. — У меня уже есть песня, выбранная специально для тебя: долгая беседа между мной и моим отцом.»

Ллойд оказался прав. План действительно может сработать.

Я наблюдал мой последний закат.

Я стоял в дверях веранды, смотря мимо бассейна на океан. Яра медленными шагами спустилась вниз и на цепочках прошла через всю комнату. Я чувствовал ее движения, но не понимал, почему она крадется. Но решил не оборачиваться, когда она подкралась ко мне сзади. Я слишком доверял ей, чтобы в чем-то подозревать.

Она ударила меня чем-то по затылку.

Меня толкнуло вперед, и, когда обернулся, увидел ее, смеющейся и держащей в каждой руке по подушке.

— Зачем ты это сделала? — спросил я, потирая сзади шею, хотя удар не был болезненным.

— Давай драться, — она кинула мне одну из подушек.

— Хочешь, чтобы мы дрались подушками? Могу спросить почему?

— Мой знак крыльев заставил меня задуматься о перьях. Я вспомнила одну из моих любимых сцен из старого фильма «Почти ангель». Ты смотрел его?

— Нет.

— Это эпизод, в котором группа мальчиков-хористов собирались идти спать, но кто-то включил радио, хоть и знал, что оно светится, и у них могут быть проблемы. Мальчики начали танцевать под музыку, и тогда кто-то начал драку подушками. Они смеялись и били друг друга, пока перья не полетели. Они знали, что их могут поймать и наказать, но это не имело значения. Они просто сошли с ума и веселились. После того, как я это увидела, мне захотелось с кем-то подраться подушками, но у меня не было друзей, а идея бить подушкой дядю, мне не казалась хорошей.

— А бить меня, значит, идея хорошая?

Подобно озорному дельфину, она улыбнулась и кивнула.

— Смахивает на ребячество, — я опустил подушку к ногам и прошел мимо нее к лестнице.

— Ну, давай. Не будь постоянно таким серьезным, — я уже был на полпути наверх, как она выкрикнула:

— Если ты вдвое старше меня, это не значит, что надо вести себя, как старый ворчун.

— По возрастным меркам морских монстров я еще ребенок, — крикнул я в ответ.

Когда я снова спустился вниз, она была около бассейна. Я нажал кнопку на стерео, и дом наполнила живая джазовая музыка. Я сделал маленькую петельку в каждой из принесенных сверху подушек и две из них кинул ей. Ее прежде надутые губы растянулись в ослепительной улыбке.

— Для настоящей борьбы подушками нужно, по крайней мере, два мешка перьев, — я держал свои две подушки. — Так что, бардаку быть.

— Чем больше бардак, тем лучше.

Я отдал ей право первого хода. Одновременный удар по моему плечу и бедру, выпустили из подушек несколько перышек. Она наблюдала за ними, хихикая, словно ребенок. Яра посмотрела наверх, поэтому я не упустил возможности ударить ее по животу.

Должно быть, ею действительно овладела агрессия, потому что она била меня беспощадно, не останавливаясь. Все больше перьев кружилось вокруг нас. Я никогда не видел, чтобы она так громко смеялась, и это рассмешило меня. Надолго ее подушек не хватило, и они стали плоскими и обвисшими. А в моих глазах загорелся огонек игривой мести.

Сквозь смех она негромко прокричала: «Нееет!» и убежала.

— Время расплаты, — сказал я, гоняясь за ней вокруг бассейна.

Девушка повернулась и попыталась ударить меня одной из своих хлипких наволочек. Она замешкалась и опустила оружие, сложив руки перед собой.

— Ты не ударишь девушку.

Я поднял подушки вверх.

— Нет, ты безжалостная Ямабуки.

Она толкнула меня в грудь и держала на расстоянии, пока отступала назад. Я продолжал наступать, шаг за шагом, вместе с ней.

— Ладно, хорошо, может, мы сможем договориться? — спросила она.

Я покачал головой и завел руку назад, держа подушку крепче.

— Больше никаких сделок. Ты моя.

Мы оба были так увлечены моментом, что никто из нас не представлял, насколько близко мы стояли к бассейну. Яра сделала последний шаг назад. В эти доли секунды ее глаза расширились, а руки взметнулись вверх. Я пытался схватить ее, но было слишком поздно. Она упала в бассейн, окруженная летающими перьями.

Яра вынырнула на поверхность, откашливаясь от воды и истерично смеясь. Она пропускала мокрые перья сквозь пальцы.

— Бой подушками в воде. Как раз для двух морских чудовищ.

Я разорвал одну из моих подушек и швырнул перья в воздух. Пока я нырял, Яра вертелась, пытаясь их поймать.

Мои глаза щипало от хлора. Я хотел ухватить ее за ноги, но попались плавники, и они выскользнули у меня из рук. Позже ее хвост стал опать ногами, и она обвила их вокруг меня, так мы и поднялись на поверхность.

— Спасибо, — я вытер воду с ее лица.

Она придвинулась ближе и прижалась бедрами ко мне.

— За что?

— За лучшие моменты в моей жизни.

— Спасибо, что позволил сбыться мечте о бое подушками.

— Будь моя воля, я бы исполнил любое твое желание.

Ее улыбка пропала, а ноги ослабили хватку. Она подняла голову наверх и уставилась на темное небо.

— Ей! — сказал я, сжимая ее талию. — Куда ты собралась?

Она посмотрела на меня и вздохнула.

— Почему ты ничего мне не пожелал?

— Ты о чем?

— В день празднования моего посвящения, все мне что-то подарили или пожелали, кроме тебя.

— Я сделал тебе подарок.

— Нет, не сделал.

Я опустил ее руку с моей шеи и задержал между нами, кивнув на повязку на ее руке.

— Это и есть твой подарок? — фыркнула она. — Что он означает? Желаеть долгой жизни с травкой?

— Ты смотрела, что внутри?

— Да, три косяка. Спасибо.

Я коснулся губами ее запястья.

— Ты не нашла настоящий подарок?

Она посмотрела на повязку.

— Там еще что-то есть?

Я отогнул верхнюю часть ткани и открыл маленький скрытый кармашек.

— Здесь.

— Я не знала, что там скрыт еще один, — она запустила пальцы внутрь и вытащила оттуда жемчужину. — Вау! Она... Невероятная.

— Это жемчужина истинной любви — самая редкая в мирах. Я только слышал, что существует еще одна.

— Она похожа на бриллиант или кристальное зеркало. Где ты ее нашел?

— У странного вида устриц возле ворот в наш мир. Если держать ее на солнце, можно увидеть каждый цвет спектра. Легенда гласит, что Посейдон отдал одну такую Медузе. Она олицетворяет наивысшую форму любви: чистую, самоотверженную и вечную. Я хочу, чтобы ты знала, что каждый раз, когда ты на нее смотришь... — я отвернулся, глядя на стулья возле бассейна. Мои эмоции стали слишком сильными.

За последние несколько дней Яра научилась не заставлять меня смотреть на нее. Я должен контролировать свои чувства.

— Твоя кожа вновь становится нормальной, — сказала она. — Все хорошо.

Я посмотрел на мокрые перья, проплывающие между нами.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я сделаю, что угодно, лишь бы ты была в безопасности. Мое пожелание тебе — это прожить долгую и счастливую жизнь. Полную свободы, солнечного света, веселья и любви.

— Благодаря тебе у меня все это есть.

В горле образовался большой комок.

— Я хочу, чтобы ты снова нашла любовь... После меня. Ты заслуживаешь поцелуев, мужа, детей, если захочешь и...

— Прекрати. Я просто хочу наслаждаться этим моментом. Именно этим. Нами. Сейчас. Не думая о будущем. У нас все еще есть вечер и ночь, чтобы быть вместе.

Понимание ударило меня словно торпеда. Как я мог забыть объяснить ей ложь о ее дне рождения?

— Что случилось? — спросила она. — Мне не нравится выражение твоего лица и зеленый, и голубой цвета, покрывающие твою кожу.

— Яра, твоя мама позволила всем верить, что ты родилась на день позже, чем на самом деле. Она устроила это, чтобы обратить тебя смог я, а не Селки.

Она смотрела на меня, не моргая, переваривая информацию. Ее губы двигались медленно.

— Хочешь сказать, сегодня наша последняя ночь вместе?

Я положил подбородок на ее макушку, прижав сильнее.

— Прости.

Она сцепила ноги и руки вокруг меня сильнее, чем когда-либо. Мы плавали в тишине, прильнув друг к другу. Цепляясь за невозможную надежду, что эта ночь никогда не закончится.

ДЕНЬ 18

Мне хотелось остановить солнечный свет, крадущийся сквозь шторы. Вместо способности контролировать воду, мне нужна была способность останавливать время. Около трех часов утра мы с Трейганом перебрались в большую спальню, чтобы заснуть вместе. Притворившись на время, что все не закончится сегодня.

Трейган обнимал меня.

— Впервые в жизни я не рад видеть солнечный свет.

Оглянувшись через плечо, я посмотрела на него.

— Ты, правда, думаешь, что к сегодняшнему закату солнца мы больше не будем вместе?

— Да, но это не изменит всего произошедшего, — он уткнулся носом в мою шею. —

Если бы я мог изменить финал, я бы это сделал.

— Как думаешь, если бы мы были нормальными, ты просто русалом, а я русалкой, ты все еще любил бы меня? — матрас пружинил, когда он тихо засмеялся, поэтому я повернулась и ущипнула его. — Что смешного?

— Несколько недель назад ты думала, что наш вид какой угодно, но точно не нормальный. И это глупый вопрос.

— Что в нем глупого?

— Забудь, — он провел сухими, теплыми губами по моему плечу. — Но, да, будь ты нормальной, я бы любил тебя.

Я повернулась к нему лицом.

— Я ключ, открывающий путь в ваш мир. Для вас это самое важное. Единственно важное. Твои чувства ко мне могли основываться на том, что я могла бы сделать, а не на том, кто я есть.

— Ты права, ты ключ, — он провел пальцами по моей щеке. — Ты открыла во мне то, что я думал, никогда не почувствую. Что Дельмар описывал мне десятилетиями. Я никогда не верил, что эмоции, о которых он говорил, реальны, — до тебя. И сейчас самое важное для меня — это ты. Ты раскрыла что-то внутри меня, а не ворота.

Я не могла сдержать улыбки.

— А говорил, что ты неромантичный.

— Так и есть.

— А это было романтично.

Он покраснел.

— Да, но это ты побуждаешь меня на всякого рода глупости.

Лучи солнечного света полились на его мышцы и знак. Его непричесанные волосы были в привлекательном хаосе. Казалось, созвездие веснушек на щеке мерцает. Я не могла представить, что никогда больше не посмотрю на него.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Запоминаю тебя.

— Мне больше нравится, когда ты запоминаешь меня губами.

Я поцеловала его веки, лоб и нос. Пальцами написала «я люблю тебя», начиная от

якорной метки и закончив чуть ниже живота. Он приподнялся на локте и шепотом попросил лечь на спину. Я так и сделала.

Трейган наклонился у изножья кровати. Начиная с моих пальчиков и во всю длину ног, он написал: «Когда-то давно...»

Потом медленно расстегнул мой сарафан. Я забыла о Дне Троицы Восемнадцатилетних, горгонах, воротах и всем остальном. Я почти забыла собственное имя, пока Трейган по всему моему телу писал то, что, как он полагал, может быть последней главой нашей истории.

Несколько часов спустя, мы растянулись на диване. Трейган рассказывал о Рате, его бабушке, какими были Дельмар и Кимбер в детстве. Он даже рассказал истории о своем отце.

Я проводила пальцами по его волосам.

— Тебе не кажется странным слышать, что я называю его дядей, хоть мы и не родня?

— Он был рядом с тобой с самого твоего рождения. Я не удивился бы, назови ты его «папой», — он с минуту смотрел на потолок, затем ухмыльнулся. — Ему бы понравилось вести тебя к алтарю.

— Ты бы сделал мне предложение?

Он прижался своим лбом к моему.

— Несомненно. Ты была бы самой прекрасной невестой, какую только видели миры.

Трейган поднял голову. Он замер, будто прислушивался к чему-то. Я могла почувствовать, как сильно в его груди бьется сердце. И вдруг вскочил на ноги.

— Что такое? — спросила я.

— Мотоциклы. И много.

Сердце билось у меня в горле. Особняк, в котором мы остановились, стоял в конце пятимильной грунтовой дороги. Дельмар говорил, что здесь нас никто не найдет.

— Думаешь, это хозяева дома?

— Нет, Яра, — его лицо так напряглось, что я думала, оно потрескается. — Это Селки.

У меня душа в пятки ушла. Стук в дверь заставил нас обоих подпрыгнуть.

— Оставайся здесь! — приказал Трейган.

Я почувствовала дядю, будто он стоял в комнате рядом с нами.

— Это дядя Ллойд. Он говорил, что зайдет сегодня в пять. Сейчас без пятнадцати, — время ускользало от меня. Я не сказала Трейгану всего, что следовало бы.

Он взглянул на коридор, ведущий к двери.

— А еще лучше, встань позади меня. На всякий случай.

— На случай чего?

Он поднял меня на ноги.

— Пожалуйста, просто доверься мне.

Когда мы дошли до двери, Трейган посмотрел в глазок и что-то прошептал.

— Трейган! — крикнул дядя Ллойд через дверь. — Впусти нас. Ровнан здесь и может помочь.

— Дьявол! — прокричал Трейган в ответ. — Это вы привели их сюда!

— Клянусь душой Виенны, что нет, — ответил Ровнан. — У нас не так много времени. Джек и остальные через несколько минут будут здесь.

Трейган открыл дверь, и Ллойд с Ровнаном ворвались внутрь. На несколько секунд дверь была приоткрыта, и я услышала далекое урчание мотоциклов.

Ровнан запер замок.

— Я знаю, в это сложно поверить, но клянусь, я держал их подальше отсюда, сколько мог. Я встретился с Дельмаром и сказал ему, что тебе нужно подкрепление. И поднял на уши весь мой вид, чтобы помочь с этим планом.

— С каким планом? — спросил Трейган сквозь стиснутые зубы.

Дядя Ллойд с трудом дошел до меня и взял меня за руку.

— Трейган, у нас не так много времени. Ровнан сказал Джеку, что придет сюда, чтобы заставить тебя поверить ему, а затем накачать тебя. Ты нужен им в бессознательном состоянии, чтобы не мог кого-то превратить в камень, когда они придут забрать Яру.

Трейган оттолкнул меня от дяди и начал что-то говорить, но дядя Ллойд поднял руку.

— Разумеется, ничего из этого не произойдет, но нам нужно действовать быстро. Сирены уже на пути сюда. Они перенесут вас к воротам.

Я могла представить недоумение на моем лице. Это не было частью обсуждаемого плана. Ровнан подмигнул мне. Действительно ли Ллойд верит Ровнану? А могу ли я верить Ровнану? И должна ли вообще верить дяде Ллойд?

— Сирены не хотят, чтобы ворота открылись, — убеждала я. — Что если они не появятся?

— Они появятся, — ответил дядя Ллойд.

Рука Трейгана сильнее сжала мою талию. Он опять наострил уши, но на этот раз выглядел спокойнее.

— Яра, они идут. Слышишь?

Он потянул меня через гостиную во двор. Звуки мотоциклов звучали громче, но дальше был слышен слабый звук моторов гидроциклов. По моим рукам побежали мурашки. Я смотрела на бескрайний океан, но видела лишь белые волны. Трейган крепко обнимал меня, и я спиной чувствовала его сильно бьющееся сердце, пока мы наблюдали за горизонтом.

Первые несколько русалок прорвались сквозь розовую и оранжевую дымку. Они растянулись по воде в линию, увеличиваясь в численности и приближаясь с каждой секундой. Звук моторов стал громче, и увеличивалось количество прибывающих. Должно быть, их были десятки.

Я подняла глаза.

— Они пришли.

— Я же говорил, — произнес стоящий рядом с нами Ровнан.

Мотоциклы уже были на подъездной дороге. Мы слышали, как один за другим затихали моторы. Я потеряла всякую надежду.

— Они уже почти здесь. Русалки не успеют.

— Успеют, — пообещал Трейган, отпуская меня.

Он вышел на мостик. Раскрыв ладони, он поднял руки в стороны. Его плечи расширились, когда он сделал глубокий вдох. Океан задрожал, будто под ним произошло землетрясение. Мышцы спины Трейгана пульсировали, и вены на шее взбухли. Он застонал, низко и громко, выбрасывая руки вперед. Пенистый прибой ушел обратно в океан, не оставляя после себя ничего, кроме мокрого песка в несколько миль. Трейган поднял руки выше. Волны вдалеке огромными гребнями поднимались за толпой русалок на гидроциклах. Его стон перешел в рык, когда он откинул руки назад. Волны бросились вперед, толкая

русалочий народ к береговой линии быстрее, чем они двигались до этого.

Я завидовала его силе, но была так горда и благодарна, что он любит меня.

Он опустил руки и влажным лбом прижался к моему.

— Никси скоро будет здесь, чтобы забрать нас к воротам.

Я вытерла пот с его лица.

— Но ты говорил, никогда не доверять сиренам.

Гидроциклы выбросило на берег. Я увидела Панго, Меррика, Дельмара и много других русалок, поднимающихся на отдельных волнах и босиком направляющихся к бассейну. Некоторые забежали в дом, другие окружили по периметру. Никто и слова не сказал. Несколько вбежало внутрь, рассредоточиваясь по дому и вставая на охрану каждого окна и каждой двери.

Дельмар вернулся к нам через кухню и улыбнулся.

— Некоторые были против такого плана, но нас все еще на двадцать, или около того, больше, чем Селки, — он поцеловал мою руку, прежде чем подбежать к входной двери. — Считайте, мы непобедимы.

Объятия Трейгана ослабели. Непобедимы. Дядя Ллойд всегда говорил, что ни в чем нельзя терять бдительность.

— Яра, где твоё ожерелье? — спросил дядя Ллойд.

— В моей повязке.

— Дай его мне.

— Какое ожерелье? — Трейган посмотрел на нас. — Что происходит?

Я передала каменный медальон дяде, и он положил его в карман.

— Я дал ей ожерелье с хорошей горгонской кровью в нем. На случай, если ты облажаешься.

Мой рот раскрылся. Красные венки в кулоне были кровью?

— Почему ты не сказал, что все это время она была под защитой? — глаза Трейгана подозрительно забегали между мной, дядей Ллойдом и Ровнаном. — И почему ты его забираешь?

Никси приземлилась снаружи у бассейна. Ее сапоги стучали по плитке пола, когда она вошла.

— Столько восторженных поклонников, и ни один не подумал постелить для меня красную дорожку? — она схватила меня за бедра и притянула к себе. — О, да. Это твоя премьера. Это ли не захватывающе? Все эти люди борются за тебя.

— Не совсем, — я пыталась ее оттолкнуть, но сила Никси была нечеловеческой.

Мариза и Отабия забили крыльями на веранде, припали к порогу и защелкали языками.

Никси оценила то, что Трейган и Ровнан стояли рядом.

— Ровнан, — промурлыкала Никси, — не надо ли нам с тобой поменяться местами?

Трейган огляделся в смятении. Краем глаза я увидела кивок дяди.

Все произошло очень быстро.

Никси пронеслась через всю комнату, удерживая Трейгана сзади. Ровнан то же самое сделал со мной, держа мои руки за спиной.

Трейган дернулся, вырываясь из хватки Никси.

— Нет! Отвали от нее!

Дядя Ллойд выглядел заинтересованным, но не удивленным, потому я не сопротивлялась. Это, должно быть, часть плана. Он повернулся к нам спиной и вытащил из

заднего кармана маленький футляр. Трейган продолжал кричать и всем угрожать, он выкрикивал мое имя и звал Дельмара.

— Остынь, сынок, — хрипло сказал дядя Ллойд. — Ты не сможешь превратить в камень меня или Ровнана, и сирены тоже защищены. А теряя самообладание, ты только рискуешь безопасностью Яры, — он открыл футляр и серебристый кончик иглы заблестел на свету. Синяя жидкость, наполняющая шприц, казалась почти черной.

Он вонзил иглу мне в грудь так быстро, что я не заметила.

— Нет! — крик Трейгана эхом отразился от высоких потолков.

Огонь разрывал мое сердце, разливаясь по всем венам и капиллярам. Я кричала громко и долго, пока не почувствовала, что мое горло будто порезали лезвием, а затем мой голос утих.

Дядя Ллойд поцеловал меня в макушку.

— Прости, малышка. Я ненавижу, что мне приходится быть таким, — он продолжил говорить уже тихим голосом. — Я думал, у нас в запасе больше времени. Я не мог рисковать. Не в случае с Селки, которые ломаются сюда.

Комната окрасилась в оттенки синего, а затем и красного. Мои глаза горели. Мигающие цвета вызывали у меня тошноту. Крик Трейгана и пронзительный визг сирен заставили думать, что мои уши сейчас закровоточат. Мои колени будто таяли подо мной, подобно сосулькам. Ровнан ослабил хватку, и я упала на пол.

Дядя Ллойд встал на колени рядом со мной и взял за руку.

— Яра, посмотри на меня. Вспомни, что тебе говорила Лиора. Когда доберешься до водопада, тебя охватит соблазн. Ты забудешь почти все, что здесь произошло, но тебе нужно бороться. Тебе нужно помнить свою цель.

Это я знала. Иголка в сердце для меня была шоком.

Он сказал, что должен будет инфицировать меня кровью злой горгоны, но мы планировали сделать это медленно, по каплям. Он сказал, что это будет хуже, чем любая другая боль, которую я только могу себе представить, но я согласилась на это. Я бы согласилась на всё, что послужило бы сохранности Трейгана.

Я не могла вспомнить дальнейший план. Детали терялись. Я пыталась игнорировать бьющий меня озноб. Я с трудом выдохнула:

— Как?

— Уцепись за важное воспоминание. Ты говорила, что помнишь нашу первую встречу и червячков. Что ты сделала с ними?

— Червячки?

Трейган все выкрикивал угрозы, и потому всем было тяжело сосредоточиться. Меня бесило, что так раню его. Мог бы он подумать, что я предала его?

— Яра! — дядя Ллойд встряхнул меня. — Что ты хотела сделать с червячками?

Я прищурилась, стараясь увидеть сквозь синюю дымку, застилающую глаза, и сосредоточиться на лице дяди Ллойда.

— Они... Я хотела, чтобы они пересекли дорожку.

— Почему?

— Потому что... Я не хотела, чтобы они погибли.

— Верно. Ты хотела, чтобы они добрались в безопасное место. Так же как морские создания. Помни свои убеждения, Яра. Чтобы ни случилось, крепко держись своих убеждений.

Я сжала его руку, дрожа и сгибаясь в агонии.

— Я боюсь, — захныкала я.

— Страх — это естественно, — он потер мои пальцы своими руками. — А то, что ты делаешь с этим страхом, меняет твою судьбу. Ты можешь спасти их всех. Ты достаточно сильна. Верь своему сердцу даже в самый темный час.

— Трейган, — прошептала я. Он тянулся и отталкивал Никси, пытаясь добраться до меня.

Дядя Ллойд посмотрел через его плечо.

— Отпусти его.

В одно мгновение Трейган переброшил Ллойда через всю комнату с таким гневным рыком, какого я еще не слышала. Дядя врезался в напольную вазу, разбив ее и перекатившись дальше, остановился у стены. Сирены завизжали и захлопали крыльями.

Трейган склонился надо мной, и его пальцы переплелись с моими.

— Нет, — молил он. — Ради любви Посейдона, нет, нет, нет, — он укачивал мою голову, а его глаза осматривали меня. — Как вы могли с ней такое сделать? — выкрикнул он. — Это была кровь синей горгоны. Дурная кровь. Это убьет ее.

Боль становилась сильнее, но и мое зрение изменилось. Все стало ясным и четким. Красная кровь капала с пальцев и лба дяди, пока Ровнан помогал ему встать на ноги.

Я снова посмотрела в кобальтовые глаза Трейгана. Мой голос был тих.

— Это мой выбор. Всегда все решали за меня. В этот раз решение за мной.

— Нет, — просил он.

— Она отчасти сирена, Селки и русалка, — тяжело говорил дядя Ллойд. — Превращение ее в камень займет больше времени, чем с кем бы то ни было еще. У тебя есть время отправить ее к воротам прежде, чем это случится.

Белая цапля влетела в комнату, приземлившись на пол рядом со мной. Я смотрела на нее, и поняла, что это была та же птица, которую я видела уже много раз, с тех пор как обратилась.

Ее глаза были не как у обычной цапли. Они были грустными, знакомыми и наблюдающими. Это были глаза моей матери.

Трейган посмотрел на нашего отца.

— Как ты мог такое позволить? — он сердито посмотрел на меня, жевалки заходили на скулах. — Я никогда не прощу никого из вас. Никогда.

Ллойд говорил с сиренами, будто ничего и не произошло.

— Доставьте их к воротам, прежде чем сядет солнце.

Прежде чем это услышать, Мариза обняла меня. Отабия держала Трейгана, а Никси взлетела в небо с задней веранды впереди нас с Ярой в руках.

Сестры летели широким треугольником. Никси была впереди. Отабия летела справа от меня и Маризы. Трейган иногда брыкался, извивался и кричал на нее, но я не мог понять,

что он говорил. Он был слишком далеко, и порывистый ветер заглушал его слова.

— Ммм, чувствуешь? — Мариза вдохнула воздух. — Отчаяние, злость, страх, время уходит. Это так волнительно.

План старика должен сработать. А если нет, Селки будут избегать меня или убьют, если, конечно, Трейган их не опередит. Что если сирены не забрали бы нас к воротам? Как Ллойд мог им доверять?

— Почему ты согласилась на это? — спросил я Маризу. — Ты и твои сестры, вы ведь не хотите, чтобы ворота открылись.

Ее глаза, цвета корицы, сверкнули, и она щелкнула головой.

— У нас обязательства.

— Обязательства? Перед кем?

Она кивнула на белую цаплю летевшую рядом с Никси.

— Клео, любопытная дура. Она не смогла умереть и оставить нас в покое. Теперь ошивается рядом и приказывает нам, что делать.

Я посмотрел на цаплю, летевшую над нами.

— Вот черт.

— Дух матери Яры общается через эту птицу? Какого черта мир слетел с катушек? Сколько людей, ну или духов, работают по плану Ллойда?

Никси остановилась. Она хлопала крыльями, зависнув над темным кругом воды. Путь к воротам был под нами.

— Парни, кто из вас хотел ее? — спросила Никси. Яра безвольно висела в ее руках.

Трейган практически зарычал.

— Никси, если ты отдашь ее Ровнану, то, да помогут мне Боги, я превращу твою жизнь в ад.

— О, — она облизала губы, — в угрозах появился прогресс, не так ли? — она посмотрела на каждого из нас и подняла плечи к ушам. — Оой! — пропела она и подняла над головой пустые руки. — Я уронила ее.

Яра упала в воду. Отабия отпустила Трейгана, и он нырнул в воду за ней. Никси, Отабия и пугающая птица, которая, я все еще пытался в это поверить, была Клео, смотрели на меня широко раскрытыми глазами.

— Слушай Яру, — грубо сказала Никси. — Что бы она ни просила — ты выполняешь.

Прежде чем я успел что-то сказать, я понял, что, рассекая воздух, падаю в воду. Мое пальто немедленно стало моей кожей.

Я не знал, сколько Селки Джек захватил с собой в дом, но, по крайней мере, пятнадцать собрались у входа в катакомбы, вместе с русалками, которых было тридцать или около того. Селки и русалки разделились на две группы, готовые атаковать по первому сигналу.

Я плыл за толпой, не встречаясь с кем-то глазами. Трейган держал Яру на руках. Он был увлечен разговором с Фиалками. Яра чуть повернула голову, но ее лицо исказилось от боли. Ее ищущий взгляд остановился, когда она увидела меня.

«Сделай это,» — сказала она мысленно.

«Сделать что?»

«Обескровь меня над могилами.»

Какого черта? Ллойд не говорил мне об этой части плана. Хотя я и говорил, что не хочу

ранить ее. Никси сказала, что я должен делать все, что попросит Яра, но это не может быть, именно тем, что она имеет в виду.

«Ровнан! — позвала Яра. — Ты должен, пока не стало слишком поздно.»

Я обернулся и посмотрел на стаю Селки. Дина и Ева стояли почти в первых рядах, и как все внимательно наблюдали за мной. Я обошел взглядом всех, чтобы каждый меня слышал. К счастью, они не слышали, как колотится мое сердце.

Кто-то должен отвлечь Фиалок и Трейгана, пока я забираю у него Яру. Мне нужно лишь несколько секунд. Достаточно времени, чтобы отнести ее в Катакомбы.

Никто кроме меня, Трейгана и Яры не мог благополучно туда вплыть. И все они это знают. Ни одна русалка не вздумает следовать за мной.

«Сделайте, что угодно, чтобы Трейган был от меня подальше.»

Ева повернулась к Дине и еще к нескольким. Через минуту они все кивнули, и Ева снова посмотрела на меня.

«Тебе лучше быть прямо за нами. Они поймут, что мы что-то задумали.»

Ева, Дина и четыре других Селки поплыли к Трейгану и Фиалкам. Андреа обернулась первой, ее тело напряглось, будто ожидала атаки. Ева сняла свой браслет и держала его перед собой. Я не понял, что она говорила, но настороженный взгляд Андреа смягчился.

Я кружил высоко, двигаясь, будто мимо всех плыву в Катакомбы, затем развернулся на сто восемьдесят и на всей скорости поплыл к спине Трейгана.

Русалки закричали и бросились вперед, но я был слишком далеко, чтобы слышать их. Я врзался в Трейгана одним мощным ударом. Ева и другие схватили Фиалку. Пока Трейгана отвлекали, Дина вырвала Яру из его рук. Я схватил у нее Яру и поплыл в Катакомбы так быстро, как мог, пока Дина и другие Селки пытались удержать Трейгана.

Яра вцепилась пальцами в мою грудь.

«Сделай это, — убеждала она. -

Пока они еще могут видеть. Порань меня.»

Я не хотел, но из-за сумасшедшего адреналина и хаоса позади нас, долго не раздумывал. И порезал ее руку от плеча до запястья. Кровь хлынула в воду вокруг нас.

«Спасибо,» — прозвучало в мыслях.

От ее руки потянулось красное и темно-синее облако. Дурная кровь гордоны, почти стала частью ее, потому кровь была обоих цветов. Ллойд был прав. Это не убило ее, но что если потеря крови это делает? Я пробрался через могилы, мимо размытых каменных лиц.

Ворота были впереди, но солнце почти село. Там не было ни горгон, ни света сквозь ворота. Ворота не были открыты.

Яра коснулась моего подбородка. Она была будто куском льда в моих руках.

«Видишь, теперь ты можешь им сказать, что пытался. Моя кровь не вернет потерянные души к жизни. Ты был добр к своему виду.»

Ее глаза закатились, а веки дрогнули и закрылись.

Даже под водой мои глаза пылали. После всего, что я сделал и во что ее втянул, я все еще дорог ей. Ллойд говорил, что она испытает боль, какую никто из нас не сможет даже представить, и пройдет через эту боль, чтобы помочь мне в проявлении терпимости к кучке монстров, желавших ее убить.

«Мне жаль, — сказал я ей. — Мне очень жаль.»

Но какой смысл в моих словах, если она их не слышит?

Трейган налетел на меня, как разрушающий шар.

Яра вылетела из моих рук, и я ударился лицом о каменную статую. Голову разрывала боль. На секунду я подумал, что ослеп. Несколько мутных морганий спустя, я увидел осколки разбитых могил, оседающие на дно. Я тоже опускался, потрясенный и оцепеневший от удара.

Трейган схватил меня за волосы и потянул вверх. Я прижал руку к его горлу, и давил изо всех сил. Его вены взбухли, но он не отступал. Я вытянул когти другой руки и распорол кожу на его груди. Его пальцы зажали мои запястья.

— Я сломаю каждую кость в твоём бесхребетном теле.

Мне удалось вытащить руку из его хватки, но он щелкнул моим запястьем левой руки, будто это просто кусок коралла.

Я завыл в агонии и пытался уплыть, но он дернул меня назад.

— Ты бессердечный выродок. Увидимся в аду.

Одной рукой он сжал мне челюсть, а другую обернул вокруг головы. Он может сломать мне шею, и тогда все закончится. У него больше чем достаточно сил на это, и я заслужил. Ворота не были открыты. Я никогда не увижу Виенну снова. Мой брат ненавидит меня. Отец стыдится. Не было причины, ради чего мне стоило жить.

Это мой ад.

— Давай, — подгонял я.

Мягкий, низкий стон раздался под водой. Из глаз Трейгана исчезла ярость. Его хватка ослабла, и он отвернулся посмотреть на Яру. Она висела на руке окаменевшей русалки. И была такой бледной, что выглядела почти как эти могилы, но с золотистыми волосами. Трейган отпустил меня и поплыл к Яре.

Мое зрение вернулось, но голова пульсировала. Мне показалось, или это змея скользит по плечу Яры? Я подплыл, чтобы извиниться и убедиться, что змея мне показалась.

Но змея в ее волосах была настоящей. Более того, плавники Яры становились камнем. Самый большой страх Трейгана сбывался. Я не хотел видеть, как это происходит.

Хвост Трейгана превратился в ноги. Каждый из его знаков закрутился. Его кожа пульсировала темно-синим и серым. Он встал на колени рядом Ярой, отгоняя змею и убирая волосы с ее лица снова и снова.

Я опустился с другой стороны от нее.

Этот треск был худшим звуком, когда-либо услышанным мной. Окаменение дюйм за дюймом двигалось по ее хвосту, оставляя камни там, где должна быть жизнь.

Глаза Яры оставались открыты. Она и Трейган смотрели друг на друга, но я не старался слышать, о чем они говорили. Трейган покачал головой. Она потянулась и коснулась его щеки.

Когда он наклонился поцеловать ее, я отвернулся. Мой брат целовал родственную душу, прощаясь в первый и последний раз. Жизнь никогда не была к нему справедлива.

Другая рука Яры поднялась и коснулась моего живота, но она не посмотрела на меня. Она все еще смотрела на Трейгана. Камень дошел лишь до ее живота, но губы уже были каменными.

Двумя пальцами она коснулась груди и положила их на глаза. Она потянулась к Трейгану, когда ее руки и плечи с треском становились камнем. В это время ее пальцы, коснувшиеся его лица, тоже окаменели.

Мне не нужно было слышать Яру, чтобы понять ее последние слова к нему. Своим сердцем и душой она поделилась с ним. Он научил меня этому дарению, когда мы были

детьми.

Низкий рев Трейгана всколыхнул воду около нас.

Я никогда не видел, как плачет мой брат. Его слезы становились камешками, как только появлялись. Он держал статую Яры в руках, покачиваясь вперед-назад, опустившись лбом к безжизненной статуе.

Я посмотрел вокруг, на все эти могилы, некоторые тянулись вверх, некоторые с широко раскрытыми глазами, или полуразрушенные. Что мы сделали? Не так должно было все закончиться.

Трейган посмотрел на меня.

— Вы с Ллойдом сделали это с ней.

— Я понятия не имел. Он сказал, что она хочет стать горгоной. Я не думал, что это может убить ее.

— И что в этом хорошего? Солнце село. Ворота не открыли!

Я посмотрел на темные, запечатанные ворота, и знал, что Виенна где-то на той стороне. Каждый вздох душил. Каждый раз, когда я моргал, я видел лицо Виенны, лицо, которого я никогда не коснусь и не поцелую вновь.

— Мне жаль Трейган. Теперь ты знаешь, каково это быть влюбленным. Если бы это Яра была с другой стороны ворот, и у тебя был бы единственный шанс вернуться к ней, ты бы им воспользовался?

Он не ответил. Он опустил голову на могилу Яры, не в силах отпустить неизменное. Мы все облажались. И никогда не вернемся домой.

Не знаю, как долго я смотрела на водопад. Цвета завораживали, но грохот от удара молнии, отвлек меня, и я, обернувшись, увидела стоявшую за мной сияющую женщину с цветами в волосах.

— Здравствуй, — сказала она.

— Здравствуйте.

Еще один раскат грома, и я, посмотрев налево, увидела, как грозный шторм рвался и рвал все на своем пути через темное пространство недалеко от нас.

— Люблю шторм, — призналась я. Что-то шевельнулось под водопадом, и это привлекло мое внимание. — Но свет и все эти цвета такие красивые.

Склизкая рыбка Кои, цвета рвоты принесенная неистовым прибоем упала к моим ногам. Ее глаза были выпучены, во рту виднелся крючок, чешуя отслаивалась.

— Мы можем ей помочь? — спросила я.

Женщина кивнула на водопад. Я подобрала рыбу и подняла ее к стене постоянно меняющихся цветов. Появилась дыра, и рыбка нырнула в нее. Крючок исчез, глаза Кои стали нормальными, а чешуя приняла здоровый золотистый отблеск.

— Вот так, — сказала я.

— Это просто, — согласилась она. — Ты тоже можешь войти.

Почему мне нужно пройти через водопад? Я посмотрела на себя. Мои ноги были камнем, безбожно крошащиеся на кусочки. Я снова посмотрела на водопад, и очертания хвоста появились в гребнях воды. Что-то разбудило воспоминания.

— Войди, — она держала край водопада, как занавеску. — Ты освободишься от боли.

Я заглянула внутрь, а мимо пролетела цапля и села на ветку розового дерева. Птица превратилась в женщину. Мою маму. Огромные белые крылья раскрылись за ее спиной, изгиб каждого пера мерцал оттенками розового и золотого. Она улыбалась. Я и забыла, какая она милая, когда улыбается. Ее глаза смотрели на что-то позади меня.

Я обернулась и посмотрела на шторм.

— Что если я не пройду сквозь водопад?

— Ты предпочтешь шторм? — спросила красивая женщина.

— Я люблю шторм. Кто-то сказал мне, что когда тучи рассеиваются, небо становится чистой страницей, ожидающей быть наполненной песнями солнечных лучей, лунной поэзией и историями, заложенных в звездах.

Кто меня этому научил? Передо мной промелькнуло лицо старика, но быстро поблекло.

— Иногда красота спрятана под завесой несчастий, — сказала сияющая женщина.

Поэма. Медуза. Тоненькая ниточка проскользнула в мыслях, и я ухватилась за нее. Порванное полотно моей жизни восстановилось. Тусклые воспоминания нашли путь ко мне.

Молнии и гром прекратились. Синие и серебристые облака распались, оставив созвездия бирюзовых звезд мерцать в небе. Над ними сияли две синие луны. Что-то в них казалось знакомым. Я почти увидела широкий нос, появившийся за группой звезд образующих созвездие Большого Пса. Слабый контур тела появился ниже призрачного лица. В небе появился синий хвост. Переливающаяся чешуя мерцала с возможностями моего будущего.

— Трейган, — прошептала я.

Я посмотрела назад, дальше между ними: моя мама, сирена, потрясающий ангел, и Трейган, моя истинная любовь.

Медуза подошла ко мне ближе.

— Тебе нужно выбрать.

— Я хочу быть русалкой.

Ее смех заставил дрожать водопад и звездное небо, все вокруг нас расплывалось.

— Я говорю о выборе между ангелом или покоем. Ты не вернешься к жизни. Ты умерла.

— Что?

— Итак? — улыбнулась она.

— Я знаю, кто вы. Вы создали новый мир с тремя новыми видами созданий.

— Больше чем три, — поправила она. — Ты не видела других миров.

— Видите, вы все это сделали, и потом говорите, что не можете отправить меня назад?

— Правила работают не так.

— Так создайте новые правила, Медуза.

Она посмотрела на водопад, будто могла бы рассмотреть такую возможность. Я продолжала стоять на своем, пока был шанс.

— Вы хотели, чтобы я стала вам заменой. Что ж, я здесь. Вы нуждаетесь во мне. И ваши сестры тоже. Я единственная девушка, являющаяся смесью монстров. Я сделаю это. Отправьте меня назад.

Она снова посмеялась.

— Ты уникальное объединение столь многих видов крови. Твои инстинкты были бы в постоянной борьбе друг с другом: тепло и холод, свет и тьма.

— Они уравнивают друг друга, — сказала я, вспомнив теорию дяди Ллойда. — Я идеально подхожу. Когда-то человек, теперь горгона, как и вы. Вы создали сирен, Селки и русалок. Я смесь их всех. Меня интересуют все их стороны.

Она засияла ярче, если это было возможно.

— Ты отказываешься от шанса попасть в рай, лишь бы вернуться к жизни в темноте как горгона?

Я почувствовала себя сильной и умной. Даже больше, чем когда была жива.

— Я все еще отчасти русалка. Мне нужно солнце, — она вздрогнула, а я подняла руки. — Единственными горгонами, заточенными в гроте, были вы и ваши сестры. У вас с Посейдоном есть дети, которые в другом мире могут странствовать и на земле, и под водой, верно?

Она кивнула.

— А значит, проклятие меня не коснется. Мне не придется жить в гроте, но я бы согласилась там появляться, ведь я нужна Стено и Юриэль. Сила троицы восстановится в обмен на возвращение меня к жизни. Это сделка.

Она снова усмехнулась. Женщина то ли улыбалась, то ли смеялась над всем.

— Ты идешь на это лишь ради любви.

Я тоже улыбнулась.

— А не так ли все это началось? Вы с Посейдоном сломали и обогнули все правила и создали новые, и все из-за любви.

Стебли с цветами в ее волосах обвили голову, а некоторые лепестки закрылись или опустились к ее ногам.

— Ты должна знать, я не имею никакого отношения к проклятию. Видеть, как мои дети страдают, разлученные с домом, заставляет мою душу плакать. Мои сестры были разгневаны и жаждут мести веками. Я не могу контролировать их действия.

— Тогда отправьте меня назад. Если у них будет третья часть, они будут счастливы и откроют ворота. Все в выигрыше.

— Из твоих уст это звучит просто.

— Давайте же, Медуза. Отправить меня в водопад вечного мира и излечить так пожалуйста, а разобраться, как вернуть мою душу назад в тело невозможно? Сомневаюсь.

Ее жемчужные брови поднялись.

— Ты напоминаешь меня в молодости. Упрямая, пылкая, готовая на все ради любви. Это любовь помогла мне достичь величия. Мои сестры, Посейдон, мои дети, они подарили мне смысл жизни.

— Тогда отправьте меня назад. Дайте мне шанс сделать что-то значимое. Во имя любви.

— У меня нет такой силы.

Я посмотрела на небо, где когда-то сиял небесный образ Трейгана. Не было ничего кроме черного неба. Водопад исчез. Мы одни плыли в безграничном море темноты. Медуза засияла ярче солнца, но она не могла вернуть мне мою жизнь.

По словам дяди Ллойда и Лиоры, Медузе сейчас следовало бы согласиться на сделку. Я не могла сдать. И не приму отказа. Должно быть, я упустила что-то важное.

Секундное сияние отвлекло мое внимание. Под кожей горла Медузы находилась маленькая сфера.

— Моя жемчужина, — вздохнула я.

Она опустила голову и коснулась ее пальцами.

— Нет, моя.

Трейган сказал, что Посейдон подарил жемчужину истинной любви Медузе. Она олицетворяет вечную любовь, как между мной и Трейганом. Для меня это было открытием, и я молилась, чтобы я была права. Ничего из этого не было бы возможным без Трейгана. Я бы никогда не обратилась, никогда не научилась бы любить русалок и никогда не нашла бы родственную душу. Трейган был моим Посейдоном. Он сказал, что я сделала его сильнее, но он дал мне такую силу и любовь, которую я не могла вообразить. Вместе мы могли бы сделать все.

— К счастью, вы знаете, у кого хватит силы вернуть меня назад, — я приблизилась к Медузе. — Я хочу поговорить с Посейдоном, пожалуйста.

Она сомкнула глаза наполненные звездами. Лучи цветного света вырвались из кристальной жемчужины на ее шее и отбросили меня назад.

Рядом с Медузой появился мужчина в три раза выше роста Панго. Он был прозрачным, эфирным. Он заговорил таким глубоким голосом, что это сотрясло радужно-раскрашенное небо и воду, окружавшие нас.

— Да, любовь моя.

Медуза прислонилась к широкому плечу и погладила его бороду. Цветы в ее волосах снова расцвели.

— Посейдон, это дитя хочет достичь величия и помочь нашим мирам. Поможешь мне отправить ее обратно?

Сказать, что он был устрашающим, было бы преуменьшением. Он изучал меня своими зловещими, серебряными глазами. Волны с белыми шапочками вспенивались каждый раз, когда он моргал.

— Почему ты хочешь вернуться в такое беспорядочное место? Эти миры стали трагическими историями.

Мой голос задрожал.

— Я хочу помочь написать лучшую версию.

Он и Медуза посмотрели друг на друга, и она улыбнулась. Посейдон поднял свой сияющий трезубец над моей головой, но я вытянула вперед руку.

— Подождите! — вскрикнула я. — Если вы отсылаете меня обратно, я бы хотела кое о чем попросить.

Мои зубы болели от того, что были сильно сжаты.

Я не смог защитить Яру. Как защитник, я провалился. И подвел моих людей.

Ровнан уплыл, держась за сломанное запястье. Как я покажусь другим? Как я встречусь с ними? Как я скажу им, что никогда не вернемся домой? Пусть Ровнан им все скажет. Мне больше нечего сказать. И нечего им дать.

Я так же мог превратиться в камень. Все, что я мог делать, это вцепиться в Яру, надеясь, что все это просто ночной кошмар. Ее пустые каменные глаза смотрели на меня. Моя челюсть дрожала, и я не мог это контролировать, когда мои каменные слезы тонули в воде вокруг нас. На ее каменной груди я выводил «я люблю тебя». Каждый вдох все больше пробивал дыру в моем сердце.

Это сделал мой собственный отец. Яра была права, мы не должны были верить ему. Почему я ему верил? Почему я позволил ему и Ровнану войти в дом? Я держался от них подальше все эти годы и не должен был позволять им вернуться в мою жизнь. Я должен был сбежать с Ярой. Миллион вещей я должен был сделать по-другому.

Я должен был пожертвовать собой.

Я наклонился и лбом коснулся ее. Первая трещина была такой тихой, что я подумал, мне показалось.

Вторая трещина пошла зигзагом вниз по ее лбу, и дальше по середине носа, как на фарфоровой маске. Я перестал дышать, когда увидел плоть под трещиной.

Ее руки пошли трещинами, кусочки камня выстреливали в воду. Я стал очищать слои камня с ее лица, не веря глазам. Ее кожа. Она открывалась все больше и больше, пока я по кусочкам убирал осыпающийся камень.

До того, как она открыла глаза, я был уверен, что сплю, или у меня галлюцинации. Я аккуратно очистил осколки с ее ресниц, открывая длинные, янтарные солнечные лучи.

— Яра?

Она улыбнулась. Я стоял на коленях и убирал камни с ее груди и живота. Мое сердце стучало, как отбойный молоток, когда она пыталась двигать конечностями. Каждый треск и хлопок позволял больше движения. Она не умерла. Я не знаю как, но она жива.

Она села, наблюдая, как я очищал ее хвост от жесткой корки.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Ммм, — она осмотрелась, подняв руки и пытаясь очиститься от белых и серых остатков. — Я так думаю.

Я смотрел на нее.

— Ты помнишь, что произошло? Помнишь свое имя?

Ее губы медленно растянулись в улыбке.

— Я Медуза, и я вернулась, чтобы разрушить Землю.

Я даже не мог представить, что отразилось на моем лице — шок, ужас, неверие. Но Яра засмеялась и бросила в меня кусок камня.

— Конечно, я помню, Трейган. Я твоя Ямабуки, и нам нужно открыть ворота.

Я прислонился к ней, как пес, который рад видеть своего лучшего друга. Она развернулась, прижавшись ко мне сильнее.

— Погоди, — сказал я, — ты просто лежи. Как такое возможно?

— Ты можешь перестать задавать так много вопросов?

Я обнял ее так сильно, что разлетелся оставшийся на спине камень.

— Я думал, что потерял тебя.

Земля начала дрожать, вспенивая воду в Катакомбах. Поток усилился, отталкивая нас назад ко дну океана и взбивая песок. Кружащиеся вокруг нас водоросли сорвали могилы.

Появилась тонкая линия белого света, будто между огромных дверей лифта, которые хотят открыться. И они распахнулись, быстро и широко. Путь домой был, наконец-то, открыт. Это было так ярко, что мы с Ярой прикрыли глаза. Последние восемнадцать лет

Катакомбы были таким унылым местом, что я почти забыл их величие при открытых воротах.

Талус, один из горгон, плыл к нам навстречу. Его змеиный хвост позволял ему плыть быстрее, чем я когда-либо мог. Десяток змей шипели и скользили на его голове. Его пламенные глаза не встретились с моими, он смотрел только на Яру.

— Нет! — закричал я, встав между ними. Мой крик был заглушен водой. Я сильнее обнял Яру. Она потянулась и повернула к себе мое лицо.

— Трейган, все хорошо, — сказала она. — Ты должен отпустить меня.

Находясь между ней и Талусом, я одной рукой держал ее, другой отталкивая его.

— Забери меня! Я займу место Медузы!

Он блеснул неровными клыками, и змеи зашипели на меня.

— Отпусти ее. Она принадлежит сестрам.

Русалки и Селки проносились мимо нас, проходя через яркий свет ворот по пути домой. Некоторые остановились и зависли около нас, наблюдая за спором, или может просто из-за шокирующего взгляда Талуса. Восемнадцать лет никто из нас не видел горгон. Я почувствовал, как позади меня приплыли Фиалки, пока я спорил с Талусом. Яра отстранилась от меня, пытаясь выбраться из моих рук.

Я смотрел в пламенные глаза Талуса и просил:

— Я и чудовище, и человек. И знаю больше, чем она. Я сильнее. Возьмите меня вместе с ней!

Каспиан за подбородок повернул мое лицо к себе.

— Трейган, отпусти ее. Что сделано, то сделано.

Мои эмоции утикли. Я с ненавистью смотрел на Андреа, пытаясь оставаться рассерженным.

— Нет! — прокричал я.

Талус вырвал у меня Яру, потянул ее за собой и проплыл через ворота так быстро, что у меня не было времени взглянуть на ее лицо в последний раз. Я качнулся вперед, в попытке следовать за ними, но Каспиан и Сиксел крепко взяли меня за руки.

— Я хочу поговорить с ней! Он не может просто забрать ее навечно.

Андреа взяла мое лицо в руки.

— Это ее предназначение, Трейган. Это было решено еще до ее рождения. Ты должен принять это.

Моя челюсть снова задрожала. Мои руки чувствовали холод и пустоту. Они только что держали ее, мое чудо, единственную девушку, которой хватило смелости любить меня. И единственную, кого когда-либо любил я. Как я мог позволить, чему-то столь ценному ускользнуть сквозь пальцы?

— Я даже не попрощался, — сказал я Андреа.

Она тихо пригладила мои волосы назад.

— Прощание сделало бы расставание еще тяжелее.

ДЕНЬ 20

Я запомнил каждую трещину, линию, изгиб и разнообразие цветов в каменной стене передо мной. Сидение перед входом в грот тридцать восемь часов позволило мне достаточно изучить кладку.

Я никогда не думал о возвращении в наш мир. Около десяти лет я планировал после Дня Троицы Восемнадцатилетних занять место Яры в гроте — или умереть. Я много раз пытался найти вход на земле и под водой, но ничего не находил. Я звал Стено и Юриэль, пока не охрип. Я молил родственников горгон, попросить сестер впустить меня. Ничего не сработало.

Дельмар появился из воды на краю скалистого склона. Он ничего не говорил, а просто встал на ровную землю и сел спиной ко мне, как и вчера. Я обошел и встал над ним, смотря на разделение океана. Половина, принадлежащая Селки, была темной и холодной, а наша — очень светлой и теплой; обе половины мерцали и наполняли жизнью.

— Как долго ты собираешься здесь оставаться? — спросил Дельмар.

— Сколько понадобится. Я все еще ее защитник.

Он подвигал туда-сюда хвостом цвета индиго.

— Она заняла свое место. Тебе больше некого защищать.

Я наблюдал, как у самой поверхности танцуют духи воды, подобно светлячкам на земле.

Дельмар глубоко вздохнул.

— Трейган, ты годами отказываешься от высоко ранга. Фиалки настаивают на том, чтобы ты стал Индиго. Они устроили праздник в твою честь.

— В мою честь? Скажи им, пусть чествуют Яру, Ллойда или даже Ровнана, если хотят. Я ничего не сделал, кроме как стоял, пока Яру приговаривали к вечному холоду и одиночеству в темноте.

Дельмар встал и посмотрел на меня.

— Благодаря тебе мы живем. Без водорослей мы бы погибли уже через несколько недель после закрытия ворот.

— Здорово. И какая у меня цель на сегодня? Годами собирал урожай, защищая Яру, убеждаясь, что все, о ком я заботился, здоровы и в безопасности. Нам больше не нужны водоросли. Все вернулись в наш мир. Я не смог защитить Яру, так какой цели я должен служить?

— А что насчет друзей? Они для тебя ничего не значат?

— Дел, ты не понял? В мирах толпы созданий, и всю мою жизнь я чувствовал себя одиноким. Я смирился, что у меня никогда не будет отношений подобных вашим с Кимбер. Я знал, что у меня никогда не будет девушки, жены, или кого-то, с кем я мог бы поделиться

своим миром. Я принял свою судьбу. Но Яра изменила все. Она полюбила меня, даже злую и пугающую часть меня. И я хочу это вернуть. Это эгоистично? Знать, что она там, — я указал на грот, — и желать быть там, рядом с ней, неужели так много прошу?

Глаза Дельмара расширились.

— Ты бы выбрал жизнь в гроте, а не свободу?

— Чтобы быть с Ярой, да.

— Ты псих.

Он отвернулся, но я схватил его за руку.

— Что если бы Кимбер была там? Ты бы поселился здесь и провел бы здесь всю жизнь, думая, что ее похищение из мира солнечного света, красоты и свободы — это нормально?

Его глаза сузились. Он посмотрел на возвышающиеся бульжники грота.

— Нет, думаю, я бы взрывал это место, пока не пробился.

— Именно. И не думай, что у меня не было таких же мыслей.

Он положил руку мне на плечо.

— Но сейчас она одна из них. Вероятно, она не та Яра, в которую ты влюбился, а злобный монстр.

Я рассмеялся.

— Я всегда был злобным монстром, но она все равно меня любила.

Он наклонил голову, и его волосы закрыли лицо.

— Ты мой лучший друг. Я всегда поддержу тебя, каким бы сумасшедшим не был твой выбор. Но если они тебя впустят, я чертовски буду по тебе скучать.

Я кивнул. Он нырнул в воду и тут же выплыл на поверхность.

— Я буду появляться здесь каждый день, чтобы узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь. Может, однажды ты уйдешь отсюда. И не важно по какой причине.

— Было бы здорово, — ответил я.

Я смотрел, как он уплывает, размытым пятном цвета индиго у поверхности воды. Я сел, прислонился к скале и уставился на три солнца в небе русалочьего мира, считая разноцветные звезды вокруг них.

Слабое, но непрекращающееся жужжание становилось громче. Я посмотрел вниз и увидел какой-то маленький сверток у моих ног. Он светился на солнце. У меня дыхание перехватило. Я поднял его и сильно зажмурил глаза. Пожалуйста, не позволяй мне уснуть. Пожалуйста.

Я открыл глаза. Жемчужина все еще была здесь, мерцающая на моей ладони. Я задержал дыхание и посмотрел на грот.

Яра.

Я медленно встал, боясь сделать лишнее движение, из-за которого она может исчезнуть, как мираж. Я подошел к ней, боясь моргнуть. Чем ближе я подходил, тем больше изменений замечал. Ее волосы стали прозрачными, подобно бриллиантам. Радужка глаз темной с отблеском серебра.

Несколько прекрасных минут мы просто стояли и смотрели друг на друга. Я взял в ладони ее лицо, благодаря Богу, что могу видеть ее, касаться и все еще ощущать доносящийся аромат цветов яблони.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она. Ее голос все еще был подобен арфе.

— Ты... Ты изменилась.

Она кивнула.

— Я смешанный монстр.

— Ты красива, — прошептал я. — Ты пристыдила Медузу.

— Шшш, Стено и Юриэль за свою сестру стоят горой.

Она подняла часть своих мерцающих волос и сзади на ее шее свернулась кольцом серебристая змейка, щелкающая языком. Яра подняла глаза и вздохнула:

— Это единственная, но я злюсь на себя, за то, что во время переговоров не уточнила сразу, никаких змей в моих волосах.

— Переговоров?

— Да, с Медузой и Посейдоном.

Мои глаза расширились.

— Извини, что?

Она пренебрежительно махнула рукой.

— Это долгая история. Я позже расскажу.

— Ты говорила — и договорилась — с существами этого мира, и отмахиваешься, будто это пустяк.

Огромные, жемчужные крылья раскрылись за ее спиной.

— Святой Посейдон, — ахнул я. — У тебя есть крылья. Что там произошло?

Она посмотрела через плечо на грот.

— Они сказали, что не могут изменить того, кем я являюсь. Моя кровь — это смесь крови человека, русалки, Селки, сирены и горгоны. Я должна жить и приспособливаться к этому.

Я кружил вокруг нее, изучая все изменения. У нее появилось несколько новых меток, а та, что уже была, немного изменилась. На завивающихся стеблях росли цветы. Бледно-голубая луна сияла на поясице, напротив радужного солнца. Змеиный знак, почти идентичный моему, располагался между ними. Настоящая змея, судя по всему, спит на ее плече. Она не убирала крылья, хотя сирены в любое время могут захотеть ими обладать. Мне было интересно, сработает ли это с ее ручной змейкой.

Я не мог контролировать свою улыбку.

— Ты больше не Ямабуки. Ты морской дракон, который покорила Водопад Вечности, как в легенде.

— Как ни странно, там был водопад, но я не поддавалась желанию прыгнуть в туман, так что ты все еще можешь называть меня Ямабуки.

— Я не знаю, — я обнял ее за талию. — Смотря какого цвета твой хвост.

Ее глаза засияли.

— Подожди, скоро увидишь.

Мы подошли к воде. Она опустилась в воду и подняла хвост над ней. Чешуя на нем была такой бриллиантовой, как и волосы. Мерцая всеми цветами радуги нашего мира.

— Возможно, нам нужно придумать новое имя для тебя, — поддразнил я.

Ее хвост превратился в ноги, и она вышла из воды.

Я взял ее за руки и притянул ближе.

Она улыбнулась, когда я начал раскачиваться.

— Что ты делаешь?

— Раньше из тебя был ужасный танцор. Будем надеяться, что от способностей Селки, ты взяла новые движения.

В ее глазах промелькнула печаль, а в ее голосе надежда:

— Ровнан. Он...?

Я коснулся лбом ее.

— Одним из первых прошел через ворота. Они с Виенной, вероятно, наверстывают упущенное, пока мы тут разговариваем.

Она обняла меня сильнее.

— Хорошо. А что с Коралин?

— Она проснулась через несколько часов, как ее перенесли через ворота. Она воссоединилась со своей семьей.

Яра облегченно выдохнула. Я почти видел, как чувство вины отпускает ее.

— А где твой отец?

— Кому есть дело до него?

Яра удивленно подняла брови.

— Трейган, мы оба живы и вместе, благодаря ему. Я требовала свое место в ряду горгон. Он сказал, что твой план не сработал бы, и что готовил меня к этому всю мою жизнь. Он поклялся, что Медуза рассудительна и ей знаком компромисс, но я должна была умереть, чтобы увидеть ее и заключить сделку. Поклялся, что она вернет меня назад, если я не приму ее отказа.

Казалось, в это невозможно поверить, но последние несколько дней или недель мысли были именно такими. Мой отец защищал меня и Яру любой ценой.

— Думаю, мне следует сходить к нему и поблагодарить.

— Именно. Знаешь, как трудно было ему верить, когда он говорил, что смерть, еще не означает конец?

Я заправил белую прядь за ее ушко.

— Он был прав. Я бы не поверил. И все еще боюсь, что сейчас я вижу сон.

— Русалки не видят снов, — сказала она насмешливо.

— Туше, — грот злоеще возвышался за ней. — Сколько у нас времени? — спросил я. — Я хочу спросить Стено и Юриэль, могу ли я жить там с тобой.

Она подняла голову в сторону.

— Ой, как грубо с моей стороны. Я же тебе еще не сказала.

— Не сказала что?

— Меня не приговорили к гроту подобно им. Это часть сделки. У нас все еще есть несколько основных пунктов, чтобы все уладить, но я могу свободно бродить между мирами так часто, как захочу.

Мои метки завертелись от радости. Меня наполнила такая надежда и счастье, что я не мог говорить.

Яра засмеялась.

— Трейган, своя кожа так сияет, что почти ослепляет.

— Мы можем быть вместе? Здесь? За пределами грота?

— Да, мы можем быть вместе. Никаких ограничений, — сияние ее улыбки одурманивало, но какое-то озорство пряталось за ней.

— Никаких ограничений? — спросил я. — Хочешь сказать...

Она сделала один взмах крыльев, прежде чем окутать нас ими.

— Я отчасти горгона. И твое умение превращать в камень со мной не сработает.

Впервые за все время мне не нужно подавлять влечение к ней. Я не отдалялся или

пытался изменить свой ход мыслей. Я гладил ее лицо, остановившись на несколько мгновений, чтобы она почувствовала затишье перед бурей, которой она насладится. Я дождался ее неуверенного вздоха и коснулся ее губ своими. Мои губы нашли рай.

Она дрожала, и я отстранился, все еще опасаясь, что могу навредить ей, но она улыбнулась и притянула меня к себе. Яра пальцами нежно коснулась моих глаз, далее вниз по щеке, бормоча что-то о созвездиях.

И прошептала:

— Поцелуй меня снова.

Когда наши губы встретились, никакой нежности не было места. Мы нападали друг на друга. Простой наш вздох и сплетение языков было более невероятным, чем все, что я когда-либо чувствовал. Я поднял ее, и она обвила меня ногами. Даже если бы мы упали в воду, я не смог бы перестать целовать ее.

Около десяти лет я думал, что День Троицы Восемнадцатилетних будет моим концом. Вместо этого началась новая глава в истории бесконечных возможностей. Я молча поблагодарил Медузу и Посейдона за то, что подарили мне смелую, красивую, любящую и упрямую русалку-монстра, чтобы плыть рядом со мной всю мою оставшуюся очень долгую жизнь.

ДЕНЬ 21

Тонкие линии мха над глазами Стено сократились, когда я закончила излагать идею.

Даже в тусклом свете освещающего грот огня, я могла видеть неодобрение на лице Юриэль. Долгое время единственным звуком был звук капель сталактитов. У сестер целая вечность, чтобы подумать обо всем. Я научилась быть тихой и терпеливо ждать, когда одна из них ответит, иначе это станет просто еще одним доводом.

Мы услышали зов сирен, и клыки Юриэль скользнули по ее губе. Картинки в книгах истории неверны. Их клыки находятся на нижней челюсти, и они зазубрены, а не ровные.

— Что ж, — сказала я, — кажется, прибыл ваш завтрак. Поговорим позже.

Вода бассейна в пещере задрожала. Я стояла на краю, ожидая появления Маризы и Отабии. Черные и коричневые птицы вырывались на поверхность, стряхивая воду с крыльев. Затем каждая из них приняла свой облик сирены.

— Яра, — кивнула Отабия, смахивая воду с рук.

— Доброе утро, Отабия.

Мариза тыльной стороной руки вытерла кровь со своих шоколадных губ. Я была готова нырнуть в воду, но остановилась.

— Мариза, ты же никого не убила прошлой ночью, верно?

— Только Стено узнает ответ, — хихикала она, присев перед горгоной.

Отабия издала свои отвратительные тошнотворные звуки, означающие, что она начнет срыгивать. Я покачала головой, обернулась птицей и нырнула в бассейн. Крутясь и пробираясь сквозь узкие наполненные водой тоннели грота, я подумала о моей матери. Она жила такой жизнью. Она была в этих пещерах и летала в этом мире. Я не думала, что у нас так много общего. Оказывается, мы были похожи даже больше, чем я могла представить.

В маленьком отверстии впереди появился дневной свет, и я прошла в него, обратившись в монстра на воздухе. Никси сидела на самой высокой скале грота. Я взлетела к ней и присела рядом, наши ноги свисали вниз.

— Ненавижу, что твои крылья больше и симпатичней моих, — огрызнулась она.

Я отвела их. Порыв ветра бросил волосы нам в лицо. Моя змея тоже исчезла, а значит, я не смогу ясно мыслить, но встречи с Никси не требуют большого интеллекта.

— Я снова в нормальном состоянии. Ты вне конкуренции.

Она посмеялась, но казалась грустной.

— Ты далека от нормы.

— Что случилось? Ты сама не своя последние несколько дней.

Она посмотрела на меня, а потом на океан под нами.

— Я думаю, она ушла.

— Кто?

— Твоя мама.

Никси не упоминала о моей матери с тех пор, как перенесла меня к воротам в День Троицы Восемнадцатилетних. Я не переставала думать о ней, но не представляла, что Никси тоже думала о ней.

— Она ушла, — заметила я. — Я видела ее, когда попала к Вечному Водопаду.

Крылья Никси опустились, касаясь сзади земли.

— Значит, она никогда не вернется. Я ей больше не нужна.

Я развернулась к ней:

— Ты говорила, что она правила вами и заставляла делать то, чего вы не хотите. Я думала, что вы были бы счастливы избавиться от нее.

Она пыталась содрать с ногтей красный лак.

— Знаю, но сейчас я чувствую себя потерянной, и не имею цели. Я даже не могу отдавать воспоминания как Отабия и Мариза, потому что ты отказываешься пить кровь.

Я старалась не засмеяться.

— Это то, чего ты хочешь? Провести свою жизнь, принося мне украденные воспоминания людей для меня?

Она пожала плечами.

— По крайней мере, это будет для меня хоть каким-то занятием.

— Никс, ты все еще моя сирена, призванная помогать мне. У нас появилось несколько больших изменений в работе. Когда придет время, мне понадобится твоя помощь и способности. Я не смогу сделать это в одиночку.

Она моргнула.

— Ты обещаешь?

— Да, обещаю.

Она тихо махала высокими сапогами, касаясь скалы под нами.

— Тяжело терять ее дважды, не так ли?

— Что?

— Твоя мама, — сказала она. — Это разбило мне сердце, когда она умерла в первый раз, но потом ее дух был рядом все эти годы. И сейчас, будто она снова умерла. Я скучаю по ней.

— В этот раз было по-другому. Она выглядела умиротворенной и счастливой, когда проходила через водопад. Не тогда, когда нашли ее безжизненной в постели.

— Согласна. Это было ужасно.

У меня в голове будто щелкнуло.

— Откуда ты знаешь, что это было ужасно?

— Я была там. Она знала, что смерть приближается, поэтому позвала меня, и я была с ней до конца.

— Нет, она была одна в своей спальне. Тебя не было там.

Никси улыбнулась.

— Я притворилась ветром, чтобы ты не увидела меня. Ты сидела на качелях, на веранде. Я пролетала мимо тебя.

Я схватила Никси за руку, открыв рот.

— Ты была приятным розовым ветром?

Она кивнула и согнула затекшие мышцы.

— Кто, думаешь, помог тебе поднять ее в лодку?

Я удивилась так сильно, что возникло ощущение, будто брови хотят улететь со лба.

— Почему ты позволила мне посадить ее в эту лодку? Должно быть, ты знала, что она утонет.

— Мы — мои сестры и я — поклялись не показываться, пока тебе не исполнится восемнадцать. Твоя мать объяснила, что ты делала, — она закрутила пальцем рубиновые локоны. — Было мило то, что ты хотела привести ее к твоему отцу. Твоей маме нравилась идея о том, чтобы ее тело исчезло в океане. Она бы предпочла испариться в воздухе, но это было невозможно, не так ли?

Когда Никси говорила, произошло осознание.

— Та ночь. Это ты сказала тогда Трейгану, где я была? Вот как он узнал, что я тонула?

— Сдаюсь. Что ж, твоя мать попросила меня сказать ему об этом. Она избрала его твоим телохранителем, потому что он был самым быстрым русалом. И это хорошо, потому что даже он едва подоспел к тебе вовремя.

— Как я могла не знать обо всем этом?

— Твоя мама была экспертом в хранении секретов.

— Не шути, — проворчала я. — На протяжении всей моей жизни было секретом то, что она заботилась обо мне.

Никси взяла меня за руку. Ее когти прошлись по моей коже.

— Ее раздражало быть человеком. Она ненавидела это. Представь, если бы ты, узнав сейчас о нашем существовании, вернулась бы в человеческой жизни. Ни силы, ни способности летать, ни делиться с кем-то своей душой. И представь, что умирает твоя родственная душа.

Мое сердце пропустило удар, и я вздохнула.

— Именно, — сказала Никси. — Твоя мама была безутешна, когда Вирон умер. Она винила себя за все: за сделку с горгонами, чтобы стать людьми, что обещала тебя этой

темной жизни в гроте, что сделала Вирона и себя такими слабыми, и это убило его и со временем убило бы ее и Ллойда. Она ненавидела себя и ту, какой стала.

— Меня она тоже ненавидела. Отабия дала мне это почувствовать самой.

— Ох, Яра. Не будь душой. Задержись ты подольше, ты бы увидела, что это твоя мама просила Ллойда, помочь им защитить тебя. Твой отец, конечно согласился. Он любил тебя так же сильно, как и она, но твоя мама просила заклинание, чтобы уйти. Это была ее идея бежать и защитить тебя. Затем пришла беда больше. Ворота закрываются, у Ллойда отказывают почки, а Вирон погибает в этом огне. Она не могла больше этого выносить. Она думала, что обречена. Она думала, за что бы она ни взялась, становится только хуже.

— Но она хотела, чтобы я не родилась.

— Она желала этого, потому что никогда и не предполагала, что будет так сильно тебя любить. Когда она согласилась отдать тебя горгонам, она не знала, насколько сильной может быть связь между матерью и ребенком. Она знала, что никогда не сможет тебя отдать. А это значило, что они с Вионом погибли бы, лишь бы защитить тебя. Это была проигрышная ситуация для нее. Пока она...

— Пока она что? — подгоняла я.

— Пока она не умерла и не узнала, что может стать твоим ангелом. Наблюдать за твоей жизнью, помочь быть в безопасности, и быть уверенной, что все будет хорошо. Она и Лиора были командой.

— Ты знала о Лиоре?

— Клео сказала мне несколько лет назад. Ллойд в своем доме даже повесил их портреты рядом.

Стена ангелов. Я могла ясно представить белоснежные крылья. Я всегда думала, что она похожа на мою мать. Но в моих воспоминаниях мама была больной, очень худой, с впавшими глазами и ненавистью к жизни. А ангел выглядела здоровой, сильной, с сияющими глазами и радостной, как и тогда, когда она прошла через водопад.

— Деревянный портрет ангела — это моя мама.

Никси улыбнулась и ткнула в знак крыльев на моей спине.

— Портрет сирены, но да, ангел тоже подходит.

Моя мама любила меня. Как и мой отец, и Ллойд и Трейган. Даже знойная сирена помогла спасти меня. У меня была целая секретная команда сверхъестественных созданий, стоящих на страже моего благополучия, а я и не знала этого. По крайней мере не тех, кого я могла вспомнить.

— Она действительно любила меня, — прошептала я.

Никси обняла меня и поцеловала в щеку.

— Ей нужно было выбрать, или дать себе жизнь, о которой мечтала, или дать тебе жизнь твоей мечты. Она выбрала тебя, Яра.

Слезы катились по моему лицу. Слезы счастья. Сквозь радужную пелену я увидела полосу полуночной синевы у поверхности воды. На поверхности воды появился улыбающийся нам Трейган. Я помахала рукой, поцеловала в лоб Никси и встала.

— Ты же придешь на празднование, верно? — спросила я.

Она встала и подбоченилась.

— Впервые почти за двадцать лет все морские существа веселятся вместе. Я не пропущу это.

Никси расправила крылья и взлетела с утеса, а я нырнула в океан и поплыла к Трейгану.

— Ты готова? — спросил он, подарив мне долгий и страстный поцелуй прежде, чем я смогла ответить.

— Да, — наконец я смогла ответить.

— Я не могу поверить, что Ллойд согласился устроить вечеринку у себя.

Я засмеялась и провела пальцами сквозь почти черные волосы Трегана.

— Он хотел отпраздновать вхождение его сына в ранг Индиго.

— Я мог стать Индиго еще очень давно.

— Знаю, но ты остался Синим, чтобы защищать меня.

Он улыбнулся своей сексуальной самоуверенной ухмылкой.

— Верно, и не забывай это.

Мы снова поцеловались, и я потянула его за руку.

— Давай, я не могу дождаться, когда же всех увижу, особенно Коралин и Ровнана. И тебе лучше не игнорировать меня, как в прошлый раз.

Трейган взял меня за талию.

— Ничто и никто больше не сможет разлучить нас.

Когда мы вплыли в ворота, я ожидала увидеть других направляющихся на вечеринку, но Катакомбы были пустыми. Это даже уже и не катакомбы вовсе. Все могилы вернули обратно в Рате или отдали членам семьи потерянных душ. Остались лишь песок и остатки забытых растений.

— Где все? — спросила я Трейгана.

— Вечеринка началась на восходе. Панго сказал, мы можем подойти попозже.

Мы приближались к Эденс Хаммок, когда Трейган нырнул подо мной и плыл назад лицом ко мне.

Я засмеялась.

— Что ты делаешь?

— Запоминаю тебя.

От этих слов и под таким взглядом я просто таяла.

Он притянул меня к себе, и мы плыли вверх, слившись в поцелуе. Когда его губы опускались по моей шее, я потеряла контроль и всякие адекватные мысли. Я тянула его за волосы и стонала от удовольствия. Мы прорвались на поверхность, когда он языком коснулся моего уха.

— Я люблю тебя, Ямабуки, — прошептал он.

Огонь растекался по всему телу. Пальцами я провела вниз по его груди, и он вздохнул. Русал пытался отстраниться, что еще больше заставляло меня желать его, и я вцепилась сильнее и снова поцеловала его.

— Когти, — возмущался он, когда я посасывала его нижнюю губу.

Я отпустила его и посмотрела на свои руки, потрясенная увиденными смертоносными, жемчужными когтями.

— О, боже. Прости.

Я затронула его раны, полученные в драке с Ровнаном, но Трейган только пожал плечами.

— Думаю, я знаю твою особенность Селки, — смеялся он.

Я тут же вернулась в человеческий облик.

— Вау! — просиял он.

— Что?

— Ты снова брюнетка.

— Да! — я откинула волосы назад, радостно улыбаясь. — Я надеялась, что это произойдет. Мне не идет быть блондинкой.

— Значит ли это, что ты никогда не будешь Зеленой или в каком-нибудь другом ранге?

— Я Белая. Медуза сказала, это никогда не изменится.

Волосы Трейгана и хвост были темнее из-за его нового ранга Индиго, но к счастью его глаза остались того же кобальтового синиго, который мне так нравился.

— Трейган, не важно, в каких мы рангах, или как можем измениться, можешь пообещать кое-что?

— Если смогу.

— Будешь всегда моим защитником?

Он улыбнулся, притянув меня ближе.

— Мы будем защищать друг друга.

— Мне нравится, как это звучит, — я прильнула к нему, наклонившись для поцелуя.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Аккуратно, кожа человека более чувствительна, — Трейган прошелся взглядом по мне с еще большей любовью в глазах, чем я когда-либо видела, и бóльшим желанием, чем какая-либо сирена могла показать.

Я покусывала его ухо и тяжело дышала.

— Мы заслужили право потерять контроль, — он принял человеческий облик, целуя мою шею между словами. — Мы будем очень поздно.

— Они хороши в умении ждать, — сказала я, затаив дыхание. — Они практиковались восемнадцать лет.

Мы нырнули в воду, два тела и две души сплетенные воедино.

Дельмар сказал Трейгану правду. Нет лучшего чувства, чем любовь. И я, испытав это на себе, могла бы подтвердить девиз Коралин. Мы должны любить, пока это не убьет нас, потому что действительно нет большей чести, чем умереть за нее.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Гипервентиляция — интенсивное дыхание, которое превышает потребности организма в кислороде. Различают гипервентиляцию, как симптом заболевания, и гипервентиляцию в дайвинге.